

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ
ГЕНЕРАЛА ЗЕЙДЛИЦА.

Сочиненіи

Фарнеагена фонъ-Энзе.

Переводъ съ Пѣмецкаго.

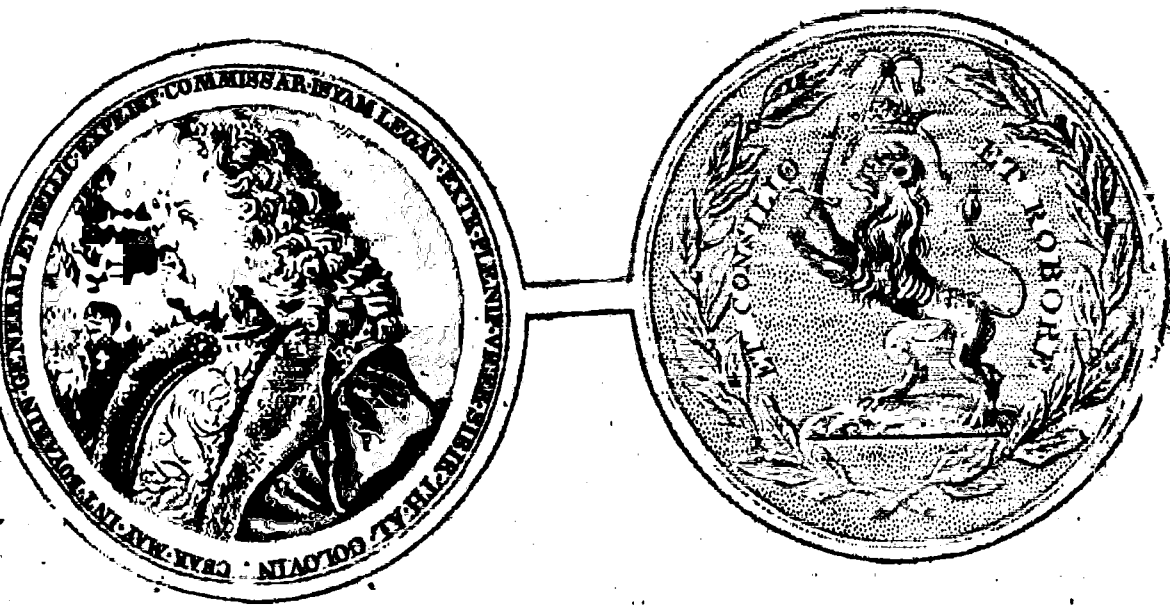
*Scidlitz ist das edelste Loos geworden,
was ein Soldat erreichen kann:
er lehte unübertroffen, er stirbt ohne
ersetzt werden zu können.*

Слова Фридриха Великаго.

К І Е В Ъ .

Въ Университетской Типографіи.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Кіевъ, 2-го Марта 1858 года.

Ценсоръ С. Богородскій.

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ,

Милостивому Государю,

Графу Ивану Осиповичу

В И Т Т У,

состоящему при особѣ Его Императорскаго Величества, Инспектору всей поселенной кавалеріи, Шефу Украинскаго Уланскаго полка, Генералу ордѣ кавалеріи, и всѣхъ Россійскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ Кавалеру.

Сіятедьптьшій Графъ,

Милостивый Государь!

Въ томъ вниманіи, что описаніе подвиговъ славнѣйшаго изъ всѣхъ кавалерійскихъ генераловъ будетъ для Русскихъ офицеровъ чтеніемъ приятнымъ и полезнымъ, я перевелъ сочиненіе извѣстнаго Пьемцаго писателя, Г. Фарнгагена фронтъ-Эдзе, заключающее подробнѣйшее и любопытнѣйшее жизнеописаніе генерала Зейдлица.

Дозвольте, Сіятельнѣйшій Графъ, посвятить особь Вашей мой слабый трудъ, и украситъ оный знаменитымъ именемъ любимаго начальника Русской кавалеріи.

Съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть,

Сіятельнѣйшій Графъ,

Вашимъ

покорнѣйшимъ слугою.

Юрій Лахманъ.

Кіевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

1721—55.

Происхожденіе рода Зейдлица; его дѣтство. Онъ поступаетъ въ пажи къ Маркграфу Швепскому; становится любимцемъ Маркграфа; опредѣленъ на 17-мъ году корнетомъ въ кирасирскій полкъ. Открытіе похода 1740 года; Зейдлицу поручается охраненіе отдѣльнаго поста; онъ взятъ въ плѣнъ; Король приказываетъ вымѣнить его; возвращеніе въ Прусскій лагерь; онъ награжденъ чиномъ ротмистра. Походъ 1744 г.; Зейдлицъ снова обращаетъ на себя вниманіе Короля; сраженія при Гогенфридбергъ и Сооръ; онъ беретъ своею рукою въ плѣнъ Саксонскаго генерала Шлихтинга; раненъ пулею въ лѣвую руку; произведенъ въ майоры. Король даритъ его драгоценною Турецкою саблею. Его эскадронъ становится образцомъ для всего полка. Образъ жизни его. Производство въ подполковники; онъ назначенъ командиромъ драгунскаго полка съ тѣмъ, чтобъ исправить полкъ;

назначается командиромъ Роховскаго кирасирскаго полка; произведенъ въ полковники.

Г Л А В А II.

1756—57.

Открытие похода; вторженіе въ Саксонію; сраженіе при Ловозицѣ; кавалерійская атака. Зейдлицъ на зимнихъ квартирахъ въ Дрезденѣ; письмо его къ Королю. Походъ 1757 года; Зейдлицъ въ авангардъ Цишена; оплывается въ авангардныхъ дѣлахъ; походъ противъ фельдмаршала Дауна; сраженіе при Колинѣ 18 Іюня; Зейдлицъ произведенъ въ генераль-маіоры; Король обращается прошиву Французовъ; Зейдлицу поручается авангардъ; отзывъ Короля о Зейдлицѣ; ему поручается начальство надъ всею конницею; сраженіе при Росбахѣ; атака Зейдлица; получаетъ орденъ Чернаго орла, назначенъ шефомъ своего полка и произведенъ въ генераль-лейпенанты.

Г Л А В А III.

1757—58.

Зейдлицъ на степени генераль-лейтенанта не измѣняется въ обращеніи; пребы-

ваніе его въ Лейпцигѣ по случаю полученной при Росбахѣ раны; Король освѣдомляется неоднократно о немъ. Онъ являешся въ армию; осада Ольмюца; славное дѣло при Жлумицѣ; Король обращается прошиву Русской арміи; сраженіе при Цорндорфѣ $\frac{2}{13}$ Августа; подвиги Зейдлица. Король приписываетъ ему побѣду; походъ Короля въ Саксонію; лагерь при Гохкирхенѣ; опасное его положеніе; щепетныя убѣжденія Цицена и Зейдлица перемѣнишь его; сраженіе при Гохкирхенѣ; Зейдлицъ, начальствуя всею кавалеріею, прикрываетъ отступленіе въ величайшемъ порядкѣ; превосходное и быстрое движеніе Короля въ Силезію и обратно; Зейдлицъ находился постоянно при немъ. Зимнія квартиры; Зейдлицъ прилагаетъ особое раченіе объ улучшеніи кавалеріи.

Г Л А В А IV.

1758 — 61.

Зейдлицъ отпраженъ къ Франкенштейну для удержанія сообщенія между Королескою арміею и корпусомъ Фуке; передовое сраженіе его съ Лаудономъ. Соединеніе Русской арміи съ Австрійскою; сраженіе при Кунерсдорфѣ; Зейдлицъ тяжело

раненъ; поражение Прусаковъ. Зейдлицъ разбишь парализемъ; его перевозятъ въ Берлинъ; письмо Короля къ Зейдлицу. Зейдлицъ вступаешъ въ бракъ. Опъздъ его въ армію; возвращеніе въ Берлинъ. Недоумѣніе между Королемъ и Зейдлицомъ. Король идешъ въ Силезію. Сраженіе при Лигницъ. Дѣйствія Зейдлица въ Берлинъ, во время набѣга Рускихъ. Переписка между Королемъ и Зейдлицомъ. Зейдлицъ присоединяешся къ арміи Принца Генриха и принимаетъ начальство надъ кавалеріею.

Г Л А В А V.

1761—65.

Принцъ Генрихъ поручаешъ Зейдлицу дѣйствовать проливъ Имперскихъ войскъ. Опасное положеніе Фридриха въ Силезіи, Генриха въ Саксоніи. Принцъ Генрихъ выступаешъ къ г. Фрейбергу; Зейдлицъ преслѣдуешъ Австрійскій арріергардъ; холодность Принца къ Зейдлицу; Зейдлицъ отражаешъ и преслѣдуешъ Князя Штольберга. Новый примѣръ хладнокровія и присутствія духа. Зейдлицъ идешъ въ Богемію; счастье въ первый разъ измѣняешъ ему; Зейдлицъ возвращаешся въ лагерь; сраженіе при Фрей-

бергъ; подвиги Зейдлица; приѣздъ Короля къ арміи Принца Генриха. Губернбургскій миръ.

Г Л А В А VI.

1765—67.

Расформированіе части войска. Зейдлицу поручено распустить конную вольницу; буницъ; Зейдлицъ спараленся облегчить участь офицеровъ. Назначается главнымъ инспекторомъ кавалеріи въ Силезіи; неудовольствіе генераловъ по поводу учрежденія сего званія. Безкорыстіе Зейдлица; пособія, получаемыя имъ отъ Короля. Зейдлицъ беретъ разводъ съ своею супругою. Спирасъ Зейдлица къ охотѣ. Общій очеркъ отношеній его по службѣ; благосклонность къ полковому адъютанту Рейбницу; ревность и усердіе Рейбница къ службѣ.

Г Л А В А VII.

1767—75.

Зейдлицъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Свиданіе Императора Іосифа II съ Фридрихомъ Великимъ; желаніе Импе-

рашиора видѣть кирасирскій полкъ Зейдлица; холодность Короля къ Зейдлицу; подарокъ Императора; отношенія Зейдлица къ Фридриху. Зейдлицъ снова пораженъ параличемъ; участіе въ немъ Короля и Принца Генриха; его перевозку въ помѣстье Миньковски; посѣщеніе Короля и наследнаго Принца; тихая и спокойная смерть его; прауръ по немъ. Наружность Зейдлица. Опличительные черты его характера. Постоянное уваженіе Зейдлица къ Церкви и ея обрядамъ. Степень его образованности. Фридрихъ воздвигаетъ ему памятникъ на Вильгельмской площади въ Берлинѣ.

ГЛАВА I.

Фридрихъ Вильгельмъ Баронъ фонъ-Зейдлицъ происходитъ отъ древняго дворянскаго рода изъ Силезіи и Богеміи, распространившагося съ давняго времени и по Саксоніи, Пруссіи и Гессенъ; онъ родился 3-го Февраля 1721 года въ Калькаръ, въ Герцогствѣ Клевъ, гдѣ отецъ его, Даниль Баронъ фонъ-Зейдлицъ, служилъ ротмистромъ въ драгунскомъ полку генерала Зонсфельда. Мать его была урожденная фонъ-Иловъ; объ нихъ ничего особо достопримѣчательнаго не извѣстно. Безъ сомнѣнія воспитаніе молодого Зейдлица было сообразно будущему его назначенію; въ то время военная служба представ-

ллясь для офицерскаго сына ближайшею пер-
 спективою. Отъ дворянства требовали образова-
 нія основательнаго, но отнюдь не препятствова-
 ли развитію тѣлесныхъ способностей; такимъ
 образомъ за часами строгаго понужденія, слѣдо-
 вали часы безотчетной свободы, и потому Зейд-
 лицъ, удовлетворяя своей любимой склонности, въ
 полной мѣрѣ наслаждался тѣмъ преимуществомъ,
 что стремленіе и сила его юныхъ лѣтъ непре-
 пятственно приготовляемы были для того по-
 прища, на которомъ въ послѣдствіи ожидало его
 счастье и слава. На седьмомъ году отъ рожде-
 нія онъ сидѣлъ уже на конѣ; вскорѣ послѣ того,
 презирая всѣ опасности, ѣздилъ со взрослыми
 въ запуски. Между тѣмъ отецъ его получилъ
 эскадронъ въ кирасирскомъ полку Маркграфа
 Шветскаго Фридриха Вильгельма; любясь бод-
 ростию своего сына, онъ часто рассказывалъ о
 смѣлыхъ его упражненіяхъ Маркграфу, стра-
 стному искателю отважныхъ приключеній. Но
 вскорѣ Даніиль фонъ-Зейдлицъ скончался, когда
 сыну его еще не было осьми лѣтъ, и воспитаніе мо-
 лодаго Зейдлица совершенно предоставлено было
 матери, которая, несмотря на весьма ограни-
 ченныя свои доходы, послала его въ Неймаркъ,
 въ Фрейенвальдское училище. Здѣсь, кажется,
 ни страсть его къ ученію не увеличилась, ни

рѣзвость не умалилась; однакоже Маркграфъ Шветскій, продолжая покровительствовать сиротѣ, назначилъ Зейдлица къ себѣ въ пажы на четырнадцатомъ году его жизни.

Маркграфъ, племянникъ Короля Фридриха I, и со стороны матери племянникъ князя Леопольда Ангальтскаго, сохранилъ и въ мужескомъ возрастѣ всю необузданность своей неукротенной юности. Ни строгія формы военной службы, ни негодованіе Короля Фридриха Вильгельма I, выдавшаго за него младшую дочь свою, не могли укротить пылкости его нрава. Сѣдлать дикихъ лошадей, производить самыя опасныя скачки, повсюду искать приключеній и опасностей, было любимыми его забавами; онъ презиралъ всякій порядокъ и даже въ обращеніи съ женскимъ поломъ извѣстенъ былъ своею смѣлостью. Къ такому начальнику поступилъ юноша Зейдлицъ, и предался подобному же образу жизни; но то самое, что угрожало ему пагубою, споспѣшествовало развитію величайшихъ его способностей. Ловкая его отважность, приводившая часто въ удивленіе свидѣтелей, восхищала Маркграфа, и Зейдлицъ сталъ совершеннымъ его любимцемъ; но отъ этого не увеличилось состраданіе къ нему или попеченіе о немъ,

напротивъ Маркграфъ увеличивалъ требованія. Не довольствуясь тѣмъ, что поручалъ ему объѣзжать самыхъ дикихъ лошадей, онъ даже приказывалъ ему садиться въ звѣринцъ на оленей и со всею осанкою хорошаго ѣздока держаться на нихъ во время неукротимой ихъ скачки. Когда Маркграфъ ѣздилъ прогуливаться, то приказывалъ обыкновенно заворачивать въ сторону на открытое поле, и тамъ остановить коляску; кучеръ и фореиторъ слѣзали, бросали поводъ всѣмъ четыремъ лошадямъ на шею и били ихъ; лошади мчались во весь опоръ; коляска ломалась или опрокидывалась; этой рѣшительной минуты ожидалъ Принцъ, равно и пажъ его, стоявшій, по тогдашнему обычаю, на ступенькахъ, и тогда они должны были спастись отважнымъ скачкомъ, въ чемъ заключалась слава, и въ чемъ оба достигли такой ловкости, что прыжки эти почти всегда имъ удавались. Часто также проскакивали они между быстро вертящимися крыльями большой мельницы; всадники и кони каждый разъ были въ опасности при малѣйшей неудачѣ быть выброшены на воздухъ: опытъ рѣдкой отважности, повторенный Зейдлицемъ и въ послѣдствіи времени въ присутствіи многихъ свидѣтелей въ Вейсельсдорфѣ близъ Гроткау, когда онъ уже былъ генераломъ отъ кавалеріи.

Подобная отвага при каждом новомъ опытѣ умножала и ловкость и присутствіе духа. Сіи качества служили только безплодною игрою Маркграфу, который хотя и былъ генераломъ, но не былъ никогда человѣкомъ истинно военнымъ; между тѣмъ какъ для Зейдлица они были основаніемъ высшаго военного совершенства, презирающаго всѣ препятствія и опасности. Тогда какъ Маркграфъ пребылъ ничѣмъ инымъ, какъ отчаяннымъ смѣльчакомъ, Зейдлицъ, прекрасный тѣлосложеніемъ и ловкостію осанки, усовершенствовался до того въ верховой ѣздѣ, что отличаясь твердою, благородною посадкою и вѣрнымъ управленіемъ лошади, онъ рѣшительно превзошелъ всѣхъ современниковъ въ этомъ искусствѣ. Пагубно, напротивъ того, было для него сластолюбіе, овладѣвшее имъ съ раннихъ лѣтъ и изъ подъ ига котораго онъ не освободился въ продолженіе всей жизни; также привычка безпрестанно курить трубку въ молодыхъ лѣтахъ, обратилась наконецъ въ страсть непреодолимую.

Четыре года Зейдлицъ велъ подобную жизнь при Маркграфѣ, который на семнадцатомъ году опредѣлилъ его корнетомъ въ кирасирскій своего имени полкъ, расположенный въ Белгардѣ, въ Помераніи. Командиръ полка, пол-

ковникъ фонъ-Роховъ, не жилъ въ согласіи съ Маркграфомъ, и потому не довѣрялъ его любимцу, полагая что Зейдлицъ имѣлъ порученіе доносить Князю обо всемъ, что случалось въ полку; онъ нерѣдко давалъ чувствовать мнимому досмотрщику всю строгость подчиненности и всю тягость службы. Но Зейдлицъ не болѣе года оставался въ сихъ строгихъ отношеніяхъ гарнизонной службы, представлявшей тогда ему еще мало занимательности. Король Фридрихъ II, вступивъ на престолъ въ 1740 году, соединилъ вскорѣ послѣ того свои войска, чтобы силою оружія привести въ дѣйствіе притязанія свои на Силезію. Полкъ Маркграфа также выступилъ въ походъ. Война, извѣстная подъ названіемъ первой Силезской, введена была противъ Австріи столь же быстро, сколь и успѣшно, и Зейдлицъ могъ явить въ виду непріятели опыты бодрости духа и быстроты взгляда, отличавшія его въ рѣзвыхъ играхъ юношества. Однако же отважный, но вмѣстѣ съ тѣмъ пылкій и заносчивый корнетъ, жилъ и теперь не въ лучшемъ согласіи съ своимъ полковникомъ.

Несчастное событіе постигло его при самомъ началѣ его военнаго поприща; оно казалось надолго

должно было разстроить надежды юноши. Король, вторгнувшись въ Моравію, повернулъ внезапно въ Богемію въ Апрѣлѣ 1742 года, оставя Силезію со стороны Моравіи безъ значительной защиты. Легкіе Венгерскіе наѣзники производили изъ-за горъ набѣги сильными отрядами и много вредили Прусакамъ. Полковникъ Роховъ съ своими кирасирами, занимая мѣстечко Краковицъ близъ Ратибора, устроилъ тамъ нѣсколько укрѣпленій, которыя не хотѣлъ оставлять безъ необходимости. Когда донесли ему о наступленіи 5-ти или 6000 Венгерцевъ, онъ рѣшился для большей безопасности, двинуть отрядъ къ деревнѣ, лежащей въ узкой долинѣ къ сторонѣ неприятеля, но еще имъ незанятой. Корнету Зейдлицу поручено было съ 30-ью кирасирами, держаться въ селеніи до тѣхъ поръ, пока пѣхота придетъ къ нему на помощь. Зейдлицъ, несмотря на свою молодость, тотчасъ постигъ, что порученіе неисполнимо, что успѣхъ невозможенъ, напротивъ пораженіе и плѣнь почти неизбежны. Подозрѣвая, что полковникъ избралъ его именно по причинѣ этой опасности и притомъ не въ очередь, онъ говорилъ гласно, что онъ слишкомъ неопытенъ для принятія необыкновеннаго и почетнаго порученія, что ему не

прилично взять верхъ надъ своими товарищами, но, какъ уже приказъ воспослѣдовалъ, то онъ готовъ исполнить свою обязанность, и г. полковникъ можетъ быть увѣренъ, что онъ не дешево уступитъ жизнь свою и свободу. Онъ немедленно выступилъ съ своею командою и занялъ селеніе, коего положеніе и окрестности, послѣ подробнаго изслѣдованія, представились ему еще менѣе надежными. Онъ велѣлъ тотчасъ загородить дороги, ведущія въ деревню; отряду своему приказалъ спѣшиться; лошадей сбатовать на одномъ дворѣ и по обѣимъ сторонамъ деревни позади шпалерниковъ и заборовъ разставилъ по двѣнадцати кирасиръ, которые встрѣтили неприятеля живымъ огнемъ изъ карабиновъ; это остановило его на нѣкоторое время, но войска въ множествѣ приступили ближе, окружили деревню и со всѣхъ сторонъ открыли пальбу. Зейдлицъ въ продолженіи многихъ часовъ, отражалъ натискъ превосходнѣйшихъ силъ. Но когда часть его кирасиръ были ранены и огонь прекращенъ по недостатку патроновъ, а пробиться не было возможности, то онъ принялъ наконецъ предложеніе неприятеля, и сдался съ своимъ отрядомъ военнопленнымъ, но съ почетнымъ условіемъ, чтобы ему сохранить оружіе свое, вещи

и лошадей, а кирасирамъ мундиры, ранцы и сумы. Полковникъ Роховъ ясно слышалъ перестрѣлку, но ни мало о томъ не заботился; между тѣмъ генералъ, имѣвшій тамъ главное начальство, отправился на помощь съ тремя эскадронами кирасиръ. При переходѣ чрезъ узкій и испорченный мостъ, онъ неожиданно былъ атакованъ 3000 Венгерцевъ, бросившихся на него внезапно изъ-за возвышенностей, и только при помощи величайшей храбрости проложена была обратно дорога. Потеря людей была значительна. Это обстоятельство возвысило участіе къ Зейдлицу и служило доказательствомъ превосходнаго числа неприятельскихъ войскъ, противу которыхъ продолжительная его защита казалась теперь чудесною. Когда по истеченіи нѣсколькихъ часовъ еще слышна была стрѣльба, означавшая упорную защиту Зейдлица, то отправлены были на помощь къ нему нѣсколько ротъ пѣхоты, но уже слишкомъ поздно; прежде нежели онъ настигли неприятеля, Зейдлицъ былъ уже взятъ въ плѣнъ. Королю донесли подробно обстоятельства этого дѣла; сожалѣя о храбромъ корнетѣ, онъ повелѣлъ, если бы нельзя было успѣть иначе, вымѣнить его отдавъ за него Австрійскаго ротмистра. Это произошло въ исходѣ Мая 1742.

Между тѣмъ Зейдлицъ отосланъ былъ военнопленнымъ въ Венгрію, гдѣ провелъ вѣроятно дни свои печально; ибо сколько совѣсть его ни оправдывала, онъ глубоко чувствовалъ свою неудачу, и тѣмъ болѣе, что сомнѣвался на счетъ разныхъ толковъ и поясненій этого происшествія. Городъ Раабъ былъ мѣстомъ его пребыванія, онъ могъ прохаживаться по городу безъ надзора; говорятъ даже, что онъ снялъ планъ тамошнихъ укрѣпленій. Но едва-ли можно ручаться въ достовѣрности этого извѣстія; скорѣе должно приписать его позднѣйшимъ панегирикамъ XVIII вѣка, которыхъ вкусъ и любовь къ наукамъ хотѣли украсить своихъ героевъ ученостью и образованіемъ, между тѣмъ какъ прежде ихъ цѣнили по однимъ только военнымъ подвигамъ. Невѣроятнымъ кажется, даже и ненужнымъ, чтобъ Зейдлицъ чертилъ планы. Обмѣнъ вослѣдовалъ еще въ теченіи войны; едва Зейдлицъ явился въ Прусскій лагерь, какъ тотчасъ былъ представленъ Королю. Здѣсь надлежало сдѣлать подробный обо всемъ расказъ; онъ могъ удовлетворить вполнѣ желанію Короля, который хотѣлъ знать всю истину и повѣрялъ внимательно каждое обстоятельство; истину своего расказа подтвердилъ онъ предъявленіемъ капитуляціи съ Австрійскимъ начальникомъ, которую

онъ сохранилъ въ оригиналъ. Король, видя что хорошее мнѣніе, которое онъ возимѣлъ о Зейдлицѣ, оправдалось обстоятельствами упомянутаго дѣла и разсудивъ наградить его, спросилъ: чего онъ лучше желаетъ, быть при первомъ производствѣ поручикомъ въ одномъ изъ кирасирскихъ полковъ, или теперь же ротмистромъ и командиромъ эскадрона гусарь? Гусары, будучи войскомъ новымъ и еще не довольно испытаннымъ, которое Король хотѣлъ еще возвысить, стояли тогда въ общемъ мнѣніи ниже прочей конницы. Зейдлицъ избралъ последнее, что и поправилось, кажется, Королю; онъ приказалъ опредѣлить его въ Нацмерскій полкъ такъ называемыхъ бѣлыхъ гусарь. Будучи ободренъ столь великою милостію, Зейдлицъ ходатайствовалъ у Короля за храбрыхъ своихъ кирасирь, коихъ неустрашимость дала ему возможность отражать столь долгое время нападеніе превосходныхъ неприятельскихъ силъ. Король ласково принялъ эту просьбу, велѣлъ ихъ вымѣнить и одарить. Полковникъ Роховъ, не будучи извѣщенъ о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, встрѣтилъ уволеннаго Королемъ и къ нему явившагося корнета строгими упреками и угрозами. По мнѣнію его эта капитуляція затмѣвала честь полка, и онъ хотѣлъ сдѣлать

Королю свое донесеніе и просить, чтобъ виновный былъ наказанъ. Зейдлицъ отвѣчалъ съ величайшимъ спокойствіемъ, что донесеніе было бы излишнее, ибо Король уже увѣдомленъ обо всемъ, онъ же пришелъ единственно чтобъ поблагодарить полковника за то, что возложилъ на него порученіе, которое казалось столь пагубнымъ, но тѣмъ самымъ проложилъ ему путь къ счастію: ибо Его Величество произвелъ его въ ротмистры, и пожаловалъ ему эскадронъ.

Такимъ образомъ, иначе нежели повѣствуютъ обыкновенно, сдѣлалъ Зейдлицъ первый чрезвычайный успѣхъ на военномъ поприщѣ, шагнувъ отъ корнета въ ротмистры. По другому преданію, производство его имѣло совсѣмъ иную причину. Говорятъ, что въ 1743 году въ Берлинѣ, находясь въ свитѣ Короля и будучи еще корнетомъ, на возвратномъ пути послѣ смотра, онъ рассказывалъ другимъ офицерамъ, ѣдущимъ подлѣ него, обстоятельства своего плана, приписывая неизбежность онаго одной необходимости обороняться пѣшкомъ и на ограниченномъ пространствѣ, и утверждая громко и смѣло, что кавалеристъ на конѣ, никогда не долженъ сдаться въ плѣнь. Король, какъ говорятъ, слыша этотъ разговоръ хранилъ молчаніе;

но проѣхавъ впередъ по арсенальному мосту, позвалъ Зейдлица, и велѣлъ поднять среднія части моста, оставя по сю сторону остальную свиту; тогда обратясь къ Зейдлицу сказалъ ему улыбаясь: «вотъ ты еще на лошади, но не меньше того у меня въ плъну?» Зейдлицъ однакожь сколько ни былъ тѣмъ изумленъ, рѣшился тотчасъ: давъ шпоры своей лошади, онъ перескочилъ чрезъ перилы въ рѣку, и выѣхалъ счастливо на берегъ. Прибавляютъ, что Король поздравилъ его тогда же ротмистромъ и далъ ему эскадронъ бѣлыхъ гусаръ. Недурной вымыселъ: приятно конюшникомъ спрыгнуть въ рѣку и выплыть ротмистромъ на другой берегъ; но этотъ рассказъ ничто иное, какъ вымыселъ.

Бреславскій миръ обратилъ Силезію въ Прусскую провинцію; значительное войско осталось для защиты этого новаго приобретения; между прочими гусарскій Нацмера полкъ; Зейдлицъ былъ отправленъ съ эскадрономъ въ Требницъ, небольшой городокъ на правомъ берегу Одера. Здѣсь начались обыкновенныя гарнизонныя занятія; строгая военная дисциплина и безпрестанныя ученья, которыя признавались особенно необходимыми для гусаръ, не совсѣмъ еще обращенныхъ въ регулярное войско, и при которыхъ

Зейдлицъ поступалъ со всею строгостію и даже съ жестокостію, тогда обыкновенными, не притествовали приятнымъ и дружелюбнымъ сношеніямъ между имъ и его офицерами; случались также общія отважныя предпріятія и приключенія. Но мирное спокойствіе недолго продолжалось; въ 1744 году началась вторая Силезская война; Зейдлицъ съ своимъ эскадронномъ выступилъ въ походъ; находясь большею частію при авангардѣ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта фонъ-Нассау, онъ имѣлъ частыя и упорныя стычки съ неприятелемъ. Подполковникъ Шицъ, командовавшій полкомъ бѣлыхъ гусаръ, совершалъ неоднократно отважные подвиги. Онъ былъ славный партизанъ, и Король дорого цѣнилъ его хорошую службу; но его жестокость возбудила общую къ нему ненависть. Раеказывали о ужаснѣйшихъ примѣрахъ его безчеловѣчія; онъ одинаково поступалъ въ своей землѣ и въ неприятельской. Во время скрытыхъ маршей онъ имѣлъ обыкновеніе вести за собою поселянъ, взятыхъ его отрядами въ проводники или съ тѣмъ, чтобы неприятель не могъ получить отъ нихъ никакихъ свѣдѣній; когда же они казались ему бесполезными и въ тягость, отпускае же ихъ еще опаснымъ, то онъ приказывалъ

безпощадно умерщвлять ихъ, и почти всегда путь его означенъ былъ подобными убійствами. Король, желая прекратить такія неистовства, опредѣлилъ, чтобы Зейдлицъ, на характеръ котораго онъ въ семъ случаѣ полагался, находился при подполковникѣ, повинуюсь ему въ военныхъ дѣлахъ, но препятствуя бесполезному и ужасному безчеловѣчію. Дѣйствительно ему удалось прекратить совершенно эти убійства. Зейдлицъ умѣлъ также почти всегда предупреждать и другія жестокости, которыя Шицъ прежде часто себѣ позволялъ, сожигая безъ всякой причины жилища и предавая жителей пыткамъ и мученіямъ. Хотя Зейдлицъ въ такихъ случаяхъ ссылался на приказаніе Короля, но совсѣмъ тѣмъ точное и легкое исполненіе сихъ приказаній было плодомъ его особыхъ попеченій; эту перемѣну надобно еще болѣе приписать тому уваженію, которое молодой ротмистръ внушалъ буйному начальнику своими военными дарованіями, уже повсюду признаваемыми и все болѣе развивавшимися; достоинства товарища заставили начальника забывать неприятнаго присмотрщика. Въ слѣдующемъ походѣ въ 1745 году, Зейдлицъ избавился отъ этого свирѣпаго челоуѣка: въ одной схваткѣ съ неприятелемъ, нехотѣвшимъ давать пощады, Шицъ изрубленъ былъ въ куски.

Зейдлицъ участвовалъ съ успѣхомъ во многихъ большихъ и малыхъ дѣлахъ съ многочисленными легкими войсками Австрійцевъ, и всегда отличался мужествомъ и присутствіемъ духа. Гусары его образовались по примѣру его и слѣдовали съ довѣрчивостію за пачальникомъ, исполняющимъ лично все то, чего требовалъ отъ подчиненныхъ. Когда въ 1745 году Австрійцы, послѣ жаркаго дѣла при Ландсгутъ въ Силезіи, принуждены были отступить, бѣлые гусары двинулись во второй линіи къ Рейхъ-Генверсдорфу; полковникъ Солдакъ, бывшій съ своимъ отрядомъ въ первой линіи, далъ спокойно проѣхать неприятельскимъ гусарамъ чрезъ тѣснину. Зейдлицъ, Малаховскій и Вернери, всѣ трое молодые, пылкіе и знающіе мѣстность, не хотѣли допустить это и прошедь съ своими гусарами чрезъ промежутки первой линіи, ударили на неприятеля и погна-ли его. Они намѣревались атаковать 10 эскадроновъ неприятельскихъ гусаръ въ тѣснинѣ при Фальбрюке, когда полковникъ Солдакъ, замѣтя что одинъ изъ его эскадроновъ слѣдовалъ за ними, приказалъ затрубить апель, послѣ чего всѣ обратились въ безпорядкъ назадъ, будучи преслѣдуемы неприятелемъ. Тогда еще конница, опрокинутая во время дѣла, собира-

лась и строилась сзади; Зейдлицъ при этомъ случаѣ постигъ неудобство сего. Совершенно въ духъ его примѣчаній и его отважности, приказалъ Король въ слѣдующихъ годахъ соби- раться разстроенной кавалеріи впередъ въ на- правленіи къ неприятелю. Съ сего времени, ка- жется, Король полюбилъ еще болѣе молодаго офицера, являвшаго при всякомъ случаѣ са- мымъ блистательнымъ образомъ тѣ качества, которыхъ еще не доставало Прусской конницѣ; ибо Король находилъ, что она въ сравненіи съ пѣхотою далеко еще отставала въ устройствѣ и недовольно приносила пользы; онъ всячески старался придать ей дѣйствіямъ болѣе движи- мости и болѣе порыва. Въ сраженіи при Гоген- фридбергъ, 5-го Іюня 1745, въ которомъ Прус- ская кавалерія чудесами храбрости совершила удивительные подвиги, Зейдлицъ сражался на правомъ крылѣ противъ Саксонцевъ, союзни- ковъ Австрійцевъ, и своеручно взялъ въ плѣнъ Саксонскаго генерала Шлихтинга. Послѣ этой, столь знаменитой побѣды, онъ произведенъ въ майоры; ему было только 24 года, но, возму- жавъ на войнѣ, онъ какъ будто опередилъ лѣта свои и уже имя его было славнымъ. Въ сра- женіи при Скорръ, 30 Сентября 1745, снова велъ онъ своихъ гусаръ съ блистательною храб-

ростью къ побѣдѣ, и при жаркой атакѣ на неприятельскую конницу, былъ раненъ въ лѣвую руку пулею изъ карабина. Впрочемъ эта рана недолго препятствовала ему участвовать въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ, продолжавшихся до глубокой зимы. Вместе съ Варнери попалъ онъ при Циттау на Австрійскій аррьергардъ, отступавшій подъ начальствомъ Графа Бурггаузена медленно по дурной дорогѣ; быстрое нападеніе гусаръ совершенно разсѣяло и истребило неприятеля. Предъ окончаніемъ года, послѣ побѣды одержанной Пруссаками при Кессельсдорфѣ, заключенъ былъ въ Дрезденѣ миръ, которымъ прекратилась вторая Силезская война. По заключеніи мира Зейдлицъ возвратился на прежній свой постой въ Трєбницъ.

Пруссаки въ завоеванной землѣ должны были часто преодолевать неповиновеніе жителей; особенно являли упорное отвращеніе къ новому порядку католическое духовенство и часть прежнихъ Австрійскихъ чиновниковъ. Расположеніе умовъ обращалось перѣдко въ явное непослушаніе, обыкновенно же скрывалось подъ личной холоднаго равнодушія и неирязни. Въ Трєбницѣ находился тогда женскій монастырь Цистерціензевъ; игуменья этого монастыря, не-

расположенная къ новому правленію, опасалась, чтобы порядокъ и тишина монастыря не были нарушаемы вблизи расположенными офицерами, еретиками, любящими приключенія, при томъ собою привлекательными, каковы были Зейдлицъ и его товарищи. Слѣдствіемъ этой неприязненности было то, что изъ монастырскихъ деревень отпускали для лошадей эскадрона кормъ дурной и едва достаточный; но земскій исправникъ оставлялъ все приносимыя ему жалобы безъ вниманія, и Зейдлицъ рѣшился самъ себѣ помочь. Игуменья почти всякій день ѣздила гулять съ нѣсколькими монахинями въ соседственныя деревни; тяжелую ея карету везли медленно четыре дородныхъ жеребца. Зейдлицъ также имѣлъ четверню жеребцовъ, тощихъ, но рѣзвыхъ, мчавшихъ легкую его коляску какъ бы налету. Въ извѣстный часъ, поѣхалъ Зейдлицъ на встрѣчу игуменьѣ по такой узкой дорогѣ, по которой съ трудомъ можно было развѣхаться; едва кучеръ его завидѣлъ монастырскую карету, какъ показывая видъ что не владѣеть своими лошадьми, погналъ ихъ быстро впередъ; лошади бросились на встрѣчу другимъ и смѣшались такъ, что между ними произошелъ ужасный беспорядокъ; женщины полагали себя погибшими, даже ихъ кучеръ и челоувѣкъ оцѣнцѣли отъ страха до

того, что не подавали имъ никакой помощи. Въ эту минуту величайшей опасности, Зейдлицъ подоспѣлъ и вывелъ дамъ изъ кареты, люди же его, ловкіе и неустрашимые овладѣли лошадьми; каждая изъ монахинь полагала, что она ему обязана спасеніемъ жизни. Онъ сожалѣлъ о неприятномъ случаѣ, увѣряя, что кучеръ его будетъ строго наказанъ. Когда же игуменья, убѣждая его ласковыми словами и со всею торжественностію, приличною ея сану, требовала, чтобъ онъ кучеру простилъ, то Зейдлицъ, отвѣчая на лестныя увѣренія благодарности и дружбы, самыми учтивыми выраженіями, прибавилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ полагаетъ, что кучеръ его менѣе виновенъ, нежели его лошади, которыя, вѣроятно изъ зависти, бросились на лошадей г-жи игуменьи, видя, что эти получаютъ изъ монастырскихъ деревень кормъ хорошій, между тѣмъ, какъ имъ отпускался скудной и дурной. Шутку эту поняли, въ полномъ ея значеніи; кормъ не былъ уже поводомъ къ жалобамъ, и съ того времени обѣ стороны жили въ согласіи.

Строже, чѣмъ съ добрыми монахинями, надлежало поступить съ непріязненнымъ земскимъ исправникомъ, который, чтобы взять верхъ надъ

ненавистными ему офицерами, доносилъ военному начальству обо всемъ что случалось въ эскадронѣ, и успѣлъ войти въ довѣренность къ генералу Пацмеру, безъ того уже большому педанту, любившему взыскивать съ своихъ подчиненныхъ и во всемъ ихъ ограничивать. На жалобы о дурномъ и недостаточномъ кормѣ, генералъ отвѣчалъ увѣщаніемъ, чтобы не ѣздили такъ много и не утомляли лошадей; при томъ при каждомъ смотрѣ находилъ, что даютъ лошадямъ слишкомъ много корму. Доносы часто были ложны, почти всегда преувеличены, но иногда и основательны, во всякомъ же случаѣ очень тягостны и досадны. Долго не знали, кто былъ доносчикомъ; наконецъ Зейдлицъ открылъ случайно, что именно земскій исправникъ служилъ лазутчикомъ. Надобно было его отучить отъ этого; но какъ здѣсь нельзя было дѣйствовать явно, то Зейдлицъ придумалъ слѣдующій замысль, заключавщій вмѣстѣ и наказаніе и предостереженіе въ желаемой мѣрѣ: земскій исправникъ въ извѣстные дни ѣздилъ верхомъ изъ своей деревни въ городъ; чтобъ проѣхать ближе и скорѣе, онъ оставлялъ большую дорогу и выѣзжалъ на тропинку, по мѣстности гористой и неровной. Въ одинъ пасмурный день, когда земскій исправникъ изъ

города долженъ былъ возвратиться домой, Зейдлицъ съ своимъ эскадрономъ выступилъ въ поле для ученія. Онъ раздѣлилъ гусарь на два отряда, изъ которыхъ одинъ представлялъ неприятеля; помпнутая тропинка, служба предѣломъ между обѣими партіями, во все протяженіе была занята или наблюдаема передовыми постами одной или другой стороны. Земскій исправникъ подъѣхалъ, былъ встрѣченъ ведомъ, остановленъ, и невзирая на сопротивленіе, отвѣденъ къ ближайшему посту; командовавшій унтеръ-офицеръ извиняя гусарь въ томъ, что они, исполняя данныя имъ приказанія, можетъ быть и не знали лично г-на исправника, велѣлъ проводить его обратно на тропинку. Едва отъѣхавъ шаговъ на сто, встрѣчаетъ онъ другой ведомъ, который такъ же его останавливаетъ; онъ ссылается на прежнее изъясненіе, но съ нимъ поступаютъ тѣмъ строже, что онъ ѣдетъ отъ неприятельской стороны, и здѣсь равно отводятъ его къ ближайшему посту. Будучи вторично отпущенъ съ извиненіями, и проѣзжая далѣе, случается съ нимъ то же самое, и на другой сторонѣ долженъ онъ подвергнуться тѣмъ же хлопотамъ. По неволѣ проѣзжая такимъ образомъ попеременно между обѣими сторонами, то на гору, то подъ гору,

посылаютъ онъ все посты, далеко отстоявшіе одни отъ другихъ и къ коимъ даже трудно проѣхать было, и наконецъ, измученный и въ отчаяніи отведенъ въ главный отрядъ, къ самому маіору, предъ которымъ изливаетъ жалобы и упреки. Зейдлицъ, принявъ важный видъ отвѣчаетъ, что онъ жалеетъ о неудачѣ г-на земскаго исправника, но что гусары исполнили свою обязанность: потому что нельзя знать, подъ какимъ видомъ можетъ предстать лазутчикъ; явленіе же его по боковой дорогѣ должно было казаться подозрительнымъ, и тѣмъ болѣе что всякъ, кто не имѣетъ чего либо въ замыслѣ тайнаго, не покидаетъ большой дороги въ ненастную и пасмурную погоду. Слова эти произнесъ Зейдлицъ съ такимъ удареніемъ, что земскій исправникъ долженъ былъ понять настоящій ихъ смыслъ; онъ принесъ желанный плодъ. Ибо въ послѣдствіи онъ не доносилъ уже о происшествіяхъ, случившихся по эскадрону и даже не упоминалъ о сыгранной съ нимъ шуткѣ.

Почетный чинъ, коего Зейдлицъ столь рано удостоился, слава о его подвигахъ и хорошее мнѣніе о немъ самаго Короля, одарившаго его и того жъ полка маіора Варнери (*), послѣ осец-

(*) Сочинитель книги: *Remarques sur la cavalerie, par le G^l Varneru.*

няго смотра въ 1746 году, драгоценными Турецкими саблями, и одобрявшаго его ревность и поступки, все это возжигая его честолюбіе, имѣло величайшее вліяніе на его служеніе. Онъ вполне чувствовалъ, сколь надлежало ему усилить стараніе при такомъ необыкновенномъ отличіи, чтобы не только удержать приобретенное, но и съ своей стороны достойно встрѣтить новыя милости. Чувство личнаго достоинства и мужественной самостоятельности, при томъ убѣжденіе достигнуть еще высшихъ степеней отличія, придавали ему наружность важную и степенную, удивлявшую при видѣ его молодыхъ лѣтъ, но ненарушавшую ни миловидности, ни приятности его. Вѣроятно уже съ того времени приобыкъ онъ къ той молчаливости и недоступности въ обращеніи, которую соблюдалъ въ кругу людей чуждыхъ, при дворѣ, и въ послѣдствіи въ присутствіи самаго Короля. Будучи въ душѣ солдатомъ и при томъ кавалеристомъ, онъ находилъ въ многосложныхъ занятіяхъ по службѣ все свое счастье и полное удовлетвореніе своихъ желаній. Не заботясь ни о чемъ, что не заключалось въ кругу его обязанностей, онъ за предѣлъ сей не былъ увлекаемъ честолюбіемъ; въ обращеніи съ начальниками оказывалъ онъ ту осторожность и осмо-

трительность, которая прилична человеку скромному, но и не бесполезна для гордаго; съ подчиненными, не позволяя ни на минуту забывать въ немъ начальника, избѣгалъ ненавистнаго своеволия и педантства. Онъ былъ примѣромъ неутомимой ревности, самъ исполнялъ болѣе, нежели отъ него требовали, и не требовалъ ничего, чего бы самъ не дѣлалъ. Неусыпно посвящалъ себя всѣмъ обязанностямъ кавалерійской службы, заключающей столь много подробностей и мелочей, отъ мнимаго маловажности которыхъ непосредственно зависятъ усовершенствованіе и слава всего оружія. Новыя построенія и умноженныя ученія, которыя Король безпрестанно приказывалъ производить, о которыхъ онъ издали напоминалъ и на что неотступно обращалъ свое вниманіе, не повсюду имѣли желаемый успѣхъ. Эскадронъ Зейдлица достигъ до величайшаго совершенства, и по немъ образовался весь полкъ, хотя генералъ Нацмеръ и не понималъ совершенно начертаній и воли Короля, и недовольный распоряженіями своего маіора, видѣлъ въ частыхъ упражненіяхъ только порчу лошадей и излишнюю опасность для солдатъ. Но ревность Зейдлица, знавшаго желанія Короля, оттого не ослабѣвала; соблюдая свято подчиненность и уваженіе, онъ успѣлъ нѣкото-

рымъ образомъ сохранить и независимость предъ начальникомъ. Тѣ опыты отважности, которые предъ симъ служили ему одному смѣлою забавою, стали занятіями и урокомъ для всего эскадрона; гусары его, никогда почти непринуждаемые побоями, но подстрѣкаемые примѣромъ его и честолюбіемъ, вскорѣ отличились необыкновенною ловкостію и твердостью въ ѣздѣ. Онъ училъ ихъ искусно владѣть саблєю, садиться на лошадь безъ стремянъ и поворачиваться во всѣ стороны, сидя на ней и не останавливая ея бѣга. Онъ хотѣлъ, чтобы конь и всадникъ составляли одно; что бы неровности земли исчезали, и въ пылу быстрого движенія господствовала обдуманная ловкость. Обучить лошадь по всемъ правиламъ искусства, укротить самую рѣзвую и владѣть самою пылкою,—это было обязанностію каждаго простаго гусара. Надлежало перескакивать чрезъ глубокіе рвы, чрезъ высокіе зѣмляные боры, надобно было скакать въ кустарникахъ, плыть черезъ воду; все это производилось неутомимо, невзирая на препятствія или на поврежденія. Еще труднѣйшею цѣлью совершенства было то, чтобы на всемъ скаку заряжать карабинъ и стрѣлять мѣтко. Во всѣхъ сихъ упражненіяхъ Зейдлицъ самъ подавалъ блистательный примѣръ, служившій поощреніемъ для

подчиненныхъ, а не меньше и для товарищей.

Но съ людьми ему близкими не всегда былъ онъ молчаливъ и важенъ; въ службѣ, когда ѣздилъ гулять или на охоту, которую любилъ страстно, или находился въ обществѣ дамъ, онъ искалъ свободной и веселой бесѣды. Во всемъ любилъ хорошее и приличное устройство, полное и богатое обзаведеніе, столъ вкусный и изобильный, хотя самъ былъ весьма умеренъ въ пищѣ и въ питъѣ. Особенно старался онъ имѣть хорошія вина различныхъ сортовъ; онъ досадовалъ если гость изъ скромности не объявлялъ того сорта, который предпочиталъ другимъ. Когда генераль Нацмеръ привѣзжалъ въ Требинцъ на смотръ эскадрона и оставался на обѣдѣ у майора, то, чтобы показать что онъ живетъ проще и не любитъ роскоши, требовалъ всегда обыкновеннаго Французскаго вина, которое ему тотчасъ и подносили; а Зейдлицъ чтобы на дѣлъ отвѣтить за неумѣстный урокъ, приказывалъ себѣ и прочимъ гостямъ подавать драгоцѣннѣйшія вина. Подчиненные ему офицеры, посѣщая его часто, обыкновенно проводили у него каждый вечеръ. Тогда много курили трубки, но пили мало и никогда не играли въ карты; проводили время въ дружескихъ разговорахъ,

забывая въ немъ начальника и каждое мнѣніе, каждое сужденіе свободно обнаруживалось; говорили о военныхъ событіяхъ, о службѣ, изслѣдовали трудныя положенія оной, возможныя и неудобноисполнимыя порученія. Черѣдко шло дѣло объ охотѣ и о приключеніяхъ забавныхъ. Но, любя пылкость и живость въ военныхъ людяхъ, онъ не позволялъ, чтобы въ его присутствіи издѣвались надъ предметами достойными уваженія; равномерно порицалъ всякаго рода непристойность, хотя не скрывалъ своей склонности къ прекрасному полу. Изъ приближенныхъ къ нему офицеровъ, трое сдѣлались извѣстными, — тогдашніе поручики Лоссо и Цетмаръ, и корнетъ Гогенштокъ, служившіе въ трое въ его эскадронѣ. Когда въ послѣдствіи онъ оставилъ полкъ, то далъ имъ обѣщаніе всегда помнить о нихъ, и по возможности уравновѣшивать имъ дорогу, на которой они могли бы приобрести счастье и показать свои заслуги. Обѣщаніе свое исполнялъ онъ вполнѣ: въ 1768 году Гогенштокъ, не будучи изъ дворянъ, но дослужившійся отъ простаго гусара до маіорскаго чина, получилъ начальство Уздомскаго гусарскаго полка. Зейдлицъ сказалъ ему: «я старался выполнить, сколько могъ, данное мною въ Требницѣ слово. Лоссо достигъ чина

«генераль-маіора; Цетмаръ вышедшій на сла-
вной путь, умеръ съ честію; для васъ колес-
ница готова.» Извѣстно, что въ сраженіи при
Торгау, Цетмаръ, командовавшій Цитенскимъ
гусарскимъ полкомъ, смертельно былъ раненъ;
прочіе два пережили Зейдлица; Лоссо умеръ
генераль-лейтенантомъ; Гогенштокъ генераль-
маіоромъ. Изъ благодарныхъ воспоминаній по-
слѣдняго, заимствовали мы извѣстія, дошедшія
до насъ о сихъ отношеніяхъ вѣрнаго товари-
щества.

Осенью 1752 года Зейдлицъ произведенъ въ
подполковника, но онъ въ этой должности о-
ставался въ полку Нацмера только нѣсколько не-
дѣль. Король, будучи недоволенъ 'состояніемъ,
въ которомъ нашелъ, при послѣднемъ смотрѣ,
драгунскій полкъ Принца Фридриха Виртем-
бергскаго, хотѣлъ дать полку начальника, кото-
рый, какъ онъ говаривалъ, привелъ бы его въ
порядокъ. Для сего избралъ онъ Зейдлица. Но-
вымъ его мѣстопробываніемъ былъ городъ Треп-
товъ въ Помераніи. Но и здѣсь оставался онъ
недолго; ибо уже въ началѣ 1753 года назна-
ченъ былъ командиромъ Роховскаго кирасир-
скаго полка, и снова переведенъ въ Силезію;
штабъ полка находился тогда въ городѣ Олау.

Король въ этомъ случаѣ не останавливался различіемъ службы и рода оружія между гусарами, драгунами и кирасирами. Онъ требовалъ, чтобъ отличный кавалерійскій офицеръ, особенно высшихъ чиновъ, не ограничивался знаніемъ отдѣльнаго рода конницы, но чтобъ умѣлъ употреблять каждое изъ сихъ оружія съ наибольшею пользою, быстротою и порывомъ,—въ чемъ и заключается сущность кавалеріи. Король хотѣлъ, чтобы начальникъ подробно разумѣлъ всѣ условія каждаго рода оружія порознь; но для сего надобно было изучать на опытѣ принадлежности ихъ. На основаніи этого Король при производствахъ, или при переводѣ высшихъ офицеровъ, перемѣнялъ ихъ родъ службы, переводя изъ гусаръ въ драгуны, изъ драгунъ въ кирасиры; для переводимыхъ таковыя перемѣщенія часто были неудобны и неприятны, но Фридрихъ желалъ, чтобы они приобрѣли равную степень познанія въ различныхъ родахъ службы. Зейдицъ приобрѣлъ уже эти познанія, начавъ службу кирасиромъ, бывъ потомъ долгое время гусаромъ, нѣкоторое время драгуномъ и перешедъ наконецъ опять въ кирасиры. Хотя онъ и остался при этомъ родѣ войскъ, прилагая какъ командиръ полка особенное о немъ стараніе, и съ того времени послѣ только

кирасирскій мундиръ и латы, но за всѣмъ тѣмъ онъ не переставалъ любить гусарь. Каждому роду войскъ онъ отдавалъ должную справедливость, признавая его заслуги; онъ требовалъ отъ всей конницы первымъ условіемъ, чтобы она была всегда въ готовности производить порывистое и дѣльное нападеніе. Онъ первый приучилъ гусарь къ атакѣ въ сомкнутомъ фронтѣ, на подобіе тяжелой конницы; свой кирасирскій полкъ готовилъ онъ и для малой войны и къ сраженію по одиначкѣ. Лѣтомъ 1755 года онъ произведенъ въ полковника. Въ этомъ чинѣ нашъ юный герой началъ семилѣтнюю войну; онъ предпринялъ былъ содѣлаться однимъ изъ блистательнѣйшихъ явленій этихъ походовъ, столь богатыхъ событіями.

ГЛАВА II.

При вступленіи Прусской арміи въ Саксонію, Зейдлицъ находился съ своимъ полкомъ въ корпусъ Герцога Фердинанда Брауншвейгскаго; 29 Августа 1756. года войска двинулись отъ Галле чрезъ Лейпцигъ къ Пирнѣ. Зейдлицъ пробылъ нѣсколько дней въ Лейпцигѣ, гдѣ поручено ему было собрать контрибуцію и провіантъ, о чемъ онъ доносилъ непосредственно Королю. Вскорѣ послѣ того присоединился онъ къ арміи, прѣикшей отъ Пирны въ Богемію, для наблюденія за Австрійцами, шедшими на помощь къ Саксонцамъ, окруженнымъ при Пирнѣ. Здѣсь командовалъ Герцогъ Фердинандъ

Брауншвейгскій авангардомъ, фельдмаршалъ Графъ Геслеръ конницею, фельдмаршалъ Графъ Кейтъ всеми войсками. Король лично прибылъ и, принявъ начальство, рѣшился напасть на неприятеля; 1-го Октября воспослѣдовало сраженіе при Ловозицѣ. Король, проведя конницу въ трехъ линіяхъ чрезъ интервалы пѣхоты, приказалъ 15-ти эскадронамъ драгунъ атаковать, желая посредствомъ этого натиска оцупать неприятеля. Драгуны были встрѣчены 25-ю неприятельскими эскадронами, но мгновенно ихъ опрокинули; однакоже преслѣдуя ихъ съ жаромъ, подвергли свои фланги огню неприятельской пѣхоты и артиллеріи; почему принуждены были въ свою очередь отступить, когда Австрійская конница, будучи усилена, двинулась впередъ. Къ драгунамъ, которые скоро снова построились, присоединились между тѣмъ и кирасиры, въ числѣ ихъ Зейдлицъ съ своими 5-ю эскадронами, равно какъ и все остальные драгуны и гусары арміи, пылавшіе желаніемъ сразиться. Вся кавалерія, силою въ 71 эскадронъ, бросилась стремительно на неприятеля, который тотчасъ былъ сметъ и въ безпорядкѣ бѣжалъ. Глубокій ровъ, позади котораго Австрійская пѣхота стояла въ безопасности, остановилъ преслѣдованіе; въ это время съ фронта и на

обоихъ флангахъ началась сильная ружейная и пушечная пальба, между тѣмъ какъ подоспѣвшая свѣжая Австрійская конница угрожала правому флангу; тогда Прусскіе эскадроны опять отступили въ безпорядкѣ и не прежде могли построиться, какъ у подошвы горы подъ защитою своихъ батарей; уронъ былъ весьма значительный; между убитыми два генерала, Лидерицъ и Эрценъ; въ плѣну остались всѣ тѣ офицеры и рядовые, подъ коими убиты лошади. Король, коего повелѣнія чрезъ посланныхъ адъютантовъ не могли остановить преждевременной атаки, построилъ конницу позади пѣхоты и повелъ послѣднюю впередъ; онъ выбросилъ неприятеля изъ Ловозица и принудилъ къ общему отступленію, которое однакоже произведено было въ порядкѣ; мѣстность препятствовала употребить конницу для преслѣдованія. Какъ Зейдлицъ въ этомъ сраженіи не дѣйствовалъ самостоятельно, то нельзя было винить его въ преждевременной атакѣ; напротивъ надобно воздать честь ему и прочимъ командирамъ за одержанный смѣлый, временный успѣхъ. Самъ Король, неодобрявшій общей кавалерійской атаки, не безъ удовольствія видѣлъ въ семъ случаѣ порывъ и быстроту ея, двѣ принадлежности, свидѣтельствовавшія о ея превосходствѣ.

Отразивши Австрійцевъ побѣдою при Лово-
зицѣ, и оставя корпусъ въ Богеміи для наблю-
денія ихъ, Король обратился противъ Саксон-
цевъ, коимъ отрѣзаны были все дороги, пре-
кращена всякая помощь, и которые наконецъ
принуждены были сдаться. Прусская армія
заняла зимнія квартиры въ Саксоніи и въ Си-
лезіи вдоль границъ Богемскихъ. Полкъ Зейд-
лица поступилъ въ составъ Дрезденскаго гар-
низона. Письмо его, писанное изъ Дрездена на
имя Короля отъ 24 Января 1757 года, сохра-
нилось по нынѣ и заслуживаетъ быть помѣщен-
нымъ здѣсь болѣе потому, что выражаетъ съ
точностію характеръ лица и его отношенія.
Оно слѣдующаго содержанія: «Благодарю все-
«подданныѣйше Ваше Величество именемъ всѣхъ
«офицеровъ Роховскаго полка, за Всемилости-
«вѣйшее приказаніе отпустить намъ деньги для
«зимнихъ квартиръ. Намъ ничѣмъ инымъ не
«возможно отвѣчать на это вторичное намъ ока-
«занное благодѣяніе, какъ умноженіемъ неиз-
«мѣнной, и безъ того уже должной ревности
«на пользу службы Вашего Величества; мы
«почтемъ за несравненно большее счастье, если
«Ваше Величество еще многократно соизволите
«провести день этотъ (*) побѣдоносно и въ вож-

(*) Король Фридрихъ Великій родился 24 Января 1712 г.

«деленномъ здоровіи.»—Въ то время военные люди только самое необходимое умѣли выразить на письмѣ, но характеръ тогда тѣмъ болѣе занималъ мѣсто таланта, чувства и дѣла выражались тѣмъ кратче и яснѣе; изъ вышеприведенныхъ строкъ мы видимъ, что Зейдлицъ, при всей сокращенности, выразилъ весьма искусно и не безъ приятности свою благодарность и особенное отношеніе къ торжественному дню.— Можно заключить съ достовѣрностію, что спокойное время зимнихъ квартиръ было употреблено войсками не безъ пользы, тѣмъ болѣе, что Король внимательно радѣлъ о томъ и всѣмъ начальникамъ строго предписывалъ. Зейдлицъ всячески старался привести въ лучшее состояніе своихъ кирасиръ и возвысить достоинство ихъ. Въ теченіи зимы каждый кирасирскій эскадронъ усиленъ былъ 24 человеками, что требовало умноженія занятій; но несмотря на это оставалось еще довольно времени, чтобъ участвовать въ удовольствіяхъ въ столицѣ Саксоніи.

Прусакіи уже въ Апрѣль мѣсяцъ открыли походъ 1757 года, и приготовясь произвести сильный напоръ, проникли въ Богемію четырьмя корпусами, съ четырехъ сторонъ, въ одно время. Зейдлицъ находился при корпусѣ Принца Мав-

рикія Ангальтъ-Дессаускаго, шедшаго отъ рудныхъ горъ въ Коммотау и оттуда далѣе къ Прагѣ. Авангардомъ этой колонны предводительствовалъ славный Цитенъ, и Зейдлицъ испросилъ у Короля, какъ особенную милость, позволеніе находиться съ своимъ полкомъ при авангардѣ, подѣ начальствомъ генерала, котораго онъ столь много уважалъ. Неоднократно происходили горячія схватки съ неприятельскою конницею, при коихъ Зейдлицъ отличался какъ храбрый и распорядительный начальникъ въ глазахъ Цитена и даже самаго Короля, главная армія котораго вскоре присоединила къ себѣ эту колонну. Неприятель отступилъ къ Прагѣ; Цитенъ шелъ вслѣдъ за Королемъ и переправился на правый берегъ Молдавы, гдѣ 6 Мая воспослѣдовало генеральное сраженіе, о подробностяхъ котораго тѣмъ менѣе надлежитъ здѣсь упоминать, что войска при коихъ оставался Зейдлицъ, не брали въ немъ участія. Хотя Принцъ Маврикій, оставленный на лѣвомъ берегу Молдавы, и получилъ отъ Короля приказаніе перейти въ тотъ же дець Молдаву при Клейнъ-кухель, выше Праги, чтобъ напасть на неприятеля съ тылу; но матеріалы для построенія моста не были въ достаточномъ количествѣ и войска, которыя своимъ нападеніемъ могли бы

совершенно истребить разбитого и безъ того неприятеля, должны были съ другаго берега смотреть спокойно на сраженіе. Зейдлицъ, горя нетерпѣніемъ, хотѣлъ съ своею конницею переправиться чрезъ рѣку вплавъ при с. Браиикъ; но ему донесли, что по причинѣ быстроты рѣки и зыбкости песка, это невозможно. Чтобы испытать справедливость донесенія, бросился онъ съ отважностію въ рѣку, но едва не утонулъ, ибо по мелкости воды нельзя было плавать, а лошадь его до шеи увязла въ сыпучемъ, глубокомъ пескѣ; съ большимъ только трудомъ и съ величайшею опасностію удалось нѣкоторымъ изъ его рейтаровъ снять его съ лошади и вынести на берегъ, несмотря на его сопротивленіе.

Послѣ сраженія Король заключилъ неприятельскую армію въ Прагъ, и принялъ мѣры, чтобы посредствомъ осады принудить городъ къ сдачѣ. Между тѣмъ часть Австрійскихъ войскъ успѣла отступить въ Моравію; надлежало ихъ наблюдать и не дозволить имъ соединиться съ войсками приближавшимися подъ начальствомъ фельдмаршала Графа Дауна, для освобожденія Праги. Для достиженія этой цѣли отряженъ генераль Цитевъ съ 40 эскадронами; вслѣдъ за нимъ двинулся и Герцогъ Брауншвейгъ-Бе-

вернскій, къ которому, кромѣ сей конницы, поступили въ команду войска всѣхъ трехъ оружий. Но какъ Даунъ, ежедневно получавшій подкрѣпленія, подходилъ смѣло, то Король рѣшился взять лично начальство надъ своимъ наблюдательнымъ войскомъ и, присоединивъ къ себѣ еще нѣсколько подкрѣпленій, разсудилъ сразиться съ неприятелемъ, хотя и превосходнѣйшимъ въ числѣ. Послѣ того Король началъ сомнѣваться въ справедливости сдѣланныхъ ему донесеній на счетъ многочисленности войска фельдмаршала Дауна; во всѣхъ извѣстіяхъ это подтверждалось, однакоже Король упорно оспаривалъ это обстоятельство, отъ чего происходили неприятности и недоумѣнія и даже родилось опасеніе. Наконцѣ 17 Іюня въ полдень, Король, двинувъ войска изъ окрестностей Каурцима къ Куттенбергу, увидѣлъ передъ собою всю неприятельскую армію, расположенную весьма выгодно въ лагерь, на высотахъ, впереди селенія Крихенау; съ фронта ее прикрывали болота; ея лѣвый флангъ Прусская армія потому не могла атаковать, что открыла бы и потеряла свой путь сообщенія съ Прагою и съ Силезіею. Однѣ только правый флангъ Австрійцевъ казался доступенъ къ нападенію. Король, рѣшившись уже однажды дать сраженіе, къ чему безъ сомнѣнія побуждали

его важнѣйшія причины, еще въ тотъ же день, по полудни велѣлъ податься немногочисленному своему войску влѣво, въ направленіи къ Плянїану. Но Даунъ предувидѣвъ изъ этого движенія намѣреніе Королевское, ввечеру снялъ лагерь, и въ ночь на высотахъ, позади деревни Хотсемиць, занялъ новое положеніе, въ которомъ Прусаки увидѣли его въ слѣдующее утро. Несмотря на то, Король продолжалъ свое движеніе; развернулъ войска вдоль Императорской дороги между Плянїаномъ и Колиномъ. Здѣсь сдѣланъ привалъ. Изъ верхнихъ оконъ гостиницы, подъ названіемъ Золотаго солнца, лежащей на самой дорогѣ, Король вторично разсматривалъ въ зрительную трубку положеніе неприятеля, котораго многочисленность ему тогда ясно представлялась; нѣсколько времени онъ, казалось, намѣренъ былъ отказаться отъ сраженія. Но когда снова разсмотрѣли правый флангъ Дауна и нашли его слабо-охраненнымъ, между тѣмъ рѣшиться на одно или другое становилось необходимымъ, то все осталось по прежнему предположенію и сообразно съ тѣмъ, созваннымъ генераламъ подробныя приказанія даны были изустно Королемъ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ КОЛПНЪ,

18 Іюня 1757 года.

Было за полдень 18 Іюня, когда Прусакі двинулись снова впередъ. Король лѣвымъ своимъ крыломъ хотѣлъ атаковать правое крыло неприятеля, а для сего съ этой стороны надлежало свободно располагать всѣми силами. Въслѣдствіе того приказалъ онъ правому крылу оставаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ неприятеля, дабы отъ этого фланга брать свѣжія войска для успѣшенія атаки лѣваго крыла. Большая часть конницы, 100 эскадроновъ, перешла на лѣвое крыло. Изъ этого числа, 50 эскадроновъ гусаръ подъ начальствомъ Цитена назначены были прогнать неприятельскую конницу, прикрывавшую, подъ начальствомъ Надазди, правый флангъ Даупа; прочіе 50 эскадроновъ должны были содѣйствовать главной атакѣ. Генералъ Гилзенъ съ 7-ю баталіонами, 50-ю эскадронами и нѣсколькими орудіями, бодро атакował деревню Кршегорчъ, лежащую предъ правымъ крыломъ неприятеля и занятую многочисленнымъ его войскомъ. Но сопротивленіе было неожиданно. Австрійскій полководецъ, убѣдившись, что правое его крыло

подвергалось болѣе всего опасности, сдѣлалъ заблаговременно соотвѣтственныя противъ того распоряженія: онъ двинулся со всѣмъ войскомъ болѣе вправо, усилилъ правый флангъ многочисленною артиллеріею, размѣстилъ на оконечности фланга при д. Кршегорчъ значительное войско, и занялъ пѣхотою дубовую рощу, лежащую вправо отъ сей дѣрѣвини. Цитенъ, атаковавъ Надазди, отогналъ его за дубовую рощу; но вскорѣ онъ показался снова. Тогда Король приказалъ Зейдлицу, командовавшему сначала 15-ю эскадронами, послѣшить съ 25-ю эскадронами на подкрѣпленіе къ Цитену; сосредоточенною быстрою атакою, Надазди былъ вторично отброшенъ, но Прусская кавалерія, бывъ остановлена мѣстностью, подверглась съ тыла и съ фланга сильному огню, направленному на нее изъ дубовой рощи, не могла сохранить одержанной поверхности и отступила въ прежнее положеніе. Между тѣмъ Гилзенъ, взявъ приступомъ д. Кршегорчъ и овладѣвъ 7-ю орудіями, равномерно принужденнымъ нашелся прекратить наступательное движеніе, увидя у себя на флангѣ многочисленнаго неприятеля, занимавшаго фланговое положеніе. Не имѣя достаточныхъ силъ для атакванія этихъ войскъ, онъ избралъ крѣпкую позицію и оттуда продолжалъ живую пальбу,

прося и ожидая подкрѣпленій. Между тѣмъ Король слишкомъ рано приказалъ главному отдѣленію войскъ остановиться, невзирая на всѣ представленія Принца Маврикія, бывшаго того мнѣнія, что предводительствуемая имъ войска должны пройти далѣе до самой дубовой рощи, дабы вполнѣ достигнуть назначенной для дѣйствій его точки. Ибо, какъ въ продолженіи дня Даунъ отодвинулъ всѣ войска свои далеко вправо, то Прусская пѣхота, долженствовавшая обогнуть неприятельскій флангъ, остановилась предъ самымъ фронтомъ его, и когда вслѣдъ за тѣмъ Король далъ приказаніе повернуть войска на право во фронтъ и атаковать, то Принцъ Маврикій снова повторилъ свои представленія, но безъ успѣха. Король разгнѣвался и не хотѣлъ слышать противорѣчій. Пѣхота, въ числѣ 22-хъ баталіоновъ, построилась и стала противъ деревни Хотсемизъ. Левое крыло немедленно двинулось впередъ, между тѣмъ какъ правому подъ начальствомъ генерала Манштейна приказано было не начинать еще дѣла. Тотъ же самый приказъ отданъ былъ и кавалеріи, остававшейся на правомъ флангѣ. Хотя большіе промежутки раздѣляли конницу Цитена отъ Гилзена и отрядъ послѣдняго отъ войскъ Принца Маврикія, и хотя пѣхота, начавъ наступъ, тотъ-

часть получила отъ Короля приказаніе принять влѣво, отъ чего произошли еще пространнѣйшіе промежутки, которые выполнены были нѣсколькими баталіонами изъ второй линіи, — не менѣе того общее положеніе дѣла казалось въ пользу Прусаковъ. Гренадеры Гилзена ворвались въ дубовую рощу; совмѣстно съ Принцемъ Маврикіемъ, который подоспѣлъ съ 9-ю баталіонами, овладѣлъ онъ большою неприятельскою батареею при Кршегорчѣ, и отбросилъ назадъ часть приведенной въ безпорядокъ Австрійской боевой линіи. Прусской конницѣ надлежало въ то время нанести окончательный ударъ, но она упустила рѣшительный моментъ, отъ того ли, что неудобства мѣстности казались неодолимыми, или генералы считали необходимымъ получить особое на то приказаніе; можетъ быть ожидали и того, чтобъ дѣло еще болѣе объяснилось; но какъ бы то ни было, Австрійцы думали уже объ отступѣ; Пруссаки были на той точкѣ, чтобъ окончательно приковать къ своимъ знаменамъ побѣду; однакоже Даунъ располагалъ еще сильными резервами. Пѣхота его взяла дубовую рощу обратно и стала въ ней твердою ногою; конница Надазди, получивъ подкрѣпленіе, двинулась впередъ, и хотя быстрымъ нападеніемъ Цитена была опрокинута, однакоже Цитенъ немедлен-

но отступилъ, въ избѣжаніе жестокаго огня, направленнаго во флангъ ему изъ дубовой рощи. Съ этой минуты сраженіе взяло неблагоприятный оборотъ для Прусаковъ. Король началъ самъ беспокоиться; онъ велѣлъ 15-ти эскадронамъ конницы Цитена, подъ начальствомъ Зейдлица, выстроиться позади лѣваго крыла пѣхоты, двинувшейся снова впередъ. По несчастью нѣчѣмъ было подкрѣпить эту пѣхоту, ибо почти въ то же время, вопреки приказаніямъ Короля, генераль Манштейнъ введенный въ заблужденіе однимъ адъютантомъ, началъ атаку съ баталіонами изъ центра. Первое намѣреніе было ограничиться овладѣніемъ села Хотсемизъ, лежащаго передъ фронтомъ, но вскорѣ дѣло стало общимъ, и всѣ баталіоны вступили въ огонь. Неприятель и здѣсь былъ опрокинутъ; Прусакки бодро шли впередъ, но подвигаясь далѣе, были осыпаны картечью и остановлены. Самъ Король прискакалъ сюда; несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ прекратить здѣсь боя. Къ тому же главное вниманіе его и присутствіе нужны были на лѣвомъ флангѣ, которому угрожали двѣ густыя линіи кавалеріи. Король приказалъ старому генералу Пеннаверу атаковать. Сначала дѣло шло успѣшно; но оно, какъ и всѣ прежнія атаки, кончилось отступленіемъ, по причинѣ

жестокаго ружейнаго и пушечнаго огня изъ роковой дубовой рощи (*). Тогда Зейдлицъ, предводительствуя здѣсь, въ первый разъ независимо отъ другихъ, бригадою кираспръ и драгунъ, т.е. 10-ю эскадронами, оставляетъ свое положеніе и, смѣло промчавшись между дубовою рощею и правымъ крыломъ непріятели, выходитъ на равнину; не ограничиваясь тѣмъ, что обезопасилъ лѣвый флангъ Прусской пѣхоты, онъ продолжаетъ наступательное движеніе, быстро бросается на непріятели, обращаетъ въ бѣгство пѣхотный полкъ, и вслѣдъ за нимъ два кавалерійскихъ полка, высланныхъ ему на встрѣчу, врубается во вторую линію Австрійцевъ, гдѣ, опрокинувъ пѣхотный полкъ, беретъ его знамена. Но долѣе питать этотъ огненный порывъ не было возможности; лошади еле дышали, эскадроны были разстроены и превосходная сила снова угрожала лѣвому флангу; потому этотъ блистательный подвигъ остался равномерно безплоднымъ, Зейдлицъ принужденъ возвратиться обратію и стать съ своею конницею позади дер.

(*) Воспоминанія Коллицкой битвы, безъ сомнѣнія влинули Фридриху Великому слѣдующія сужденія, переданныя имъ Прусскимъ генераламъ въ известномъ свѣту вставленіи: «становя кавалерію близко къ кустарникамъ, подвергаете ее иснаказанно огню непріятельской пѣхоты, могущей за- «сѣсть въ оныхъ и ее разстроить.»

Кршегорчъ. Новая атака Пеннавера удастся столь же мало, какъ предпринятые послѣ того натиски самаго Короля и Принца Маврикія, въ числѣ нѣсколькихъ эскадроновъ, уже нравственно разстроенныхъ. Пѣхота въ упорнѣйшемъ бою сохраняетъ еще завоеванныя высоты, но уже оказывается недостача въ боевыхъ патронахъ и подкрѣпленія ожидать не откуда; наконецъ эти геройскіе полки, будучи осыпаны ядрами и пулями, разстроенные собственной конницею и внезапно атакованные неприятельскою, не видятъ средства устоять, и сраженіе окончательно потеряно. Тщетно великодушный Король, столь же храбрый, какъ храбрѣйшій изъ гренадеръ его, бросается впередъ съ небольшою горстью отважныхъ. Даунъ наступаетъ со всею арміею. Тогда центръ и правое крыло Прусаковъ равномерно обращены въ бѣгство послѣ жаркаго боя и съ великимъ урономъ. Еще разъ показался Надазди, но конница Цитена снова его отразила, и удерживаясь на полѣ сраженія до вечера, прикрывала медленное отступленіе, которому неприятель не препятствовалъ. Цитенъ раненъ былъ при атакѣ, которую онъ произвелъ на Австрійскую батарею, по приказанію Принца Маврикія. Каждый отдѣлъ конницы слѣдовалъ за своимъ начальникомъ. Генералы Вернеръ, Зейд-

лицъ и Варнери, остались ближайшими къ неприятелю. Зейдлицъ, вышедшій на Императорскую дорогу, спокойно прошелъ вдоль всего фронта Австрійцевъ, которые значительно по-дошли впередъ. Вокругъ Планиана войска опять собрались. Прусаци потеряли 45 орудій, 22 знамя, 12,000 человекъ пѣхоты изъ 18,000 человекъ бывшихъ подъ ружьемъ, 1500 конницы. У Короля слишкомъ мало было пѣхоты для этого предпрятія; онъ самъ отступилъ отъ первой своей диспозиціи, Манштейнъ же не исполнилъ даннаго ему приказанія: это причины потери сраженія, но войско не измѣнило своей обязанности. Конница не вполне рѣшила возложенную на нее задачу. Король былъ ею недоволенъ и вообще нерасположенъ къ похваламъ. Одинъ Зейдлицъ, дѣйствовавъ въ этотъ день съ отважною самопадѣянностью и съ порывомъ непреоборимымъ, явилъ въ виду всѣхъ блестящій примѣръ, заслуживавшій возмездія. Юня 20, два дня послѣ сраженія при Колицъ, онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры, на 36 году отъ рожденія, слѣдовательно въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ для генеральскаго званія. Цитенъ, 20-ю годами старше его, съ жаромъ хвалилъ его передъ Королемъ послѣ сраженія и много содѣйствовалъ къ его производству. Говорятъ, что когда

онъ сталъ поздравлять Зейдлица, этотъ отвѣчалъ улыбаясь: «если хотять изъ меня сдѣлать человѣка, то пора произвести въ генералы, ибо мнѣ уже 36 лѣтъ.»

Ближайшимъ слѣдствіемъ потеряннаго сраженія было снятіе осады Праги, и послѣдовательное очищеніе Богеміи. Король поручилъ начальство надъ войсками, разбитыми при Коллинѣ, брату своему Принцу Августу Вильгельму, который началъ отступать въ Люзацію, тѣснымъ главною Австрійскою арміею. Описаніе сего отступленія и неприятныхъ обстоятельствъ онаго, помѣщено въ многихъ сочиненіяхъ; намъ слѣдуетъ упомянуть токмо о дѣйствіяхъ Зейдлица. Онъ съ своею бригадою, въ 10 эскадроновъ, находился при авангардѣ подъ начальствомъ генерала Графа Шметтау, который, вступивъ 19 Іюля въ городъ Циттау въ Люзаціи, увидѣлъ, что гора Экартсбергъ занята была многочисленною неприятельскою пѣхотою, и около 40 эскадроновъ конницы приближались по равнинѣ. При этомъ случаѣ разсудокъ и осмотрительность взяли верхъ надъ пылкою отважностію; Зейдлицъ объявилъ, что въ ихъ положеніи съ 10-ю эскадронами совершенно невозможно оказать отпоръ столь превосходной силѣ.

Прусакн, уклоняясь отъ сраженія, заперлись въ городъ. На слѣдующій день подошла вся неприятельская армія, и занявъ высоты и равнину при Гервигсдорфъ, отрѣзала Прусскій отрядъ въ Циттау отъ главнаго войска Принца Августа Вильгельма, находившагося еще въ Богеміи. Шметтау, ожидая нападенія на городъ, разсудилъ, что конница для него бесполезна и приказалъ, чтобы, оставя при немъ 100 гусаръ, съ остальною стараться обратно присоединиться къ Принцу. Для этого Зейдлицъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: онъ приказалъ произвести общую фуражировку. Предмѣстіе, лежащее ближе къ Гервигсдорфу, было занято пѣхотою; 100 гусаръ, назначенныхъ оставаться при генералѣ Шметтау, и всѣ вьючныя офицерскія лошади вмѣстѣ съ артиллерійскими, высланы на прилежащее къ городу поле для фуражировки. При появленіи Прусаковъ, Австрійцы выступили изъ лагеря и передовый ихъ отрядъ въ 1200 человекъ конницы мгновенно съѣлъ на лошадей. Но какъ Прусская конница между тѣмъ сошла съ своихъ лошадей и казалось занята была единственно фуражировкою, то Австрійская пѣхота спокойно возвратилась въ лагерь; конница равномерно спѣшилась. Между тѣмъ Зейдлицъ, размѣстившій

предъ тѣмъ свои эскадроны вдоль всего предмѣстія, приказалъ затрубить анпель, коль скоро увидѣлъ, что сборъ фуража былъ оконченъ и нагруженныя лошади возвращались въ городъ; эскадроны его по сигналу быстро соединившись на средину, совокупно бросились впередъ, и ударивъ стремительно на неприятельскую конницу, смѣшали ее прежде, чѣмъ она успѣла съѣсть на лошадей; она была до такой степени разстроена, что можно было совершенно истребить ее. Но Зейдлицу нельзя было терять времени; прорвавъ неприятельскую линію и открывъ себѣ путь сомкнутымъ густымъ строемъ, онъ повернулъ эскадроны въ походныя колонны, большою рысью вышелъ на желанную дорогу, и скоро исчезнувъ изъ глазъ удивленнаго неприятеля, прибылъ благополучно съ своимъ отрядомъ къ Принцу Августу Вильгельму.

Вскорѣ послѣ того Король долженъ былъ обратиться противъ Французовъ, которые воюя противъ его союзниковъ въ Вестфалии и Ганноверѣ, наступали и со стороны Тюрингии. Сначала двинулъ онъ Зейдлица съ 10-ю эскадронами гусарь и 5-ю эскадронами драгунъ въ Лейпцигъ, съ приказаніемъ прогнать Французскаго генерала Тюрпена, сдѣлавшаго набѣгъ въ окрест-

ности Галле. Зейдлицъ надѣялся захватить его въ Мерзебургъ, въ ночи съ 3 на 4 Сентября, но уже не нашелъ непріятели. Близъ Гриммы присоединился онъ вновь къ арміи, которую Король велъ лично противъ Французовъ и соединенныхъ съ ними Австрійскихъ и Имперскихъ войскъ. Зейдлицъ командовалъ авангардомъ, и настигъ въ первый разъ непріятели 7 Сентября въ г. Пегау. Городскія ворота на другой сторонѣ каменнаго моста чрезъ Эльстеръ были заложены, а стѣны защищались стрѣлками. Зейдлицъ не имѣлъ пѣхоты, но конница его приучена была къ службѣ всякаго рода. Онъ приказалъ 100 человекамъ гусаръ спѣшиться и приступить къ воротамъ, которыя тотчасъ были отбиты. Послѣ чего бросившись со всюю конницею на мостъ, проскакалъ быстро чрезъ городъ, увидѣлъ въ полѣ два полка Австрійскихъ гусаръ, стоявшихъ въ выгодной позиціи позади дефиле, атаковалъ ихъ немедленно, опрокинулъ и гналъ до Дейца, взявъ въ плѣнъ 350 человекъ. На другой день часть этихъ разбитыхъ войскъ снова показалась близъ моста чрезъ Салу, у Шульцфорта; но вторично была разбита. Въ Бутштетѣ Король узналъ о несчастномъ договорѣ, заключенномъ въ монастырѣ Севенѣ, вслѣдствіе котораго ГанOVERскія войска были

обезоружены, и главная Французская армія, подъ начальствомъ Герцога Ришелье, могла двѣствовать противу него самаго. Немногочисленное Прусское войско теперь не могло продолжать наступательнаго движенія; между тѣмъ Король желалъ по крайней мѣрѣ принудить къ отступленію войска собраннаго близъ Эрфурта подъ начальствомъ Субиза. Для этого онъ лично повелъ 2000 человекъ конницы и три баталіона пѣхоты. Покушеніе вполне удалось; Субизъ отступилъ, и 15 Сентября Король послѣдовалъ за нимъ съ своею конницею до Готы, гдѣ Австрійскіе гусары еще разъ были разбиты и преслѣдуемы до Эйсенаха. Зейдлицъ остался съ 20-ю эскадронами для наблюденія неприятеля; Король же отошелъ обратно въ Эрфуртъ къ прочимъ своимъ войскамъ, стараясь всячески скрыть отъ неприятеля малое ихъ число. Зейдлицъ, двинувшійся съ гусарами за Готу и расположившій драгунъ отчасти въ этомъ городѣ, отчасти въ Гумштетѣ, донесъ въ письмѣ отъ 17 Сентября, что неприятель укрѣпляется близъ Эйсенаха и намѣренъ, надѣясь на крѣпость своей позиціи, дожидаться въ оной нападенія Короля; узнавъ въ томъ самый день о смерти генерала Винтерфельда, онъ помянулъ о томъ въ письмѣ, изъясняясь что всякъ, кто

преданъ Королю долженъ истинно сожалѣть о генералѣ Винтерфельдѣ. Скорбь его была искренна, ибо онъ не зналъ чувства зависти, не льстилъ временщикамъ, не страшился враждебныхъ людей. Онъ жилъ въ совершенномъ согласіи съ Винтерфельдомъ, уважая въ немъ великія качества воина и благородный, возвышенный характеръ; не менѣ цѣнилъ онъ достоинства Шметтау и Цитена.

Французы полагали Короля еще въ Готѣ; Зейдлицъ старался утвердить ихъ въ этой мысли; онъ тревожилъ передовые ихъ посты ночными нападеніями и нерѣдко прогонялъ ихъ до Мехтерштета. Но Принцъ Гильдбурггаузенскій, командовавшій Имперскими войсками, собравъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія, предложилъ Субизу соединенными силами выгнать Прусаковъ изъ Готы. Утромъ, 19 Сентября, они двинулись съ 6000 человекъ пѣхоты, 4000 конницы и нѣсколькими орудіями, съ трехъ сторонъ противъ Зейдлица. Увѣдомленный во время, онъ отступалъ медленно и въ совершенномъ порядкѣ далеко за Готу. Вышедъ на равнину, приказалъ эскадронамъ выстроиться: гусарскому полку Цекели въ первой линіи, драгунскому полку Мейнека во второй; въ третьей линіи драгунскій полкъ Кота

вытянувшись въ одну шеренгу, представлялъ издали видъ сильнаго резерва; онѣ имѣлъ приказаніе, въ случаѣ надобности, по первому знаку быстро построиться и сомкнуться, чтобъ прикрыть отступленіе. Неприятель полагалъ въ самомъ дѣлѣ предъ собою значительную силу. Зейдлицъ утвердилъ его въ этомъ мнѣніи, пославъ въ Готу драгуна, который являсь дезертиромъ, рассказалъ, что Король наступаетъ со всею силою. Какъ скоро неприятель, нерѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, остановилъ наступательное движеніе, то Зейдлицъ велѣлъ нѣсколькимъ эскадронамъ гусаръ спѣшиться, выстроилъ ихъ въ видѣ пѣхоты въ промежуткахъ своей конницы и въ такомъ порядкѣ двинулся впередъ. Неприятель, увидя пѣхоту, не сомнѣвался болѣе въ близости главной силы. Онъ не выдержалъ многократныхъ атакъ, производимыхъ передними эскадронами, сперва съ осторожностію, потомъ смѣлѣе и сильнѣе, пока наконецъ отрядъ гусаръ и драгунъ стремительно бросился на всемъ скаку въ городъ, изъ коего Имперскія войска совершенно отступали, а Принцъ Субизъ, бывшій за обѣдомъ во дворцѣ и выхвалявшій Герцогиню Прусскихъ гусаръ, едва успѣлъ вскочить на лошадь и спастись. Въ Готѣ болѣе 60-ти челоуѣкъ взяты въ плѣнъ;

съ нимъ 4 штабъ-офицера, 4 поручика, кромѣ того множество лошадей и всякаго рода добычи и вещей, служившихъ для убора или для роскоши, что немало послужило поводомъ къ шуткамъ и насмѣшкамъ. По той сторонѣ Готы Зейдлицъ вторично атаковалъ неприятельскій аріергардъ, нанесъ ему значительный уронъ, и не давалъ отдыха до самаго Эйзенаха. Это блистательное дѣло, въ которомъ конница произвела все то, чего можно ожидать отъ нее въ содѣйствіи съ пѣхотою, удостоилось благоволенія Короля до того, что по сему случаю онъ велѣлъ написать особую статью въ газетахъ, и спустя долгое время послѣ того, при сочиненіи историческихъ своихъ записокъ, упомянулъ въ подробности и къ величайшей похвалѣ Зейдлица о заслугахъ, оказанныхъ имъ въ этомъ случаѣ. «Всякій другой офицеръ, говоритъ Король, былъ бы доволенъ собою, еслибы безъ урона онъ успѣлъ выйти изъ столь труднаго положенія; но г. Зейдлицъ удовольствовался не прежде, какъ одержавъ поверхность надъ неприятелемъ, — примѣръ, служащій доказательствомъ тому, что въ военное время, способность и рѣшимость генерала значатъ болѣе, нежели число войскъ. Посредственный начальникъ, въ подобномъ положеніи и при такомъ превосходствѣ неприя-

тельскихъ силъ, потерялъ бы присутствіе духа и отступилъ при ихъ приближеніи, съ потерю половины своего войска въ арьергардномъ дѣлѣ, которое тотчасъ должна была завязать неприятельская конница, столь превосходная числомъ. Счастливая мысль употребить драгунскій полкъ; показанный неприятелю издали въ большомъ протяженіи, подала г. Зейдлицу случай, въ сомнительномъ дѣлѣ приобрести великую славу.» Въ донесеніи къ Королю Зейдлицъ просилъ себѣ на будущее время подкрѣпленія, ибо, сегодняшній маневръ, говорилъ онъ, едва ли удастся во второй разъ. Но уже 20 Сентября вечеромъ, Король велѣлъ ему возвратиться со всемъ своимъ отрядомъ; Зейдлицъ въ рапортѣ изъяснилъ, что надѣется отступить съ слабымъ отрядомъ своимъ безъ всякой потери; среди бѣлаго дня, по той причинѣ, писалъ онъ, «что великъ страхъ у неприятеля предъ оружіемъ Вашего Величества.»

Въ это время положеніе Короля становилось чрезвычайно затруднительнымъ; нужно было необыкновенное вниманіе и большое напряженіе силъ, чтобы повсюду оказать достаточный отпоръ множеству неприятельскихъ войскъ. Богемію онъ принужденъ былъ оставить; Сак-

соніи и Силезіи угрожали Австрійцы; въ Пруссію вступала Русская армія; Померанію тревожили Шведы; въ окрестностяхъ Эльбы и въ Тюрингіи стояли Французы и Имперскія войска; даже предъ вратами Берлина явился 16 Октября Австрійскій генераль Гадикъ съ 3000 легкихъ войскъ. Король принужденъ былъ содержать въ безпрестанномъ движеніи тѣ войска, которыя находились ближе къ рѣкамъ Спре, Эльбѣ и Саалѣ, и часто на разныхъ точкахъ соединять ихъ въ одну сильную массу; отъ чего лѣвый берегъ Саалы былъ оставленъ Французамъ и Имперскимъ войскамъ. Когда же неприятель, перешедъ на правый берегъ, подступилъ къ Лейпцигу, тогда Король обратился противу него, въ намѣреніи нанести ему сильный ударъ и съ этой стороны освободиться отъ опасности. Съ приближеніемъ Короля, союзная армія обратно перешла за р. Саалу; Пруссаки вслѣдъ за нею, открытою силою одолѣвъ переправами при Галѣ, Мерзебургѣ и Вейсенфелдѣ. Французскія и Имперскія войска, къ коимъ присоединился отдѣлъ изъ главной Французской арміи, остановившейся подъ начальствомъ Дюка-де-Ришелье, за горами Гарца, простирались числомъ до 64,000 человекъ. Прусская армія была всего въ 22,000 человекъ. Не-

приятель сосредоточилъ свои силы близъ Мюхельна, куда Король двинулся 3 Ноября, пройдя Браунсдорфъ и Росбахъ. Взявъ нѣсколько конныхъ полковъ съ собою, онъ осматривалъ неприятельское положеніе; оно оказалось удобнымъ къ приступу; къ тому же безпечность неприятеля, изъ лагеря коего Прусскіе гусары забирали плѣнныхъ и уводили лошадей, ободряла къ нападенію; но еще въ ночи неприятель перемѣнилъ лагерь, и когда въ слѣдующее утро Прусская армія подошла, то Король нашелъ положеніе союзной арміи неприступнымъ и отвелъ свои войска обратно чрезъ с. Шортау, позади котораго сталъ лагерь, прислонивъ правое крыло къ с. Бедра, лѣвое крыло къ с. Росбахъ. Предъ фронтомъ лагеря были непроходимыя болота. Это отступательное движеніе было оглашено со стороны обрадованнаго неприятеля боемъ во всю барабаны, музыкою всѣхъ полковъ и пушечною пальбою. Неприятельскіе генералы, полагая, что Король намѣревался перейти обратно за р. Саалу, рѣшились предупредить его въ Мерзебургъ и Вейсенфелдсъ и тѣмъ отрѣзать ему путь къ отступленію; они мечтали, что если окружатъ его превосходными своими силами, то могутъ заставить положить оружіе.

Слѣдующій день 5 Ноября опредѣленъ былъ къ наступленію.

Сраженіе при Росбахѣ,

5 Ноября 1757 года.

Неприятель, дабы скрыть свое движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить вниманіе Прусаковъ, двинулъ противу праваго ихъ крыла нѣсколь-ко баталіоновъ, которые и открыли огонь; но, по причинѣ дальняго разстоянія, непричинившій вреда Прусакамъ. Зейдлицъ, взявъ съ собою часть конницы, обозрѣлъ Французское войско, однако же въ бой не вступалъ. Между тѣмъ главныя неприятельскія силы двинулись лиціями на право; вскорѣ послѣ того дошли донесенія, что неприятель, миновавъ с. Цейхвельдъ, взялъ направленіе къ Петштету, стараясь обойти лѣвое крыло Королевской арміи. Послѣ нѣкотораго сомнѣнія на счетъ намѣренія неприятеля, Король, съ высокаго замка Росбахскаго, осмотрѣвъ въ подзорную свою трубку движеніе Французскихъ войскъ, удостовѣрился, что они дѣйствительно тянулись чрезъ Петштетъ на дорогу къ Рейхерсвербену. До того времени Прусская армія оставалась недвижима; но тогда, въ два часа по по-

1.

лудни, воспослѣдовало приказаніе снять палатки; мгновенно лагерь не стало и войска ступили подъ ружье. Король повелъ лично пѣхоту линиями на лѣво по тому же направленію, по которому шелъ Принцъ Субизъ; вся кавалерія, за исключеніемъ немногихъ эскадроновъ, оставленныхъ при с. Шортау, для наблюденія противостоявшаго неприятеля, получила приказаніе предупредить Французскія войска по Мерзбургской дорогѣ; составляя третью линію, она равномерно захала⁽¹⁾ на лѣво и на большой рыси двинулась, чтобъ опередить свою пѣхоту. Всею кавалеріею командовалъ Зейдлицъ, хотя и младшій изъ кавалерійскихъ генераловъ; но Король на него болѣе всѣхъ надѣялся. Арміи были разлучены низменными болотами, простирающимися въ полукружіи Браунсдорфа къ Росбаху и Лунштету, далѣе позади Лунштета и Рейхерсвербена возвышенностями, между коихъ гора Янусъ есть высшая точка. Король пользуется сими высотами, скрывавшими отъ неприятеля движенія войскъ его; устанавливаетъ здѣсь батарею⁽²⁾, изъ коей храбрый полковникъ Моллеръ направляетъ сверху внизъ, густой огонь на неприятеля, который отвѣчаетъ изъ своихъ ору-

(¹) По взводно.

(²) 18 тяжелыхъ орудій, изъ коихъ 4-ре 20-ти фунтовыхъ.

дій⁽¹⁾ возвышенными выстрѣлами безъ всякаго успѣха. Все ближе и ближе сходятся головы колоннъ обѣихъ армій. Движеніе Прусаковъ остается скрыто. Съ Французской стороны равномерно кавалерія впереди; она какъ будто опасаясь, чтобъ Прусакі не ускользнули изъ рукъ ея, скачетъ легкомысленно и безъ авангарда, миновавъ Рейхерсвербенъ, заѣзжаетъ во фронтъ и со всею увѣренностію въ побѣдъ приближается къ горѣ Янусъ, полагая себя уже въ тылу Прусскихъ линій. Внезапно изъ-за горы показался Зейдлицъ съ своими эскадронами на большихъ рысяхъ; онъ видитъ, что обогнулъ правый флангъ неприятеля, постигаетъ всю важность момента и рѣшается произвести атаку, не дожидаясь содѣйствія пѣхоты. Имѣя въ первой линіи 15 эскадроновъ, во второй 18, онъ командуетъ заѣздъ на право во фронтъ; пять эскадроновъ гусарь прикрываютъ его лѣвый флангъ. Здѣсь, по нововведенію Зейдлица, Прусская кавалерія, откинувъ строй въ три шеренги, сражается въ первый разъ въ двѣ шеренги. При заѣздѣ во фронтъ, произведенномъ во весь карьеръ, случилось неприятное обстоятельство: подъ командиромъ одного изъ эскадроновъ лейбъ-

(1) Изъ 8-ми орудій.

кирасирскаго полка замаялась лошадь; отъ того эскадронъ стѣснился, но порядокъ былъ мгновенно возстановленъ; однакоже Зейдлицъ это замѣтилъ; въ полнотѣ чувства начальника и будучи самъ для всѣхъ образцемъ, скачетъ ко фронту и съ словами «убирайтесь къ ч...» отгоняетъ назадъ онѣмѣвшаго ротмистра, который послѣ сего никогда болѣе не являлся къ полку: дѣйствіе самовластія и насильствія, оставленное вѣроятно Королемъ безъ вниманія только потому, что онъ видѣлъ здѣсь ту самую огненную ревность, которая столь же запальчиво бросается въ ряды неприятеля. Уже все выстроилось, все готово; но остріе еще не поднято; Зейдлицъ предоставляетъ это всегда послѣдней минутѣ; онъ выскакиваетъ впередъ, на далекое разстояніе, для всѣхъ видимый и вскинувъ вверхъ свою курительную трубку, тѣмъ подаетъ рѣшительный знакъ къ атакѣ; все обнажаетъ мечъ (1)

(1) Въ этомъ мѣствѣ почтенный авторъ недовольно ясно выражается на счетъ того, служило ли взброшеніе трубки вмѣсто команды «*пилани воиъ*» или «*маршъ-маршъ*». Трудно вообразить себѣ, чтобъ твердый фронтъ, идущій на большой рысѣ, вблизи неприятеля, въ минуту, когда переходитъ въ каріеръ, могъ выпустъ палани или сабли изъ ноженъ, сохраняя совершенный порядокъ и неразомкнутость. При томъ известно, что Зейдлицъ имѣлъ громкій и звонкій голосъ, и всегда самъ командовалъ рѣшительные слова «*маршъ-маршъ*». Вѣроятноже кажется, что

и летитъ вслѣдъ за нимъ на непріятеля. Здѣсь непріятельскихъ 52 эскадрона подъ командою Дюка - де - Броли; они начинаютъ поспѣшно депоировать ⁽¹⁾ вправо, но Зейдлицъ не даетъ имъ времени; еще они не выстроили фронта, какъ уже настигнуты, опрокинуты, изрублены. Между тѣмъ четыре кавалерійскихъ полка, два Австрійскихъ и два Французскихъ, стараются удержать стремленіе; одному изъ Французскихъ полковъ даже удается опрокинуть одинъ Прусскій полкъ; но успѣхъ былъ только мгновенный; они въ слѣдующую минуту смяты ⁽²⁾, какъ все остальное, и опрокинутая масса стремится обратно въ величайшемъ безпорядкѣ. Тѣснина предъ Рейхерсвербенемъ останавливаетъ бѣгущихъ, — здѣсь множество взято въ плѣнъ. Эта разстроенная кавалерія, продолжая скачку до самой рѣки Унструтъ, не показывается болѣе въ продолженіи дня. Зейдлицъ, перешедъ за Рейхерсвербенъ, прекращаетъ пре-

Зейдлицъ не прежде позволялъ взять сабли и палаши на подвысь, какъ коль скоро онъ къ тому подавалъ знакъ, — о чемъ авторъ и упоминаетъ нѣсколькими строками выше.
Л.

(1) Вѣроятно перемѣнить фронтъ на право; ибо уже были депоированы.
Л.

(2) Зейдлицъ горячо бросился съ резервами и вырвалъ побѣду.
Л.

слѣдованіе, даетъ собраться и опомниться своимъ войскамъ и, взявъ продолженіе влѣво, угрожаетъ посредствомъ этого движенія неприятельской пѣхотѣ съ тылу. Въ одно почти время съ конницею и пѣхота Прусская, предводимая лично Королемъ, обошла неприятельскій правый флангъ. Тогда Король повелѣлъ зайти на право во фронтъ ⁽¹⁾ и всею линіею начать наступленіе, но такъ, чтобъ войска праваго фланга умѣряли ⁽²⁾ свое движеніе, войска же лѣваго фланга брали продолженіе влѣво ⁽³⁾; батарея, предъ симъ дѣйствовавшая съ горы Янусъ, подавалась впередъ на одной высотѣ съ пѣхотою первой линіи ⁽⁴⁾; все это производилось когда неприятельская пѣхота бѣглымъ шагомъ шла къ

(1) Хотя въ подлинникѣ и сказано *на лѣво*, — но надо разумѣть *на право*.

(2) Имѣя дирекцію на лѣво и наблюдая интервалы съ лѣвой стороны.

(3) Здѣсь слѣдуетъ объяснить: баталіоны лѣваго фланга изъ второй только линіи продолжали идти прямо и побаталіонно, каждый въ свою очередь зашедъ на право во фронтъ поступали въ первую линію; — симъ искуснымъ движеніемъ *ан-эшелоу* Прусская пѣхота окончательно обогнула неприятельскій правый флангъ.

(4) Въ первой линіи находилось 19 баталіоновъ, во второй 6; вторая линія держалась ближе къ лѣвому флангу, составляя пополнительный резервъ сего фланга, на который возложено было главное дѣйствіе.

Рейхерсвербену, не воображая о возможности быть атакованною; но увидѣвъ внезапно предъ собою и во флангъ развернутый, устроенный фронтъ Прусаковъ, она смѣшалась; баталіоны не имѣли мѣста депоировать; глубокія походныя колонны были осыпаны ядрами изъ Прусскихъ батарей; правый флангъ былъ тотчасъ обойденъ и остался безъ защиты; съ тыла угрожала Прусская кавалерія; тщетно было стараніе выстроить фронтъ противъ сей послѣдней; тщетны были усилія, посредствомъ густыхъ массъ, удержать натискъ Короля; батареи лѣваго фланга Прусаковъ обближались и осыпали ихъ картечью; баталіоны лѣваго фланга открыли мѣткій ружейный огонь. Недолго продолжался бой: переднія войска были опрокинуты на заднія, смѣшали ихъ, и увлекли съ собою въ величайшемъ безпорядкѣ. Этою минутою воспользовался Зейдлицъ; онъ съ своей стороны ринулся въ разстроенные ихъ ряды и забиралъ въ плѣнь цѣлые баталіоны. Подъ конецъ нѣсколько Французскихъ полковъ хотѣли возобновить сраженіе и Французская кошица лѣваго фланга прискакала, чтобъ прикрыть общій отступъ, но и это сопротивленіе было скоро преодолено; бой едва продолжался два часа и не наступила еще совершенная темнота, какъ

Прусакѣ уже успѣли одержать совершеннѣйшую побѣду. Изъ числа Прусской пѣхоты, семь только баталіоновъ, подъ предводительствомъ Принца Генриха, имѣли время стрѣлять; баталіоны праваго фланга, равно какъ и все лѣвое крыло Французское не участвовали въ битвѣ; она рѣшилася при самомъ началѣ превосходнымъ распоряженіемъ Короля, вѣрнымъ направленіемъ войскъ и размѣщеніемъ батарей, а болѣе всего рѣшительнымъ натискомъ кавалеріи. Неприятель потерялъ убитыми и ранеными 3000 человекъ, плѣнными болѣе 5000; въ этомъ числѣ 5 генераловъ и 300 офицеровъ; взято 67 пушекъ, 7 знаменъ, 15 штандартовъ и безчисленное множество обоза; Прусакѣ имѣли убитыми 165 рядовыхъ и 3 офицеровъ и 376 раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ 20 офицеровъ и между ими генераль Зейдлицъ: онъ былъ раненъ при атакѣ на неприятельскую пѣхоту ружейною пулею въ плечо.

Рѣдко случалось, чтобы сраженіе было рѣшено столь быстро и совершенно; чтобы побѣда отозвалась столь громко, столь далеко и произвела бы подобное впечатлѣніе. Послѣдствія сраженія и забавныя обстоятельства поспѣшной ретирады Французовъ содѣлали слово *Росбахъ*

Нѣмецкимъ народнымъ увеселеніемъ, которымъ удовлетворялось всякое чувство оскорбленнаго патріотизма; даже во Франціи почитали войну съ Прусаками болѣе дѣломъ Версальскаго двора; ему приписывали весь стыдъ претерпѣннаго пораженія и радовались оному, между тѣмъ какъ привязанность и уваженіе многократно и гласно изъявлялись въ пользу Фридриха Великаго и его сподвижниковъ. Эти чувства вполнѣ раздѣляли взятые въ плѣнъ генералы и офицеры, привѣтствованные Королемъ ласково и почетно; въ ихъ мнѣніи, стоялъ выше всѣхъ, послѣ Короля, генераль Зейдлицъ, о которомъ они сказали, въ отношеніи къ молодымъ его лѣтамъ, что «этотъ малый родился генераломъ» (*que ce garçon etait né général*). Король за одержанную побѣду отдалъ благодарность всему войску, въ особенности конницѣ, явившейся въ этотъ день въ невидѣнномъ дотолѣ блескѣ и славѣ, и которая въ полнотѣ чувства своего достоинства, съ той минуты считала себя непобѣдимой, подъ предводительствомъ подобнаго пачальника, каковъ былъ Зейдлицъ. Король возложилъ на него орденъ Чернаго орла, прибавя къ тому милостивѣйшія выраженія, которымъ онъ столь много умѣлъ придавать пріятности; орденъ Чернаго орла никогда еще предъ

тѣмъ не получали въ генераль-маіорскомъ чинѣ. Нѣсколько дней послѣ того Зейдлицъ возведенъ на степень генераль-лейтенанта и назначенъ шефомъ кирасирскаго полка, которымъ онъ долговѣ командовалъ и который къ этому времени упразднился.

ГЛАВА III.

Дотолъ въ Прусской арміи никто въ теченіи шести мѣсяцевъ не былъ произведенъ изъ полковниковъ въ генераль-лейтенанты, никто не получалъ въ чиинъ генераль-маіора важнѣйшаго ордена Государства, коего не имѣли многіе генераль-лейтенанты, посѣдѣвшіе на службѣ, — отличіе, которому и впослѣдствіи не было примѣра. Зейдлицъ на степени новаго возвышенія оставался благодарнымъ и скромнымъ, стараясь смягчить все то, что могло быть въ семъ положеніи оскорбительнаго для заслуженныхъ товарищей. Такъ, напримѣръ, уведомиль онъ о чрезвычайномъ своемъ производствѣ храбраго

генерала Мейнеке, который также был раненъ подъ Росбахомъ и котораго онъ обошелъ по службѣ, увѣряя его съ искренностію, что это преимущество, пожалованное ему по милости Короля, никогда не заставитъ его забыть высокаго уваженія къ одному изъ отличнѣйшихъ генераловъ арміи, старшему по службѣ, котораго дружба для него чрезвычайно драгоценна. Первымъ предметомъ его полеченій были храбрые офицеры, отличившіеся подъ его начальствомъ; онъ немедленно нѣкоторыхъ представилъ къ производству, коихъ Король и соизволилъ тотчасъ наградить.

Рана его, хотя и незначительная, изцѣлялась медленно, и препятствовала ему участвовать въ военныхъ происшествіяхъ въ Силезіи, куда Король двинулся съ арміею. Онъ оставался въ Лейпцигѣ, гдѣ вскорѣ получилъ извѣстіе о славной побѣдѣ, одержанной Королемъ надъ Австрійцами 5-го Декабря при Лейтене. Король особенно его о томъ увѣдомилъ чрезъ Принца Генриха; это происшествіе и лестное воспоминаніе Короля произвели живѣйшую въ немъ радость. Однакожъ ему надлежало вооружиться терпѣніемъ; онъ провелъ время зимнихъ квартиръ излѣченіемъ тяготившей его болѣзни.

Тайному Совѣтнику Доктору Котеніусу легче было пользоваться его отъ раны, нежели освободить отъ состоянія общей слабости и разстройства. Король освѣдомлялся неоднократно и съ участіемъ о здоровьи его, на что Зейдлицъ съ простодушною откровенностію увѣдомлялъ о болѣзни, недозволявшей ему сѣсть на лошадь; ибо послѣ каждаго опыта дотолъ сдѣланнаго, слѣдовала совершенная отдышка. «Какъ скоро обстоятельство это будетъ хотя сноснымъ, то я надѣюсь по прежнему съ величайшею преданностію, до самой смерти исполнять ремесло мое, которое щастіемъ, а еще болѣе милостію Вашего Величества содѣлалось для меня драгоценнымъ». Слова сии, подобно тѣмъ, о которыхъ упомянуто выше, доказываютъ тонкій умъ, изъясняющійся связно и хорошо. — Вліяніе весенняго времени его немного оправдало, такъ, что онъ могъ возвратиться къ арміи. Король, начавъ походъ 1758 года осадою и взятіемъ приступомъ крѣпости Швейдницъ, готовился къ важнѣйшимъ предпріятіямъ. Онъ въ началѣ Мая двинулся съ главною арміею чрезъ горы внизъ въ Моравію, искусно обманувъ фельдмаршала Дауна, опасавшагося нападенія на Богемію, и соединившаго тамъ войска свои въ крѣпкой позиціи.

Предметомъ ближайшаго предпріятія былъ Ольмюцъ. Но Австрійскій генераль Маршалъ хорошо защищалъ крѣпость; приготовленія къ обступленію и къ осадѣ не соответствовали цѣли, и для различныхъ этихъ предпріятій самое число Прусскихъ войскъ было недостаточно. Въ военныхъ сихъ событіяхъ Зейдлицъ является только мгновенно, въ незначительныхъ дѣлахъ, въ коихъ нельзя было соединить великой кавалерійской массы. Король лично всемъ распоряжался, самое же исполненіе повелѣній его не могло доставить случая къ отличіямъ, потому что непріятель постоянно избѣгалъ дѣла. 12 Мая Зейдлицъ отправленъ былъ съ двумя полками драгунъ и 300 гусаръ къ югу отъ Ольмюца въ Тобичау; здѣсь подошла къ нему пѣхота; тогда онъ двинулся къ Кремзиру, собралъ въ этой странѣ и на лѣвомъ берегу Мархин, между Прерау и Големау, все съѣстные припасы и весь фуражъ, дабы непріятель не могъ двинуться впередъ съ сей стороны, и 17-го возвратился въ лагерь близъ Нейштадта. Юня 29-го отправилъ его Король туда же съ нѣсколькими эскадронами гусаръ и драгунъ, чтобъ удостовѣриться на счетъ приближенія непріятельскихъ войскъ, о чемъ передовые доносили, но непріятель не показывался. Между тѣмъ положеніе

Короля становилось затруднительнымъ съ приближеніемъ самаго Дауна, въ арміи котораго генераль Лаудонъ дѣятельностію и прозорливостію начиналъ бытъ въ особенности опаснымъ для Прусаковъ; крѣпость совсѣмъ почти была освобождена, напротивъ того сообщенія Короля съ Силезіею прерваны. Когда же 30-го Іюня Лаудонъ разбилъ войска Цитена въ тѣснинахъ близъ Домштетеля, взявъ или истребивъ большіе Прусскіе подвозы, то Король принужденъ былъ снять осаду и оставить Моравію. Но вмѣсто того, чтобъ проложить себѣ дорогу въ Силезію, какъ показывалъ, онъ внезапно повернулъ въ Богемію, проникая даже, во время отступленія, въ землю непріятели, продовольствуя войска свои его средствами и уничтожая такимъ образомъ выгоды его позицій и превосходство его силъ. Во время сего труднаго и опаснаго отступленія, Зейдлицъ имѣлъ славное дѣло при Хлумець; послѣ того прикрывалъ со всею конницею дальнѣйшее отступленіе, которое съ приближеніемъ къ границамъ Силезіи производилось спокойно и медленно. Наконецъ войско благополучно перешло горы, и 8-го Августа стало снова лагеремъ при Ландсгутъ и Гриссау. Но здѣсь оно недолго отдыхало.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ЦОРНДОРФѢ,

25 Августа 1758 года.

Подобно какъ въ прошломъ году Французы, въ настоящемъ году Рускіе явились въ большихъ силахъ на театрѣ войны; ихъ грозные успѣхи скоро понудили Короля обратиться противъ нихъ съ главною своею арміею. Генераль Графъ Ферморъ, прошедъ чрезъ Польшу и Пруссію до р. Одера, переправился съ 50,000 чело-вѣкъ на правый берегъ Варты, сжегъ городъ Кистринъ бомбардировкою и угрожалъ крѣпости. Графъ Дона, уступая превосходству силъ, сталъ съ корпусомъ Прусскихъ войскъ позади р. Одера у Горгаста, близъ самой крѣпости; войска эти недовольно были многочисленны, чтобъ принять сраженіе въ открытомъ полѣ. Между тѣмъ, 11-го Августа, Король, оставя лагерь при Ландсгутѣ, шель съ 16-ю баталіонами и 28-ю эскадронами отборнѣйшихъ войскъ усиленными маршами на помощь и 21 Августа прибылъ въ Горгастъ. Здѣсь, сдѣлавъ смотръ войскамъ, сказалъ Графу Донъ: «ваши люди нарядились чрезвычайно щего-левато; я привелъ съ собою небольшое число замарашекъ, но съ острыми зубами». Разсмотрѣ-

рѣвъ подробно положеніе дѣль, онъ рѣшился вступить въ бой безъ отлагательства, дабы очистить поле съ этой стороны и имѣть возможность снова обратиться противъ Австрійцевъ. Онъ успѣлъ обмануть своего противника, подавъ видъ, будто переходитъ Одеръ близъ Кистрина, единственно въ намѣреніи защитить крѣпость; между тѣмъ, двинувшись внизъ по рѣкѣ, приказалъ бросить мостъ при Гюстебизѣ, который былъ изготовленъ въ продолженіи трехъ часовъ; и уже 23 Августа, находясь на правомъ берегу рѣки съ 32,000 войскъ, изъ коихъ треть кавалеріи, при 17 Корудяхъ, былъ въ полномъ наступленіи противъ Русской арміи.

Графъ Ферморъ, увидя у себя въ тылу армію Короля (1), перемѣнилъ поспѣшно фронтъ, ставъ лицомъ туда, откуда угрожало ему нападеніе. Онъ избралъ весьма крѣпкое положеніе позади деревень Кварченъ и Цорндорфъ; лѣвое крыло примкнулъ къ рѣкѣ Мицелю, протекающей дер. Кварченъ и впадающей въ Одеръ; правымъ прислонился къ Древицкой рощѣ, по направленію къ Кистрину. Фронтъ его былъ охраняемъ, сперва, начиная отъ Цорндорфа до Квар-

(1) Рускіе сдѣлали просто на лѣво кругомъ.

чена, Цабергрундомъ, болотистымъ потокомъ, прорѣзывающимся по вязкому низменному оврагу, послѣ того въ нѣкоторомъ разстояніи таковымъ же, подъ названіемъ Галгенгрунда, простирающимся отъ Вилькерсдорфа почти параллельно по тому же направленію; еще далѣе третьимъ, Гофбрухъ называемымъ, которые всѣ стекаютъ близъ Кварчена въ Мицель. Коль скоро Прусакіи показали близъ Дармицеля по той сторонѣ рѣчки и растянули свой лагерь до Нейдамской мельницы, то Рускіе стали лѣвымъ флангомъ въ полукаре, коего фасъ прикрытъ былъ Гофбрухомъ и далѣе влѣво большимъ рукавомъ Мицеля. Таково было обоюдное положеніе 24-го Августа по полудни. Но Король рѣшилъ атаковать непріятели совершенно съ противоположной стороны, напасть на правый его флангъ, который былъ менѣе охраненъ мѣстностью, при чемъ имѣлъ въ виду втѣсниться между непріятеlemъ и Кистриномъ и стать подъ защитою крепости, если бы воспослѣдовала неудача. Для сего надлежало обойти все положеніе непріятели, чему благоприятствовала мѣстность; въ ночи устроены близъ Нейдамской мельницы переправы чрезъ Мицель; войска, оставя у себя съ правой стороны д. Цинчеръ, потянулись влѣво въ Массинскую долину и, скрываемые лѣ-

сомъ, подошли 25-го Августа съ разсвѣтомъ въ трехъ линіяхъ къ неприятелю. Между тѣмъ Графъ Ферморъ перемѣнилъ въ ночи свое положеніе; перешедъ Цабергрундъ, онъ сталъ между онымъ и д. Цишеръ въ большой, неправильной каре, фронтомъ къ д. Вилкерсдорфъ, имѣя у себя въ тылу Гофбрухъ. Прусакн вышли у с. Бацловъ изъ лѣсу на равнину и двинулись въ боевомъ порядкѣ чрезъ Вилкерсдорфъ къ Цорндорфу; Король, осмотрѣвъ новое положеніе Рускихъ, нашелъ и теперь правое ихъ крыло удобнѣйшею точкою къ нападенію. Но вышепомянутыя три топкіе оврага, прорѣзывающіе мѣстность, и которые Король имѣлъ намѣреніе обойти, уже не прикрывали, какъ сперва, фронта Рускихъ по протяженію его, но находились въ перпендикулярномъ направленіи. Отъ этого хотя уменьшились для Прусаконъ затрудненія мѣстности, но другое представало неудобство: надлежало разомкнуть отдѣлы атакующихъ войскъ по мѣрѣ сближенія ихъ съ неприятельскимъ фронтомъ.

Авангардъ Прусаконъ, прошедъ чрезъ Цорндорфъ ⁽¹⁾, открылъ сраженіе сильнымъ огнемъ

(1) Козакн при отступленіи зажгли Цорндорфъ.

изъ батарей, направленнымъ противъ оконечности праваго фланга Рускихъ. Баталіоны, опираясь съ лѣвой стороны о Цабергрундъ, съ отважностію проложили себѣ дорогу впередъ и прорвали первую линію Рускихъ. Обѣ боевыя линіи Прусаковъ слѣдовали за авангардомъ въ коевенномъ порядкѣ, уклоняя правый флангъ, которому приказано было вступить въ дѣло позже. Вся почти наличная кавалерія, подѣ предводительствомъ генерала Зейдлица, была отряжена совершенно на лѣвый флангъ по ту сторону Цабергрунда, отдѣлявшаго, по мѣрѣ общаго наступленія, сію кавалерію все болѣе и болѣе отъ пѣхоты, которой она назначена была въ главное подкрѣпленіе; при началѣ сраженія пять конныхъ полковъ, два кирасирскихъ и три драгунскихъ, получили повелѣніе перейти на правый флангъ. Король, обозрѣвая съ удобнаго мѣста всѣ движенія войскъ, и замѣтивъ что кавалерія не подалась достаточно впередъ, послалъ приказаніе, чтобъ она шла на одной высотѣ съ пѣхотою; но Зейдлицъ, чтобъ не подвергать напрасно огню непріятельскихъ батарей своихъ всадниковъ, для которыхъ не наступила еще пора дѣйствовать, не исполнялъ сего приказанія, хотя оно и было повторено; онъ отвѣчалъ, что кавалерія не упуститъ ни

малѣйшаго случая, что онъ надѣется поспѣть съ нею всюду, гдѣ потребуетъ того надобность и что по окончаніи сраженія онъ оправдаетъ себя. Фридрихъ послалъ еще разъ къ нему и приказалъ объявить, что онъ головою отвѣчаетъ за сраженіе, на что Зейдлицъ сказалъ хладнокровно: «доложите Его Величеству, что по окончаніи сраженія, онъ воленъ располагать моею головою; во время же сраженія я прошу позволенія употребить ее наилучшимъ образомъ на пользу службы его.»

Между тѣмъ Прусскія пѣхота авангарда не сохранила равенія и даннаго ей направленія: свой лѣвый флангъ, который долженъ былъ постоянно прислоняться къ Цабергрунду, она выставила неприятельскому огню; ея наступательное движеніе не было усилено оттого, что пѣхота, долженствовавшая слѣдовать за нею, вступила правѣе на одну съ нею линію; эта ошибка была причиною, что баталіоны авангарда не могли опрокинуть вторую линію Русскихъ, подобно какъ они опрокинули ихъ первую линію. Напротивъ того, Рускіе, стоя здѣсь въ сгущенномъ строю и неразомкнута, постигли все превосходство своихъ силъ и всѣ невыгоды Прусаковъ; съ громогласнымъ ура бросившись

на нихъ, штыками погнала ихъ обратно; тогда и Русская кавалерія, понесясь съ быстротою впередъ, распространила безпорядокъ по всему лѣвому крылу; цѣлые баталіоны спасаются бѣгствомъ; Рускіе съ боя берутъ 26 орудій и преслѣдуютъ одержанные успѣхи. Но Зейдлицъ, имѣя по той сторонѣ Цабергрунда 31 эскадронъ, примѣчалъ зорко и внимательно за ходомъ сраженія; повелѣніе Короля атаковать упорно неприятельскую пѣхоту, коль скоро она разстроится и покажетъ тылъ, уступаетъ настоящей необходимости положить преграду упоенному побѣдою и въ безпорядкѣ наступающему неприятелю, и возстановить съ этой стороны почти совершенно потерянное дѣло. Онъ ясно усмотрѣлъ важность момента и предстоящей ему задачи, съ спокойствіемъ устроилъ свои средства, и съ полною увѣренностію знатока приступилъ къ исполненію. Отыскавъ удобныя точки къ переходу чрезъ Цабергрундъ, сближаетъ полки къ оврагу, быстро переносится чрезъ оный, выстраиваетъ по той сторонѣ эскадроны, подаетъ знакъ и во весь каріеръ увлекаетъ ихъ за собою. Не теряя опытной предусмотрительности, онъ заблаговременно раздѣлилъ атаку; самъ, въ чель кирасирскаго его имени полка и двухъ гусарскихъ полковъ, бро-

сается на Русскую конницу, опрокидывает ее и, что спаслось от меча, разгоняет по болотистымъ низменностямъ; кирасирскіе же полки гард-дю-коръ и жандармовъ обращаетъ прямо противу Русской пѣхоты, которая, несмотря на то, что кирасиры ворвались въ ея ряды, стоитъ твердою ногою и въ кровавой рукопашнѣ отчаянно защищается штыками. Зейдлицъ, прекративъ преслѣдованіе Русской кавалеріи и устроивъ быстро свои эскадроны, атакуетъ неприятельскую пѣхоту. Въмѣстѣ съ симъ, 15 эскадроновъ, слѣдовавшихъ позади лѣваго фланга Прусаковъ, и два драгунскіихъ полка, которые, бывъ Королемъ потребованы съ лѣваго фланга на правый и уже пробѣжавъ на большой рыси чрезъ дымящійся Цорндорфъ, получили приказаніе въ отмѣну перваго, — бросаются въ среду этого отчаяннаго боя, кровопролитнѣйшаго ⁽¹⁾ изъ всѣхъ извѣстныхъ между кавалеріею и пѣхотою. Рускіе, разстроенные въ боевомъ порядкѣ, собираются въ малыя густыя кучи, изъ коихъ нѣтъ спасенія, гдѣ пощада не можетъ имѣть мѣста, но гдѣ они по тѣламъ убитыхъ и раненныхъ товарищей, смыкаются тѣснѣе и

(1) За исключеніемъ большой кавалерійской атаки Мюрата на нашъ центръ, при Прейсшъ-Эйлау. Л.

тѣснѣе, питая ярость кровавой сѣчи упорнѣйшею обороною. Гусарамъ Цитена удастся вѣрзаться въ эти кучи; но ихъ поднимають на штыки, и только съ величайшимъ усиленіемъ они спасаются обратно. Наконецъ кавалерія беретъ верхъ, и эти округленныя чудовища, форму которыхъ приняли разстроенныя линіи, нѣспомогаютъ подъ ударами меча; тысячи покрываютъ обширное поле, остальные бѣгутъ — и навсѣмъ пространство между Цабер-п-Галгенгрундами нѣтъ уже непріятели. Но позади Галгенгрунда стоитъ главная сила Русскихъ, неколеблема и охраняемая болотистымъ оврагомъ отъ всякаго кавалерійскаго нападенія; къ тому же Зейдлицъ долженъ собрать и привести въ порядокъ свои полки, дать имъ время оправиться послѣ столь жестокаго боя; но симъ уваженіемъ, и чтобъ они не терпѣли отъ огня близкихъ непріятельскихъ батарей, отводить онъ ихъ позади Цорндорфа, гдѣ приводя ихъ въ порядокъ, всегда готовый возобновить дѣйствіе, внимательно примѣчаетъ за дальнѣйшимъ развитіемъ общаго сраженія.

Съ 9 часовъ утра по 1-й часъ по полудни кипѣлъ бой на лѣвомъ флангѣ; теперь общее изнеможеніе силъ было причиною наступив-

наго бездѣйствія. Король, видя, что его пѣхота лѣваго фланга неспособна возобновить наступленія, рѣшилъ начать бой съ войсками уклоненнаго доселѣ праваго фланга, дабы воспользоваться успѣхомъ, одержаннымъ кавалеріею Зейдлица столь же отважно, сколь неожиданно; батареи сего крыла выѣхали впередъ и открыли сильный огонь противу Русской боевой линіи, стоявшей твердо между д. Цишеръ и Галгенгрундомъ; вслѣдъ за симъ и батареи лѣваго крыла обратили туда же свое дѣйствіе; но орудія праваго фланга, подъ недостаточнымъ прикрытіемъ далеко опередивъ слѣдовавшія за ними линіи, были внезапно атакованы Русскою кавалеріею, которая взявъ ихъ, ринулась какъ гроза на пѣхоту; здѣсь находились отборнѣйшіе полки, тѣ самые, которые Король привелъ съ собою изъ Силезіи; они съ твердостію отразили натискъ и устояли; кавалерія же праваго фланга подоспѣла, опрокинула Русскую и прогнала ее за д. Цишеръ. Этимъ дѣйствіемъ выручены орудія и вся линія снова двинулась впередъ; однако же Рускіе, при превосходствѣ своемъ въ числѣ, могли располагать свѣжими войсками; оттого, несмотря на это пораженіе, другой отдѣлъ Русской кавалеріи на правомъ ихъ крылѣ бросился со всею пылкіею на Прус-

скую пѣхоту; ближайшіе баталіоны, еще не оправившіеся отъ перваго удара, не дождались натиска и показали тыль; ихъ бѣгство увлекло и остальныхъ; 13 баталіоновъ, съ отличіемъ сражавшихся при Гроссъ-Егерндорфѣ, бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ по направленію къ Вилкерсдорфу; ни голосъ начальниковъ, ни самое присутствіе Короля, ни примѣръ Силезскихъ баталіоновъ и на сей разъ непоколебимыхъ, ничто не могло остановить бѣгущихъ. Свѣжихъ войскъ не было; все стояло въ огнѣ, и пространнѣйшій проломъ казался открывалъ Рускимъ неоспоримую стезю къ побѣдѣ. Но было рѣшено свыше, чтобъ честь и выгоды сего кроваваго дня были спасены для Прусаковъ.

Зейдлицъ соединилъ позади Цорндорфа 61 эскадронъ, которые, несмотря на всѣ совершенные ими въ этотъ день труды, безъ ропота ожидали новаго случая дѣйствовать. Опасность минуты не ускользнула отъ пронизательности его взора; онъ ободряетъ свои полки. «Ребята, раздастся его голосъ, слѣдуйте за мною!»—«Мы не отстанемъ,» отвѣчаютъ всадники, уповавшіе на него; его командныя слова для всѣхъ внятны, его личный примѣръ увлекаетъ всѣхъ; эта кавалерійская громада бросается въ открытый

проломъ и во весь каріеръ несется на Русскую кавалерію, которая, находясь уже въ нѣкоторомъ безпорядкѣ послѣ сдѣланной ею атаки, не можетъ противустать порывистому натиску, и обращена въ Кварченскія болота. Между тѣмъ Король ведетъ свои отборнѣйшія войска праваго крыла противу лѣваго крыла Русской пѣхоты, разобщаетъ ея линіи, но встрѣчаетъ снова упорнѣйшую оборону и побѣда снова оспорима непоколебимою храбростію Рускихъ (1). Въ сіе

(1) Нензлышнымъ кажется поблагодарить почтеннаго автора именемъ Рускихъ за справедливое его признаніе отличной храбрости, оказанной Русскою армією въ Цорндорфской битвѣ. Г. Фаригагенъ справедливѣе Темпельгофа и его подражателей; но гдѣ видно, чтобъ одна храбрость войскъ могла восторжествовать, когда она не бываетъ управляема дарованіемъ полководца! Сраженіе при Цорндорфѣ, въ коемъ Русское войско показало похвальнѣйшую неуступчивость и геройскую неустрашимость, едвали было бы потеряно, еслибы во время боя резервы поддерживали блестящіе порывы и смѣлые натиски кавалеріи, или, если при первомъ появленіи Фридриха оно заняло бы то положеніе, на которое указывали обстоятельства и всѣ законы военной науки. Коль скоро рѣшено было принять сраженіе, не отступая плотно къ Ландсбергу, то следовало со всею армією сдвѣгать, какъ называемъ нынѣ, перемѣну дирекціи кругомъ: съ сильнымъ резервомъ утвердись правымъ флангомъ въ д. Бацавъ и въ прилегающемъ лѣсъ, лѣвый флангъ охраняя болотистыми рукавами рѣки Варты. Это положеніе, вопреки сужденію Темпельгофа, представляло тѣ выгоды, что во 1-хъ, находясь на пути сообщенія арміи (дорога чрезъ Ландсбергъ), состояло въ непосредственной связи съ магдебургомъ, оставленнымъ при д. Клейнъ-Каминъ, подъ прикрытіемъ 4000

то время Зейдлицъ, остановя свои полки послѣ преслѣдованія Русской кавалеріи, поворачиваетъ ихъ по эскадронно на право и ударяетъ въ Русскую пѣхоту. Здѣсь возникло настоящее кровавое побоище, гдѣ пѣхота и кавалерія смѣшавшись сражались холоднымъ желѣзомъ со всѣми порывами озлобленія, не давая и не принимая пощады. Наконецъ Прусакіи, болѣе обыкновенныя къ порядку и къ возстановленію устроенныхъ нападеній, одерживаютъ верхъ; упорно оспариваемая побѣда склонилась на ихъ сторону. Къ 8-ми часамъ вечера Рускіе были въ полномъ отступленіи ⁽¹⁾; нѣкоторыя части ихъ войскъ въ безпорядкѣ ткнулись къ р. Мицелю, но нашли всѣ переправы разоренными; другія

гренадеръ, разлученныхъ отъ главной арміи въ продолженіи всей битвы и оттого неучаствовавшихъ въ ней; и во 2-хъ, въ случаѣ потери сраженія не подвергало армію опасности быть истребленною посреди Кварченскихъ и Мицельскихъ болотъ, что легко могло быть ея участію, еслибы Прусская пѣхота сражалась мужественнѣе и не была объята паническимъ страхомъ. Къ несчастію Фермора должно отнести и то, что лучший генералъ его арміи, Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, былъ отряженъ имъ къ г. Швету съ 4000 кавалеріи. Л.

(1) Въ день Цорндорфской битвы, ни одно изъ Королевскихъ предпріятій не удалось; все его распоряженія были подчинены случаю; все сраженіе представляло ничто иное, какъ сдѣланіе стычекъ; отважность, неустрашимость Зейдлица, совершавшаго чудеса, все возстановили.

отошли за Цорндорфъ и Древицкую рошу; значительное число всѣхъ трехъ оружій, подъ начальствомъ генерала Демикова, собралось въ должномъ порядкѣ на высотахъ между Галген-и-Цабергgrundомъ; Король приказалъ атаковать сіи войска съ фронта и съ праваго ихъ фланга, но безуспѣшно; ибо пѣхота его была истощена и до того перепугана, что нѣсколько баталіоновъ, достигнутые Русскими ядрами, снова обратились въ бѣгство, другіе занялись обира-ніемъ мертвыхъ; кавалерія не могла дѣйствовать по причинѣ болотистой мѣстности. Не прежде, какъ въ ночи, генераль Демиковъ оставилъ свою позицію. На другой день сила Русскихъ была еще слишкомъ грозна, чтобъ можно было отважиться на возобновленіе боя, который ограничился канонадою и неудачно произведенною кавалерійскою атакою; послѣ чего Русская армія, 27 Августа, начала свое отступательное движеніе къ Ландсбергу. Такимъ образомъ остались окончательно на сторонѣ Прусаковъ выгоды сего достопамятнаго сраженія, которое въ разныхъ оборотахъ угрожало имъ гибелью, и которое искупилось величайшими жертвованіями. Они потеряли убитыми и ранеными около 12,000 человекъ ⁽¹⁾, въ числѣ

(1) Почти треть наличныхъ войскъ.

конхъ 324 офицера. Потеря со стороны Русскихъ, хотя и превышала это число, но она была менѣе чувствительна при превосходствѣ ихъ силъ. Она состояла изъ 21,000 человекъ, между коими 941 офицеръ. Пленныхъ было весьма мало, и сіе малое число изъ тяжело раненныхъ; ибо ожесточеніе и озлобленіе съ обѣихъ сторонъ было до того, что не давали и не принимали пощады. Прусакн потеряли 26 орудій, но овладѣли 103-мя (1), 27-ю знаменами и штандартами; потерю претерпѣла пѣхота; трофеи взяты кавалеріею, которая вторично явилась во всей полнотѣ возможной силы и славы; исторія повѣйшихъ временъ послѣ Росбаха и Цорндорфа не представляетъ ни одного примѣра, могущаго выдержать сравненіе съ сими подвигами. Здѣсь, при Цорндорфѣ, кавалерія обрѣла вънецъ всѣхъ воинскихъ доблестей: неустрашимости, постоянства въ пренебреженіи опасностей, порыва къ совершенію подвиговъ; она сразилась со всѣми родами оружія и надъ всѣми одержала верхъ. Ни одинъ эскадронъ не поколебался, не замедлилъ; всѣ натиски были удачны, всѣ полезны, ибо всѣ были необходимы; каждый совершенъ во время, и оттого былъ рѣшителемъ.

(1) По Русскимъ донесеніямъ потеря орудій не превышала 18.

Во всемъ блескъ победы сіялъ герой Зейдлицъ, коего имя иначе не произносилось, какъ съ восторгомъ. По окончаніи сраженія Король обнялъ его, благодарилъ въ милостивѣйшихъ, трогательнѣйшихъ выраженіяхъ и сказалъ съ тою неизъяснимою любезностію, которую умѣлъ придавать своимъ словамъ, исполненнымъ важности и искренности: «и этою побѣдою я вамъ обязанъ», на что глубоко тронутый Зейдлицъ, какъ будто соревнуя Королю въ признаніи достоинства другихъ; воскликнулъ: «не мнѣ, все-
«милостивѣйшій Король! но храброму воинству,
«которымъ я предводительствовалъ. Кавалерія
«Вашего Величества одержала побѣду, и удо-
«стоилась значительнѣйшихъ наградъ; предъ
«всеми же ротмистръ Вакеницъ, сражавшійся по-
«добно льву и совершившій величайшіе под-
«виги.» Надо знать, что ротмистръ Вакеницъ, бу-
дучи старшимъ изъ эскадронныхъ командировъ полка гард-дю-коръ, командовалъ въ этотъ день полкомъ, который при преодолѣніи Русской пѣхоты, оказалъ примѣрную неустрашимость, порывъ и силу. Король произвелъ его на полъ сраженія въ подполковники, ротмистровъ Поздовскаго и Шецеля того же полка, въ маіоры. Большое число другихъ офицеровъ, представленныхъ Зейдлицомъ къ наградамъ, были про-

изведены въ чины; иныя получили крестъ: за достоинство, иъкоторые изъ болѣе отличившихся оба награжденія вмѣстѣ. Проѣзжая по полю сраженія, Король, окруженный своими генералами, встрѣтилъ Великобританскаго посланника Сера Андрию-Мичеля, сопровождавшаго его въ походахъ, и поздравившаго его слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Небо даровало намъ прекраснѣйшій день.» Король еще полный приятныхъ впечатлѣній отвѣчалъ, указывая на Зейдлица: «вотъ безъ кого дѣла наши были бы весьма плохи.» Говорятъ, что Зейдлицъ, не довольствуясь производствомъ ротмистра Вакеница, котораго Король сначала наградилъ маіорскимъ чиномъ, представилъ о томъ Королю, послѣ чего онъ былъ произведенъ въ подполковники; когда же Зейдлицъ и тѣмъ не довольствуясь, еще продолжалъ просить за него, то Король съ нетерпѣніемъ воскликнулъ: «не въ генералы же его прямо произвестъ.»

Различіе между саномъ Державнаго и званіемъ генерала достаточно объясняетъ разность ихъ сужденій, и въ семъ случаѣ нельзя обвинить ни одну сторону въ излишнемъ требованіи, ни другую въ неумѣстной и несправедливой скудности; здѣсь не видимъ еще предлога къ тому

неудовольствію, которое возникло въ послѣдствіи въ отношеніи тогоже Вакеница. Кстати упомянуть и о другомъ обстоятельстве касательно Цорндорфскаго сраженія: Фридрихъ Великій въ своей исторіи Семилѣтней войны говоритъ, что онъ далъ повелѣніе къ атакѣ, которую Зейдлицъ произвелъ столь удачно; но всѣ другія извѣстія согласуются въ томъ, что Зейдлицъ дѣйствовалъ по собственному своему вдохновенію и усмотрѣнію. Легко согласить одно съ другимъ: мы уже упомянули, что Король при самомъ началѣ послалъ Зейдлицу приказаніе начать дѣйствовать; въ этомъ повелѣніи заключались общіе очерки для направленія и для дѣйствія конницы; изъ этого можно вывести, что дѣйствіе генерала Зейдлица было ему указано; но съ другой стороны признано и то, что Зейдлицъ не слѣдовалъ буквально сему приказанію, но избралъ мѣстность и моментъ для дѣйствій по своему усмотрѣнію, и въ этомъ заключается его великая слава; впрочемъ Король, упоминая о данномъ повелѣніи, не отрицаетъ достоинства исполненія. Вообще Король весьма кратко описалъ Цорндорфскую битву; полагаютъ, что онъ умолчалъ о подробностяхъ оной болѣе потому, что для него было бы неизбѣжно и столько же приискорбно осудить со

всю строгостію недостойное поведеніе одной части своей пѣхоты.

Сраженіе при Гохкирхенъ,

14 Октября 1758 года.

Между тѣмъ какъ Рускіе вслѣдствіе потеряннаго сраженія продолжали отступать, Король принужденъ былъ обратиться въ Саксонію, куда вторгнулась главная Австрійская армія фельдмаршала Дауна, которому не въ силахъ былъ противустать корпусъ Принца Генриха. Король поспѣшилъ въ нижнюю Лузацію; тамъ присоединилъ къ себѣ изъ Силезіи фельдмаршала Кейта и Маркграфа Карла; переговорилъ въ Дрезденѣ съ Принцемъ Генрихомъ, и соединивъ свои силы, двинулся на неприятеля, въ надеждѣ смѣлымъ и неотступнымъ натискомъ принудить его къ отступленію въ Богемію, тѣмъ болѣе, что фельдмаршалъ Даунъ при всемъ превосходствѣ своихъ силъ уклонялся отъ сраженія. Однако же графъ Даунъ, чтобъ остановить напоръ Прусаковъ, занялъ крѣпкую позицію при Китлицѣ между Бауценомъ и Лебау; Король, шедшій плотно вслѣдъ за нимъ, остановился 10-го Октября близъ Бауцена и раз-

билъ свой лагерь при Гохкирхенъ, почти подъ пушечными выстрѣлами непріятели. Обманываемый лазутчиками, онъ считалъ за вѣрно, что Даунъ станетъ продолжать отступленіе и не хотѣлъ слышать представленій фельдмаршала Кейта и другихъ генераловъ о чрезвычайной опасности занимаемой ими позиціи. Онъ назначилъ походъ на 14-е Октября, но до того времени не полагалъ быть атакованнымъ. Зейдлицу и Цитену, бывшимъ другаго мнѣнія и 13-го числа убѣдительно умолявшимъ его отступить, онъ строгими словами приказалъ молчать, и вмѣсто того, чтобъ войска въ слѣдующую ночь стали въ ружье согласно желанію сихъ генераловъ, повелѣлъ, чтобъ они отдыхали, и чтобъ даже конница разсѣдала лошадей. Последнее приказаніе Цитенъ исполнилъ только по наружности, равно и Зейдлицъ держалъ своихъ людей въ готовности. Фельдмаршалъ Даунъ, обыкновенно избѣгавшій столь близкаго сосѣдства, остался этотъ разъ въ своей позиціи и, воспользовавшись неслыханною безпечностію своего противника, напалъ на него со всѣми силами въ ночь на 14-е Октября. Прусакі сражались, имѣя всѣ невыгоды на своей сторонѣ. Только умѣнье и готовность ихъ быстро построиться въ боевой порядокъ, геройское само-

отверженіе и безпредѣльная преданность къ Королю, могли отвратить ужаснѣйшее изъ всѣхъ поражений. Темнота ночи, усугубивъ первое смятеніе, умножила ихъ уронъ людей и потерю орудій. Фельдмаршалъ Кейтъ былъ смертельно раненъ; Принцъ Францъ Брауншвейгскій убитъ ядромъ; Принцъ Маврикій Дессаускій раненъ тяжело; храбрѣйшіе баталіоны исчезли, не уступая ни на шагъ мѣста. Маіоръ Ланге и поручикъ фонъ-деръ-Марвицъ защищали Гохкирхенское кладбище съ непреодолимымъ упорствомъ. Король, не теряя надежды взять верхъ, неоднократно вводилъ въ бой одни и тѣже полки, уже претерпѣвшіе жестокой уронъ. Но побѣда была невозвратно на сторонѣ непріятели, и ее нельзя было оспаривать долѣе. Кавалерія не имѣла возможности принять рѣшительнаго участія въ семъ убійственномъ дѣлѣ; неменѣе того Прусская кавалерія встрѣчала нѣсколько разъ непріятельскую и опрокидывала оную, нападаая также и на пѣхоту; но случая не было совершить важный ударъ; къ тому же успѣхи непріятели были слишкомъ неожиданы, быстры и поразительны. — Когда Королю донесли, что послѣдніе баталіоны свѣжпхъ войскъ уже готовы, чтобъ испытать счастья, то онъ, безмолвствуя, взглянулъ на Маркграфа Карла и

на Зейдлица, стоявшихъ подлѣ него, желая узнать ихъ мнѣніе; но оба хранили молчаніе; посему онъ отбѣнилъ атаку, которую они полагали совершенно бесполезною. Вслѣдъ за тѣмъ воспослѣдовало приказаніе отступить; армія отошла обратно въ порядкѣ до первыхъ Креквицкихъ высотъ; конница подѣ начальствомъ Зейдлица, прикрывая отступление построилась на равнинѣ близъ Белгерца, въ двѣ линіи съ большими промежутками между эскадронами; прошедъ Клейнъ-Бауценъ и Креквицъ, она стала во вторую линію. Зейдлицъ, предводительствовавшій всею кавалеріею, внушалъ неприятелю такое къ себѣ уваженіе, что Австрійцы не отважились атаковать; тѣмъ прекратился бой. Немнѣе того, Прусакі лишлись 100 орудій, 28 знаменъ, 2-хъ штандартовъ и большей части своихъ палатокъ; четвертая часть войска выбыла изъ строя; Австрійцы, претерпѣвъ гораздо менѣе урону, стали послѣ побѣды двумя третями многочисленнѣе Прусаковъ.

Превосходныя распоряженія Короля при отступленіи съ поля сраженія, и смѣлая рѣшимость остановиться столь близко отъ побѣдителя, невзирая на претерпѣнный уронъ, прекратили дальнѣйшія неудачи, которыя безъ того

могли бы воспользоваться отъ пораженія при Гохкирхенѣ. Король даже первый началъ дѣйствовать произвольно, несмотря на близость непріятели, и вскорѣ подчинилъ его дѣйствія своимъ распоряженіямъ; поручивъ Принцу Генриху наблюдать Дауна, онъ обманулъ его на счетъ своего предпріятія и поспѣшилъ 24-го Октября чрезъ Герлицъ въ Силезію, для освобожденія крѣпости Нейсс, осаждаемой Австрійцами. Но приходъ Короля дѣла тотчасъ приняли счастливый оборотъ для Прусаковъ. 7-го Ноября Король отошелъ обратно въ Саксонію, съ тѣмъ, чтобъ остановить предпріятія Дауна; но уже 17-го узналъ онъ въ Лузаціи, что Фельдмаршалъ Даунъ отступилъ въ Богемію. После кратковременнаго пребыванія въ Дрезденѣ, Король обратился снова въ Силезію, чтобъ зимовать въ Бреславъ. Во время сихъ переходовъ, коихъ быстрота и удача изумляли современниковъ, Зейдлицъ находился постоянно при Королѣ; онъ оставался при немъ также и въ продолженіе зимнихъ квартиръ, дѣйствуя съ величайшимъ раченіемъ на улучшеніе подчиненной ему кавалеріи.

ГЛАВА IV.

Для предстоящаго похода 1759 года, Король могъ выставить токмо слабыя средства, если сравнить ихъ съ великими усиліями и замыслами другихъ воюющихъ державъ; но тѣмъ больше должны были ознаменоваться прозорливость его и умѣнье употребить эти ограниченныя средства. Превосходство его конницы внушило ему мысль, соединить артиллерійскую службу съ конною и въ Маѣ 1759 года, при Ландсгутѣ, увидѣли первый опытъ конной артиллеріи ⁽¹⁾, учрежденіе, которое потомъ во веѣхъ

(1) Уже въ 1736 и 1739 годахъ, въ походахъ Миниха противу Турокъ, находимъ въ Русскихъ арміяхъ частныя

войскахъ было подражаемо и усовершенствовано. Чтобы сдѣлать отпоръ неприятелю на разныхъ точкахъ, Король принужденъ былъ раздроблять свои силы и при открытіи похода могъ съ главною арміею въ Силезіи дѣйствовать только оборонительно. Ближайшимъ предметомъ дѣйствій было разореніе неприятельскихъ магазиновъ. Принцу Генриху поручено было, оставя Саксонію, произвести это въ Богеміи и Франконіи. Генераль Фуке отряженъ былъ 16-го Апрѣля въ Моравію для подобной цѣли. Зейдлицъ, расположенный вокругъ Франкенштейна для содержанія сообщенія между Королемъ и генераломъ Фуке, двинулся съ 3 баталіонами и 22 эскадронами къ Тропшау, гдѣ взялъ въ плѣнъ нѣсколько сотъ челоуѣкъ. Но какъ Австрійцы успѣли перевести свои магазины въ Ольмоуцъ, и соединили по ту сторону Тропшау

примѣры временнаго употребленія конныхъ батарей; но эта важная мысль осталась безъ дальнѣйшаго развитія и не получила опредѣленнаго упрещенія. Первый же опытъ конной артиллеріи принадлежитъ безспорно Генриху IV-му: въ 1589 году онъ открылъ кавалерійской бой при г. Діепъ дѣйствіемъ пѣр двухъ кулевринъ, которыхъ вся прислуга была на лошадяхъ. Въ продолженіи дѣла эти орудія ни на шагъ не отставали отъ усютомныхъ эскадроновъ, которые Король металъ по всѣмъ направленіямъ съ своею собственною ему быстротою. См. Davila, L. X. p. 610. D' Aubigné, L. III. c. 2. p. 222. А.

значительное войско, то Фуке возвратился 21 числа, безъ дальнѣйшихъ поисковъ, въ прежній свой лагерь при Лебшицъ, а Зейдлицъ, взявъ направленіе чрезъ Нейссе съ 4 полками кирасиръ, присоединился къ арміи. Разныя движенія, исполненіе коихъ требовало величайшей осмотрительности и благоразумія, дабы, уничтожая намѣренія непріятели отвращать угрожавшія опасности, хотя и не оставались безплодными, но не были ознаменованы важными происшествіями. Такимъ образомъ Зейдлицъ, по полученіи извѣстія, что непріятельскій корпусъ намѣренъ двинуться чрезъ Лузацію къ Котбусу и Берлину, для соединенія по той сторонѣ Одера съ Россійскимъ войскомъ, быстро перешелъ въ Саганъ, гдѣ совместно съ генералами Путкаммеромъ и Воберсновъ, защищалъ тотъ край пока Принцъ Геярихъ не возвратился изъ Франконіи; по его приходѣ, онъ присоединился съ своимъ отрядомъ къ Королю. Зейдлицъ, наблюдая каждое движеніе непріятели и немедленно доносилъ о всемъ Королю, первый извѣстилъ изъ Гиршберга о выступленіи Дауна изъ прежняго своего стана при Шурцъ въ Гитчипъ, равно и о томъ, что Лаудонъ наступаетъ съ сильнымъ корпусомъ на Лузацію. Изъ этого должно было заключить, что Австрій-

цы имѣли намѣреніе приблизиться къ Рускимъ; Король успѣшилъ преградить имъ дорогу. Зейдицъ, командуя всеѣмъ авангардомъ, переправился 3 Юля чрезъ рѣку Боберъ, и остановился близъ Гусдорфа, неподалеку Лены, гдѣ 4-го числа показала конница Лаудона; невзирая на превосходство ея въ числѣ, она сильно была отражена, оставя около 100 человекъ пленныхъ; при семъ случаѣ самъ Лаудонъ едва не былъ захваченъ. Хотя дѣло и не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, но оно принесло много чести Прусской конницѣ; Зейдицъ въ особенности выхвалялъ отличіе офицеровъ, именно поручика Кордегагена, гусарскаго Цитена полка, отличившагося уже и въ прошедшемъ походѣ въ виду самаго Короля. Даунъ занялъ между тѣмъ 6-го Юля крѣпкую позицію на высотахъ при Маркиссѣ; Король въ то же время вступилъ въ укрѣпленный лагерь при Шмотрейфенъ, между Левенбергѣмъ и Ланемъ, гдѣ и Зейдицъ расположился съ своимъ войскомъ.

Какъ Россійская армія подъ начальствомъ ⁽¹⁾ фельдмаршала Графа Салтыкова вторгнулась

(1) Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ прибылъ къ арміи въ чинѣ полнаго генерала и пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы за Кунерсдорфскую побѣду. .I.

въ Силезію со стороны Познани, чему генераль Графъ Дона не могъ воспрепятствовать, то Король отправилъ генерала Веделя съ подкрѣпленіями, приказавъ ему принять главное начальство надъ всѣмъ корпусомъ; безусловная власть, данная ему на сей случай Королемъ, была поводомъ, что его называли диктаторомъ. Но на другой день послѣ своего прибытія, претерпѣвъ онъ, 23 Іюля, пораженіе при Пай, близъ Циллехау, и Русская армія двинулась къ Одеру. Даунъ отрядилъ между тѣмъ два сильныхъ корпуса подъ начальствомъ Гаддика и Лаудона, чтобы вступить въ сообщеніе съ фельдмаршаломъ Графомъ Салтыковымъ; Лаудону предписано было съ 12,000 присоединиться къ Россійской арміи, а Гаддику прикрыть сіе движеніе. Оба корпуса, Гаддика и Лаудона, сошлись 1-го Августа при Губенъ; Лаудонъ двинулся далѣе и 3 числа прибылъ къ фельдмаршалу Графу Салтыкову, который, взявъ между тѣмъ Франкфуртъ, занялъ укрѣпленный лагерь на правомъ берегу Одера. Гаддикъ, при приближеніи Короля, отступилъ къ рѣкѣ Шпре. Король, извѣщенный о сихъ движеніяхъ и неудачахъ, призвалъ Принца Генриха съ лучшими его войсками, поручилъ ему лагерь при Шмотрейфенъ и наблюденіе фельдмаршала Дауна, а

самъ съ отборнѣйшимъ войскомъ, къ которому и другіе еще отдѣлы должны были присоединиться на походе, двинулся 29 Іюля къ Франкфурту. При Губенѣ авангардъ, встрѣтивъ часть коницы корпуса Гаддика, немедленно атаковалъ ее, опрокинулъ и гналъ до Зоммерфельда. Одинъ Австрійскій баталіонъ при 4 орудіяхъ, прикрывая транспортъ изъ 500 повозокъ, принужденъ былъ сдаться эскадронѣ драгунъ, коимъ Зейдлицъ лично предводительствовалъ. Король, присоединивъ къ себѣ 6-го Августа при Мюльрозѣ, разбитыя войска Веделя, дождался до 9 числа въ лагерь при Боосенѣ прибытія корпуса, шедшаго подъ начальствомъ генерала Финка изъ Саксоніи. Соединивъ около 48,000 человекъ, онъ полагалъ возможнымъ разбить Рускихъ и Австрійцевъ подъ начальствомъ фельдмаршала Салтыкова и Лаудона, которые, занявъ крѣпкое положеніе при д. Кунерсдорфѣ, близъ Франкфурта, окружили свой лагерь окопами. Въ этомъ положеніи дѣль Король почелъ для себя неизбѣжнымъ вступить въ сраженіе и притомъ безъ малѣйшаго отлагательства, потому что полагалъ фельдмаршала Дауна въ наступленіи со стороны Котбуса.

СРАЖЕНІЕ ПРИ КУНЕРСДОРФЪ,

12 Августа 1759 года.

Оставя близь Франкфурта 3 баталіона подъ начальствомъ полковника Вуиша, Король перевелъ свою армію ночью съ 10 на 11 Августа съ лѣваго берега Одера на правый; пѣхота перешла по двумъ мостамъ ⁽¹⁾, брошеннымъ при Рейтвенѣ, ниже Лебуса, конница въ бродъ при с. Этшеръ. При семъ случаѣ Зейдлицъ едва не погибъ; опасность произошла именно отъ того средства, которое онъ избралъ для избѣжанія оной: онъ обыкновенно во время переходовъ ѣздилъ на Польскихъ лошадяхъ умѣреннаго роста; но потому что вода казалась для нихъ слишкомъ глубокою, сѣлъ въ этотъ день на высокую лошадь Голштинской породы, которая хотя и не углублялась въ воду, но въ рѣкѣ споткнулась о камни такъ, что всадникъ едва не утонулъ. Для охраненія мостовъ оставлены были при Герицѣ 7 баталіоновъ и 5 эскадроновъ; съ остальнымъ войскомъ Король двинулся по рѣкѣ противу Рускихъ.

(1) Одинъ понтоный, другой на большихъ баркахъ.

Русская армія расположена была на крутыхъ и прорѣзанныхъ высотахъ вдоль плотины, лежащей на большой дорогѣ между Франкфуртомъ и Кроссеномъ, фронтомъ къ Сѣверу; лѣвый ея флангъ прислонился близъ рѣки къ Юденбергу; правый утверждень былъ на Мюльбергѣ въ направленіи къ Третину и Бишофзе; Мюльбергъ былъ достаточно охраненъ впереди лежащимъ оврагомъ, такъ называемымъ Бекергрундомъ, и далѣе вправо болотистыми низменностями, прорѣзанными малыми озерами; еще правѣ болотистымъ ручьемъ Гюпералисомъ, который вытекаетъ изъ озера и теряется въ рукавахъ рѣки Одера. Позади фронта къ Югу, высоты склоняются отлого; но мѣстность повсюду случайная, а горизонтъ ограничивается ближнимъ лѣсомъ между Франкфуртомъ и Нейендорфомъ. Начиная отъ этого лѣса простирается лощина до самого Элзенбруха; ближе къ лѣсу по ней разбросаны болотистые пруды; далѣе къ серединѣ она заключаетъ с. Кунерсдорфъ; вправо отъ сего, другая лощина прорѣзываетъ высоты въ видѣ глубокаго оврага, еще глубже и шире перваго, подъ названіемъ Голгрунда, или узкаго оврага, послѣ сраженія названнаго Лаудонскимъ оврагомъ, отдѣляющаго Юденбергъ отъ центральнаго положенія. На сихъ-то просѣченныхъ

и недоступныхъ высотахъ крѣпко окопались Русскія войска въ числѣ 70,000, съ многочисленною артиллерією. Лаудонъ съ Австрійцами занималъ вѣдь окоповъ впереди лѣваго фланга отлогую низменную поляну, супротивъ г. Франкфурта; его отдѣляло отъ Русскихъ продолженіе Элзенбруха, но свободное сообщеніе сохранялось посредствомъ нарочито устроенной для того плотины; Графъ Салтыковъ первоначально полагалъ, что Пруссаки обратятъ усилія на г. Франкфуртъ, но узнавъ о переходѣ ихъ при Рейтвенѣ, перемѣнилъ положеніе, поверотясь фронтомъ къ с. Кунерсдорфу, тыломъ къ Франкфурту, такъ что его правый флангъ сталъ лѣвымъ, а лѣвый правымъ; при сей перемѣнѣ сила позиціи не разстроилась; ибо укрѣпленія имѣли дѣйствіа въ обѣ стороны; напротивъ того затыльная часть, теперешній фронтъ, была еще надежнѣе по причинѣ самой мѣстности. Все это сходствовало съ обстоятельствами Цорндорфской битвы; но особыя условія этихъ обстоятельствъ произвели здѣсь существенную разность, такъ что и послѣдствія были совершенно противныя.

11-го Августа Прусская армія, дошедъ ввечеру до Лейсова и отдохнувъ нѣсколько часовъ подъ открытымъ небомъ, въ два часа по

полуночи двинулась дальѣ. Король, въѣхавъ на Третинскія высоты, осмотрѣлъ отсюда положеніе непріятели и рѣшилъ атаковать его лѣвое крыло. Для этого арміи надлежало перейти чрезъ лежащія впереди овраги, что не иначе можно было исполнить, какъ взявъ продолженіе вѣтви чрезъ ручей Гюнерфлисъ, межъ озеръ, проникнуть въ Нейендорфскую рощу, дабы уже съ той стороны начать наступъ; между тѣмъ генералу Финку поручено было съ 8 баталіонами и 35 эскадронами, при значительномъ числѣ орудій, стать на Третинскихъ высотахъ вправо отъ арміи, и посредствомъ приготовительныхъ движеній и своевременнымъ открытіемъ сильной канонады, отвлечь на себя вниманіе непріятели. Королю недовольно извѣстно было избранное имъ поле сраженія; съ точки, откуда онъ обзрѣвалъ непріятели, онъ не могъ ясно видѣть глубину овраговъ, прорѣзывавшихъ положеніе Русской арміи; еще менѣе Куперсдорфскіе пруды къ сторожъ Франкфуртскаго лѣса; къ тому же донесенія, сдѣланныя ему на счетъ дорогъ въ лѣсу, ихъ длины и неудобствъ, были неподробны и неполны. Коль скоро пѣхота построилась въ лѣсу въ двѣ линіи и конница прошла на оконечность лѣваго фланга, вся армія выступила на открытое поле. День былъ

весьма жаркій; войска мало отдыхали; переходъ былъ далекій и оттого затруднительный; они утомились въ глубокомъ песку по лѣснымъ дорогамъ; водка, розданная чтобъ подкрѣпить ихъ, не подкрѣпила ихъ силъ; не прежде какъ въ полдень началось сраженіе. Двѣ батареи (¹), уставленныя на сосѣднихъ высотахъ къ лѣвому флангу Рускихъ, открыли жестокой перекрестный огонь противу устроеннаго тамъ штерншанца. Этотъ огонь былъ усиленъ дѣйствіемъ съ батареи генерала Финка; выстрѣлы были отчасти продольные и наносили большія потери по протяженію Русской линіи. Рускіе отвѣчали изъ ста орудій, свезенныхъ въ батареи на лѣвой флангъ; пальба не продолжалась получаса, какъ Прусскіе гренадеры пошли на приступъ. Генераль Шенкендорфъ съ 4-мя баталіонами, первой овладѣлъ укрѣпленіемъ; его подкрѣплялъ во второй линіи генераль Линдштетъ съ 4 же баталіонами гренадеръ. Вся остальная пѣхота, построенная въ двѣ линіи, шла дружно вслѣдъ за нимъ. Русская пѣхота, взятая здѣсь во флангъ и не имѣя удобности въ стѣсненномъ пространствѣ произвести сильнаго соотвѣтственнаго отпора, была опрокинута и

(¹) О 60 орудіяхъ.

безпощадно перебита; Прусакъ овладѣли 70 орудіями и сраженіе приняло самый выгодной оборотъ, тѣмъ болѣе; что и пѣхота генерала Фника, перешедъ чрезъ Гюнерфлисъ вторгнулась въ окопы. Между тѣмъ лѣвое крыло Прусаковъ, занявъ послѣ жаркаго боя церковную ограду въ с. Кунерсдорфъ, принуждено было внезапно остановиться, подошедъ неожиданно къ прудамъ, лежащимъ межъ селеніемъ и лѣсомъ. Король приказалъ батареямъ сблизиться, чтобъ поддержать порывъ перваго натиска, охватить неприятеля и совершенно его стиснуть. Но артиллерія съ трудомъ слѣдовала по песчанымъ холмамъ, и люди и лошади, утомленные отъ солнечнаго зноя, выбились изъ силъ. Прусскіе баталіоны, неподкрѣпленные достаточнымъ числомъ орудій и безъ содѣйствія конницы, должны были остановиться, чтобъ снова построиться въ порядокъ къ дальнѣйшему наступленію. Этимъ замедленіемъ воспользовались Рускіе, чтобъ подкрѣпить свѣжими войсками свой лѣвый флангъ и перевести туда многочисленныя батареи отъ праваго фланга; пѣхота ихъ построилась въ три линіи ⁽¹⁾; всѣ удобныя точки и высоты отъ Юденберга до Кунерсдорфа были

(1) Темпельгофъ говоритъ въ шты.

усыяны орудіями; въ тоже время Лаудонъ двинулъ нѣсколько полковъ на поле сраженія, но и Прусскія батареи успѣли подѣхать; тогда загремѣла жесточайшая пальба; пѣхота тотчасъ бросилась впередъ. Король лично повелъ первую линію; бой возгорѣлъ съ новымъ жаромъ; но здѣсь Рускіе стояли непоколебимо, разсылая смерть въ рядахъ Прусаковъ. Король находился подъ густымъ дождемъ пуль и Зейдлицу, подѣхавшему просить его, чтобъ бесполезно не предавался опасности, отвѣчалъ въ сердцахъ: «это просто комари; жужжать, но не кусаютъ.»

Бой продолжался нѣкоторое время при равномъ напряженіи усилій съ обѣихъ сторонъ. Не видя перелома и кипя нетерпѣніемъ, Король далъ приказаніе, чтобъ вся конница, собранная на лѣвомъ флангѣ, двинулась впередъ для атаки неприятельской позиціи. Зейдлицъ и Принцъ Виртембергскій, обошедъ Кунерсдорфскіе пруды съ лѣвой стороны, съ нѣкоторымъ же числомъ эскадроновъ прошедъ межъ прудами, выстроились по той сторонѣ; но здѣсь ни мѣстность, ни случай не благоприятствовали успешному употребленію сего оружія. Король ждетъ тщетно; конница не двигается съ мѣста; онъ посы-

лаеть къ Зейдлицу съ приказаніемъ ити въ атаку, и видя, что сей медлитъ, вторично къ нему посылаетъ. Но Зейдлицъ, возражая что ни время ни мѣстность къ тому неудобны, отказывается отъ атаки; Король въ третій разъ въ выраженіяхъ гнѣва велитъ ему объявить ⁽¹⁾, чтобъ безусловно атаковалъ. Тогда не отговариваясь болѣе, Зейдлицъ впереди кирасирскаго полка помчался къ окопамъ; но здѣсь порывъ Прусскихъ всадниковъ нашелъ предѣль; они облиты картечью, часть ихъ низвержена въ волчьи ямы; Зейдлицъ раненный картечью въ правую кисть руки, падаетъ съ лошади и снесенъ съ поля сраженія. Король посылаетъ къ нему Флигель-адъютанта освѣдомиться съ участіемъ о его здоровьи; Зейдлицъ, относя неудачную атаку къ упорству Короля и припоминая выраженія его, поручаетъ доложить ему «что его укусилъ только комарь.»

Послѣ того конница возобновляла нѣсколько разъ атаки; но одиночныя полки (мѣсто препятствовало развертыванію пространнѣйшаго фронта) не имѣли лучшаго успѣха. Даже Король упрекнулъ Принца Виртембергскаго, ко-

(1) Въ оригиналѣ сказано in T.-Nahmen.

торый былъ весьма близорукъ, въ томъ, что онъ избралъ предметомъ своихъ атакъ крѣпчайшую точку Русской позиціи, сильно окончанное Жидовское кладбище; говорятъ, что при отступленіи Принцъ сказалъ раненому Зейдлицу: «еслибы я овладѣлъ этою высотой, сраженіе было бы окончательно выиграно;» на что Зейдлицъ отвѣчалъ: «вѣрю, но кто слышалъ чтобъ конница одна брала крѣпостныя укрѣпленія!» Храбрые всадники отступили изъ подъ смертоноснаго огня, претерпѣвъ значительную потерю; когдаже Русская и Австрійская конница совмѣстно бросились имъ во флангъ (¹), то они совершенно обратились въ бѣгство и не прежде могли построиться, какъ обскакавъ пруды и ставъ позади второй линіи пѣхоты, которая тотчасъ получила приказаніе къ наступленію. Пропедевъ межъ прудовъ по ту сторону Кунерсдорфа, она построилась и скорымъ шагомъ двинулась на ближайшую Русскую батарею. Король ободрялъ эти войска своимъ присутствіемъ и личнымъ управленіемъ; снова вспыхнула битва съ умноженною силою и озлобленіемъ; о подробныхъ обстоятельствахъ и разныхъ оборотахъ сраженія на этой точкѣ, извѣстія между

(¹) Въ лѣвый.

собою несогласны; даже трудно извлечь ясную картину изъ противурѣчащихъ описаній очевидцевъ, достойныхъ впрочемъ полного довѣрія; иные утверждаютъ, что Прусакн перешли за Кугрундъ до Голгрунда, или Лаудонскаго оврага, и что главная батарея Рускихъ на Шпицбергъ была уже оставлена; что Король рѣшившись въ этотъ день стереть неприятеля съ поля, намѣренъ былъ устремить послѣднее усиліе на овладеніе Юденбергомъ, для окончательнаго довершенія побѣды. Предъ этимъ генераль Фишъ убѣждалъ Короля довольствоваться одержанною поверхностію надъ лѣвымъ неприятельскимъ крыломъ, представляя ему, что успѣховъ достаточно на этотъ день, что ввести утомленную войска въ новый, отчаянный бой было бы опасно, и что Рускіе безъ сомнѣнія оставить свое положеніе въ ночи. Зейдлицъ раздѣлялъ это мнѣніе; подобно ему и большая часть генераловъ. Но Король хотѣлъ однимъ ударомъ истребить неприятельскую армію, тѣмъ болѣе, что уже и отступъ ей былъ отрѣзанъ; ибо полковникъ Вуншъ, на лѣвомъ берегу, удачно исполнилъ данное ему порученіе, овладѣвъ Франкфуртомъ. Но это самое обстоятельство понудило и Рускихъ упорствовать въ бою: они не видѣли иного средства къ спасенію, какъ побѣдить; впрочемъ

перешли-ли Пруссаки дѣйствительно Кугрундъ и при атакѣ Юденберга доходили-ли они до Лаудонгрунда, — это остается перѣшленнымъ; Темпельгофъ отрицаетъ; описаніе Короля самого, хотя и утвердительно, но оно въ отношеніи къ мѣстности весьма неточно; генераль Гауди подтверждаетъ мнѣніе Королевское; Ретцовъ согласенъ съ Темпельгофомъ; но какъ бы то ни было, одинъ изъ этихъ глубокихъ овраговъ былъ преградою, на коей рушились успѣхи Прусскихъ войскъ, и позади которой усилилось сопротивленіе со стороны Русскихъ. Въ этотъ важный моментъ Лаудонъ далъ сраженію окончательный оборотъ, двинувъ свою свѣжую пѣхоту въ правый флангъ разстроеннымъ отъ продолжительнаго боя и утомленнымъ Прусскимъ баталіонамъ. Тщетно призывалъ Король свою конницу съ лѣваго фланга на правый, и приказалъ Принцу Виртембергскому, чрезъ Элзесбрухъ броситься стремглавъ противу лѣваго фланга Австрійцевъ: конница показала тылъ; Принцъ былъ раненъ. Король бросился къ своей пѣхотѣ, чтобъ снова повести ее впередъ: она не въ силахъ была устоять и бѣгство стало общимъ. Между тѣмъ свѣжія Русскія войска высыпались впередъ, взяли обратно потерянную свою артиллерію, овладѣли 172 Прусски-

ми орудіями, 26 знаменами, 2 штандартами и могли провозгласить совершенную побѣду. Пруссаки потеряли убитыми и ранеными половину своей пѣхоты, четвертую часть своей конницы, всего 18,000 человекъ; уронъ Русскихъ и Австрійцевъ простирался до 16,000. Никогда Прусскія войска не претерпѣвали подобнаго пораженія, съ потерѣю толикой крови и всѣхъ надеждъ. Въ первую минуту Король почиталъ дѣла свои совершенно потерянными; но побѣдитель остановился, утомленный отъ упорныхъ и сокрушительныхъ ударовъ битвы; неприятельскіе полководцы, будучи несогласны между собою и не довѣря другъ другу, не умѣли воспользоваться одержанною, непомѣрною поверхностію; тѣмъ *болѣе воспользовался Король медленностію ихъ, чтобъ возвыситься въ новомъ вооруженіи и съ новою силою.

Въ официальномъ Прусскомъ донесеніи о Кунерсдорфской битвѣ сказано, что Прусская конница не въ состояніи была ничего совершить съ той минуты, какъ Зейдлицъ былъ раненъ и она лишилась своего начальника; это выраженіе ясно доказываетъ, сколь высоко Король цѣнилъ Зейдлица и сколь много ожидалъ отъ появленія его на полѣ битвы; но вѣроятно

позабыли, что конница отнюдь не могла оказать большого содѣйствія, стѣсненная мѣстностію и производя нападешя только частями противу надежныхъ окоповъ, упорно защищаемыхъ многочисленнымъ войскомъ и артиллеріею; полагали съ довѣренностію, что герой Цорндорфской битвы пожнетъ новые лавры на поляхъ Кунерсдорфа (1);

(1) При осмотрѣ Кунерсдорфскаго поля рождается вопросъ, отъ чего Великій Король не остался при первомъ своемъ предположеніи и не поставилъ значительной массы конницы на удобной мѣстности, между правымъ крыломъ кор-де-баталя и отрядомъ Финка, тамъ гдѣ находилась часть конницы сего генерала? это была тактическая точка потому, что рѣшено было сдѣлать усиліе правымъ крыломъ противу лѣваго крыла Русскихъ. Темпельгофъ, въ своей исторіи Семилетней войны, ч. 3 стр. 217, говоритъ, что вся мѣстность, начиная съ Мюльберга до Кунерсдорфа удобна для дѣйствій конницы, и что въ первой диспозиціи Герцогу Виртембергскому назначено было съ 40 эскад. стать позади праваго фланга второй линіи пѣхоты; но вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало измѣненіе въ диспозиціи и повелѣніе Герцогу перейти на лѣвый флангъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Герцогъ, или предприимчивый Зейдлицъ располагалъ на этомъ мѣстѣ значительнымъ числомъ конницы, то восплѣдовало бы изъ двухъ одно: послѣ овладѣнія Прусскими гренадерами Мюльбергомъ, довершивъ пораженіе въ безпорядкѣ бѣжавшаго лѣваго крыла Русскихъ, или Зейдлицъ успѣлъ бы поколебать ихъ центръ, или же еслибы сіе неудалось, отвратилъ бы въ послѣдствіи окончательное пораженіе Прусскихъ войскъ, ударивъ съ свойственною ему быстротою *a tempo*, во флангъ пѣхоты Лаудона; въ худшемъ случаѣ онъ съ этой точки могъ выручить армію и прикрыть въ порядкѣ, какъ при Гохкирхенѣ, ея отступленіе. Съ этимъ сужденіемъ невольпо соединяется мысль, сколько побѣдъ

но Зейдлицъ не раздѣлялъ этой увѣренности, усмотрѣвъ при самомъ началѣ совершенно противоположное положеніе дѣлъ. Рана его была столь значительна, что онъ съ первой минуты не въ силахъ былъ оставаться при войскахъ; вскорѣ послѣ того былъ онъ пораженъ нервическимъ параличемъ, который стиснулъ ему ротъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней отнялъ способность говорить.

ускользнуло отъ неумѣтнаго употребленія конницы (*), [Маренго(**), Люценъ]; сколько претерпѣли пагубныхъ пораженій отъ преждевременнаго ея дѣйствія, расточающаго бесполезно ея силы, и лишающаго ее возможности оказать, въ часъ рѣшительнаго вторженія, должный порывъ и отважность. *Л.*

(*) Разумно раздробленіе Австрійской конницы по всему полю сраженія, недовершившей победы до прихода Дезе и до восплѣдовавшей несравненной атаки Келлермана, которая совершенно уподобляется второй атакѣ Зейдлица при Цорндорфѣ.

(*) Въ 2 часа по полудни, когда Прусская гвардія, 7 баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника Алвенслебена и маіора Блока на штыкахъ вынесла неприятеля изъ Гросъ-Гершена, не доставало кавалерійской громады, чтобъ оковчательно прорвать центръ неприятельскихъ линій и приковать победу къ знаменамъ союзниковъ. Но большинство кавалеріи подъ начальствомъ генерала Винценгероде находилось въ бездѣйствіи на лѣвомъ флангѣ близъ Вейсенфельса, куда къ сожалѣнію отряженъ былъ и Князь Д. В. Голицынъ съ 1 и 2 кирасирскими и легкой гвардейскою дивизіями. *Л.*

Его перевезли въ Берлинъ; раченіемъ искуснаго лекаря рана его въ скоромъ времени стала заживать, но здоровье вообще было весьма разстроено. Утомительные и многосложные труды остальнаго похода, продолжавшагося на сей разъ до поздней зимы, во время котораго Король чуднымъ образомъ умѣлъ поправить отчаянное положеніе дѣлъ своихъ, совершены безъ Зейдлица, котораго отсутствіе однакоже весьма было ощутительно. Король вспоминалъ о немъ съ благосклонностію; онъ поручилъ Маркизу Д'Аржансъ доставить ему, равно какъ и Принцу Фердинанду, брату своему, по экземпляру своихъ разсужденій о походахъ Карла XII, — знакъ милостиваго вниманія, который, какъ выражался Король, можетъ доставить обонимъ нѣкоторое удовольствіе. Равно освѣдомился Король въ милостивомъ письмѣ, писанномъ изъ зимнихъ квартиръ въ Фрейбергъ на имя Зейдлица, объ его здоровьи, которос уже начинало поправляться. Но прежде, чѣмъ вступилъ онъ снова на поприще войны, открылось для него поприще другаго рода, бывшее всегда для него опаснымъ, и на сей разъ заключавшее прискорбную для него будущность; легко возбуждаемый къ любви, онъ дотолъ весьма былъ непостояненъ въ своихъ склонностяхъ. Только одинъ разъ, не-

задолго до начатія Семилѣтней войны, онъ плѣнился до того прелестями молодой дѣвицы, жившей вблизи его штабъ-квартиры, что рѣшился сочетаться съ нею бракомъ. Несчастный случай разстроилъ его надежду. Нареченная его, сидя однажды подлѣ него за фортепіаномъ, на которомъ играла превосходно, встала, чтобъ пойти за другими нотами, но поскользнувшись, упала такъ несчастливо, что сломила себѣ ногу. Исцѣленіе шло медленно, и врачи объявили, что во всякомъ случаѣ она останется хромою; скромная и благоразумная дѣвица послѣ этого несчастія отказалась отъ брака. Вскорѣ наступила война, — и любовь была забыта. Теперь же, во всѣхъ наслажденіяхъ нѣги и покоя, среди очарованій вкуса и образованности придворнаго общества, Зейдлицъ испыталъ снова все владычество женской прелести, и предался ей во власть безъ сопротивленія. Графиня Сузанна Албертина Гаке, дочь генералъ-лейтенанта Графа Гаке, коменданта города Берлина, блистала тогда при дворѣ, предъ всѣми другими, красотою и любезностію. Лестное вниманіе къ страждущему герою легко его плѣнило, и онъ скоро рѣшился просить ея руки. Письмо его отъ 12 Марта 1760 года, писанное по сему предмету къ Королю, которому подобное намѣреніе

среди продолжавшейся трудной войны легко могло не понравиться, указывает съ великимъ примодушіемъ на ту точку зрѣнія, которая въ глазахъ Короля была всего важнѣе. Въ письмѣ сказано: «прошу всеподданнѣйше Ваше Королев-
«ское Величество, всемилостивѣйше мнѣ позво-
«лить сочетаться бракомъ съ меньшею Графинею
«Гаке, накануне моего отъѣзда въ армію. Не
«мало склоняетъ меня къ этому шагу и то ува-
«женіе, что если снова понесу рану, то не буду
«оставленъ на руки и на произволь наемныхъ
«слугъ. Еслибы возможно было, чтобъ ревность
«моя къ службѣ могла чѣмъ усилиться, она воз-
«расла бы отъ милостивѣйшаго повелѣнія на эту
«мою просьбу; но я могу только изложить преж-
«нюю вѣрность къ стопамъ Вашего Величества,
«съ которою и пребудетъ по смерть Вашего Ве-
«личества вѣрноподанный Зейдлицъ.» Король
при семъ особенномъ случаѣ изъяснилъ необыкно-
венное происхожденіе къ положенію и характеру
генерала; онъ написалъ своеручно на оборотѣ
письма: «Желаю ему счастья. — Ф — хъ.» Одна-
ко бракосочетаніе было отсрочено до 18-го Апрель-
ля; въ этотъ день прекрасная чета обвѣчалась.

Вскорѣ послѣ сего. Зейдлицъ, оставя юную
свою супругу, отправился въ Лейпцигъ къ Ко-

ролю, который 25 Апрѣля занялъ лагерь при Мейсенѣ, чтобъ оттуда дѣйствовать оборонительно противъ Дауна. Зейдлицъ не имѣлъ еще свободнаго употребленія своей руки, притомъ разслабленіе челюсти не дозволяло ему говорить громко. Невзирая на это, онъ изъявилъ готовность начать дѣятельную службу, увѣряя Короля, что въ день сраженія онъ въ состояніи исполнить свою обязанность. При видѣ приготовленій, предвѣщавшихъ, какъ казалось, близкое сраженіе, онъ повторилъ свое желаніе и просилъ Короля о назначеніи ему мѣста. Король отвѣчалъ, что нимало не намѣренъ дать сраженія, но коль скоро будетъ надобность въ Зейдлицѣ, то извѣстятъ его; до того жѣ времени оставался бы онъ покоенъ. Но на другой день Зейдлицъ, бывъ лично свидѣтелемъ какъ Король отдавалъ генераламъ приказанія на случай нападенія, и не получая для себя назначенія, душевно былъ огорченъ, тѣмъ болѣе что Король вовсе не замѣчалъ его. Но сраженія не воспослѣдовало; Король не хотѣлъ безъ нужды затруднять Зейдлица, быть можетъ и полагалъ, что онъ еще не въ силахъ исполнять службу. Зейдлицъ, считая себя униженнымъ, изъявилъ съ досадою, что онъ ясно видитъ, что въ немъ не имѣютъ болѣе нужды, и потому просилъ о

позволеніи возвратиться въ Берлинъ, на что Король и согласился; такимъ образомъ онъ оставилъ армію при общемъ сожалѣніи; въ особенности вся конница безъ исключенія, питая къ нему величайшую довѣренность, скорбѣла о его отъѣздѣ.

Отъ сего разстроилось доброе согласіе, существовавшее дотолъ между Королемъ и Зейдлицомъ; наступившее недоумѣніе вѣроятно было приуготовлено втайнѣ нѣкоторыми предшествовавшими обстоятельствами и вообще отношеніями генераловъ къ Государю — полководцу. Фридрихъ Великій былъ истинно расположенъ къ своимъ генераламъ, ревностно признавалъ ихъ заслуги и охотно становился ихъ другомъ. Но иногда, при первомъ смятеніи отъ неудачи и въ замѣшательствѣ труднаго положенія, являлась строгость воинской постепенности; къ тому же, понесенные великіе удары могли произвести раздраженіе и родить несправедливые упреки. Дотолъ Зейдлицъ имѣлъ щастіе пользоваться постоянно благосклонностію Короля; не говоря о его заслугахъ, самый характеръ его былъ способенъ питать это благорасположеніе. Онъ былъ молчаливъ и скромнъ; не причинялъ, но и не терпѣлъ ни какой несправедливости и

неприличія; при возвышеніи не гордился; отношенія подчиненности сохранялъ съ достоинствомъ и не унижаясь. Король оказывалъ ему особенное уваженіе. Теперь въ первый разъ нарушено было согласіе, и Король остался имъ недоволенъ. Если атака конницы при Кунерсдорфѣ не имѣла успѣха, то въ этомъ нельзя было винить Зейдлица; напротивъ того Король гласно изъявлялъ самое лестное мнѣніе на счетъ его. Но отъ продолжавшагося затрудненія, въ которое этотъ роковой день поставилъ Короля, можетъ быть раждалась нѣсколько разъ мысль, что конница могла дѣйствовать удачнѣе, и что Зейдлицъ не оказалъ обыкновенной своей отважности и рѣшимости. Къ тому разстроенное его здоровье, препятствовавшее ему служить въ дни великой опасности, послѣ того бракъ его, который неспособенъ былъ умножить ни ревности ни бодрости его, — все это вмѣстѣ произвело неблагопріятное впечатлѣніе. Чѣмъ нетерпѣливѣе его ожидали прежде, и чѣмъ болѣе имѣли въ немъ нужду, тѣмъ менѣе удовлетворило позднее его появленіе при болѣзненномъ, слабомъ состояніи тѣла; за все тѣмъ не должно вѣрить одному сказанію Варнери, будтобы Король сожалѣлъ, что въ донесеніи о Кунерсдорфской битвѣ было упо-

минуто о ранѣ Зейдлица, какъ объ одной изъ причинъ претерпѣннаго пораженія; напротивъ того, Король кажется хотѣлъ только пощадить больнаго генерала, бывшаго едва въ состояніи исполнять службу; но нѣмало не былъ намѣренъ унижать или оскорбить его. Конечно усилилось неудовольствіе Короля отъ того, что Зейдлицъ похвально дѣло въ этомъ смыслѣ и въ досадѣ оставилъ армію; впрочемъ неудовольствіе не обнаружилось гласно, но напротивъ того было скрыто подъ обыкновенными формами подчиненности съ одной стороны, и мнѣности съ другой.

Король двинулся съ своимъ войскомъ въ Силезію, чтобы воспрепятствовать соединенію Австрійцевъ съ Русскими. Здѣсь дѣла Прусакъ были въ непрерывной опасности; требовалось всего искусства полководца и величайшей храбрости войскъ, чтобы удержаться противъ превосходныхъ силъ, грозящихъ съ двухъ сторонъ. Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ, Король разбилъ Австрійцевъ при Лигницѣ 15 Августа 1760 года; хотя сіе происшествіе и не было рѣшительнымъ для похода, но оно въ это время было спасительно. Послѣ сраженія Король привѣтствовалъ кирасирскій полкъ Зейдлица, велѣлъ ему пройти мимо себя и хвалилъ

солдатъ за оказанную храбрость; послѣ того написалъ къ Зейдлицу, уведомляя его о побѣдѣ. Зейдлицъ отвѣчалъ отъ 6-го Сентября: «изъ постели, въ которую болѣзненные припадки меня низложили, повергаю къ стопамъ Вашего Величества подданнѣйшее мое поздравленіе, присовокупляя желаніе, чтобы взятіе г. Дрездена послѣдовало за этою великою побѣдою; но еще болѣе желаю, чтобы контузія, полученная Вашимъ Величествомъ не могла имѣть вредныхъ послѣдствій и отравить нашей радости. Немедленно сообщилъ я извѣстіе въ Штеттинъ и въ Силезію. Я получилъ оное въ то время, когда долженъ былъ почестъ за немиловость Вашего Величества, что главное интенданство не только исключило имя мое изъ списка состоящихъ на военной ногѣ для полученія раціоновъ, но отказываетъ и въ тѣхъ, которые мнѣ слѣдуютъ какъ шефу полка, даже въ мѣрное время. Безъ милостиваго посредничества Вашего Величества, я принужденъ буду продать моихъ лошадей. Пребываю до послѣдняго дня моей жизни въ непоколебимой вѣрности, и проч.» Король отвѣчалъ на это весьма милостиво изъ Диттерсдорфа отъ 21 Сентября, и благодаря его за выражаемыя имъ чувства, изъявилъ приятную надежду, скоро узнать о

совершенномъ его выздоровленіи. Иные приписывали къ негодованію Короля то распоряженіе, о которомъ Зейдлицъ такъ кратко и ясно выражается; но оно было ничто иное, какъ примѣненіе общихъ предписаній; рѣшеніе, данное немедленно Королемъ, чтобы Зейдлицъ получалъ кормъ для своихъ лошадей въ качествѣ полковника, доказываетъ только мѣру необходимости и справедливости, по которой въ тѣхъ обстоятельствахъ необходимо было поступать, избѣгая столько же расточительности, сколько излишней бережливости.

Зейдлицъ нашелъ и въ Берлинѣ случай ревностно дѣйствовать на пользу Королевской службы. Въ началѣ Октября 1760, Русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Графа Тотлебена, перешедъ Одеръ, угрожалъ Берлину. Прусскій комендантъ, генералъ Роховъ, уже намѣренъ былъ отступить съ своимъ немногочисленнымъ отрядомъ; но Зейдлицъ, вставъ съ бользненнаго одра, не позволилъ того. Къ нему присоединились генералъ фонъ-Кноблохъ, также еще неизцѣлившійся отъ ранъ, и старшій фельдмаршалъ Левальдъ. Зейдлицъ, несмотря на высокое свое званіе, принялъ начальство надъ малымъ отрядомъ изъ войскъ и волонтеровъ,

и двинулся по Кепеникской дорогѣ, чтобъ осведомиться о приближеніи Тотлебена и о числѣ его войскъ. Скоро встрѣтилъ онъ авангардъ его, состоявшій изъ козаковъ, сразился съ ними и отогналъ ихъ; но при наступленіи главнаго отряда, отошедъ въ городъ, окопался у городскихъ воротъ; онъ въ скорости насыпалъ легкій валъ и разставилъ нѣсколько трехфунтовыхъ орудій, занявъ стрѣлками продолженіе стѣны отъ городскихъ воротъ. Рускіе устремили главныя атаки противъ Кепеникскихъ и Котбусскихъ воротъ, но и здѣсь присутствіе Зейдлица, неоставлявшаго сіи посты ни на минуту, принесло полный успѣхъ. Первыя нападенія неприятеля были удачно отражены. Но когда Рускіе получили подкрѣпленія, и генераль Ласи подошелъ съ Австрійцами со стороны Потсдама и Шарлоттенбурга, то нельзя было долѣе удержать за собою Берлинъ, и Зейдлицъ послѣдовалъ за небольшимъ числомъ отступившихъ войскъ въ Шпандау; здѣсь оставался онъ недолго, потому что дальнѣйшія военныя событія скоро удалили неприятеля отъ Берлина. Король весьма милостиво принялъ извѣстіе о ревности и дѣятельности Зейдлица и помянулъ о томъ съ великою похвалою въ своей исторіи Семилѣтней войны. Онъ окончилъ

походъ 1760 года кровопролитною побѣдою, одержанною при Торгау 3-го Ноября, о которой также своеручнымъ письмомъ извѣстилъ Зейдлица. Зейдлицъ донесъ Королю, что въ Берлинѣ было во всехъ церквахъ молебствіе при пушечной и ружейной пальбѣ, и что извѣстіе о славной побѣдѣ немедленно распространено по Помераніи и Силезіи.

Въ началѣ 1761 года имѣла мѣсто слѣдующая переписка между Королемъ и Зейдлицомъ, не заключающая ни малѣйшаго слѣда бывшаго недоумѣнія, и изъясняющая съ одной стороны опасеніе и участіе, а съ другой вѣрную преданность и ревность. Король писалъ изъ Лейпцига, 10 Генваря: «Любезный мой генераль-лейтенантъ фонъ-Зейдлицъ! Я узналъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что здоровье ваше съ нѣкотораго времени начинаетъ поправляться, и что вы полагаете скоро быть въ состояніи, сюда приѣхать. Такъ какъ я весьма желаю васъ видѣть и переговорить съ вами, то мнѣ приятно будетъ если ваши силы вамъ позволятъ приѣхать сюда въ скоромъ времени; вашъ врачъ, тайный совѣтникъ Котсиусъ, теперь находится здѣсь, и тѣмъ удобнѣе можетъ совершенно возстановить ваше здоровье.» Но между тѣмъ Зейдлицъ снова

сильно занемогъ, и написалъ отъ 13 Января печальное извѣстіе: «Облегченіе, которое я съ нѣ-
« котораго времени чувствовалъ, внушило въ меня
« надежду, скоро совершенно выздоровѣть; но
« два дня тому назадъ болѣзнь моя взяла такой
« оборотъ, что я лежа въ постель имѣю счастье
« прочесть милостивое письмо Вашего Королев-
« скаго Величества; доходило даже до того, что
« память моя пострадала, обстоятельство, котораго
« я никому не хотѣлъ сообщить, кромѣ Вашего
« Величества. Если Ваше Величество всемплоти-
« вѣйше позволите, то тайный совѣтникъ Коте-
« ніусъ, переписывающійся съ врачомъ моимъ,
« будетъ въ возможности означить настоящую при-
« чину моей болѣзни, и о томъ доложить Вашему
« Величеству; но если Ваше Величество соизво-
« лите приказать мнѣ явиться и имѣть счастье по-
« цѣловать одежду Вашу, то по полученіи подоб-
« наго приказа одна только смерть меня удержитъ
« отъ исполненія его Пребываю по смерти
« въ вѣрноподданной покорности.» Король погово-
« ривши съ врачомъ, отвѣчалъ ему отъ 16 Января:
« Любезный мой генераль-лейтенантъ фонъ-Зейд-
« лицъ! Мнѣ весьма жаль было усмотрѣть изъ
« вашего письма отъ 13 с. м., что ваше здоровье
« снова разстроилось. По желанію вашему я пере-
« говорилъ съ тайнымъ совѣтникомъ Котеніусомъ:

«онъ того мнѣнія чтобъ вы при ѣхали сюда, это
«много содѣйствовало бы къ вашему изцѣленію;
«не только движеніе во время поѣздки сюда было
«бы для васъ полезнымъ, но здѣсь вы будете
«имѣть болѣе случаевъ оправиться умѣреннымъ
«движеніемъ, и въ состояніи пользоваться доб-
«рыми его совѣтами. Надѣюсь, что вы рѣшитесь
«на это, дабы не потерять случая выздоровѣть со-
«вершенно, или по крайней мѣрѣ поправить ваше
«здоровье. Мнѣ же будетъ приятно доказать вамъ
«лично, что я пребываю благосклонный къ вамъ
«Король.» Къ сему прибавилъ онъ еще своеручно:
«Лейпцигскій воздухъ для него будетъ полезнѣе
Берлинскаго.» Но болѣзнь не позволила Зейд-
лицу отправиться такъ скоро, и не прежде какъ
20 Мая могъ онъ донести Королю, двинув-
шемуся вначалѣ того мѣсяца въ Силезію, что
онъ прибылъ къ арміи Принца Генриха, гдѣ ему
поручено было начальство надъ всею конницею.
Но кирасирскій полкъ его не былъ въ числѣ
этихъ войскъ, находясь съ Королемъ въ Силе-
зіи. Король изъявилъ Зейдлицу свое совершенное
удовольствіе на счетъ его приѣзда къ арміи и
полагалъ, что если здоровье его казалось еще
не вполне возстановленнымъ, то оно вѣроятно
оправится отъ движенія и жизни дѣятельной.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ какъ Фридрихъ съ главными силами дѣйствовалъ въ Силезіи противъ Австрійцевъ, предводительствуемыхъ Лаудономъ, и противъ Россійскаго войска, наступавшаго подъ начальствомъ фельдмаршала Бутурлина; Принцу Генриху поручено было удержать Саксонію противъ Австрійской арміи подъ начальствомъ фельдмаршала Дауна, и противъ Имперскаго войска, которымъ тогда предводительствовалъ Австрійскій фельдмаршалъ Сербелони. Пруссаки едва имѣли 30,000 человекъ подъ ружьемъ, неприятель же болѣе 50,000. Надлежало уравнять сію несоразмѣрность однимъ иску-

ствомъ полководцевъ, ибо храбрость и превосходство, коими Прусскія войска брали верхъ въ первыхъ походахъ, не имѣли теперь прежняго перевѣса; Прусскія войска нѣсколько разъ были на-ново укомплектованы и состояли по большей части изъ молодыхъ солдатъ. Многіе баталіоны были сформированы изъ дезертировъ, другіе изъ военнопленныхъ; изъ сихъ, Саксонцы служили только съ принужденіемъ. Самое укомплектованіе производилось съ такою поспѣшностію, что войскамъ нѣкоторое время оставляли прежніе ихъ мундиры; такимъ образомъ Зейдлицъ, въѣзжая въ одинъ малой городъ, полагалъ себя посреди неприятелей, увидя караулъ у городскихъ воротъ, занятый гренадерами въ красныхъ мундирахъ, взятыми въ пленъ при Лангензальцѣ до прибытія его въ армію; ихъ принудили изъ Саксонской службы вступить въ Прусскую. Полагаютъ, что Фридрихъ вмѣсто того, чтобъ имѣть, какъ прежде, при себѣ лучшаго изъ своихъ кавалерійскихъ генераловъ, назначилъ его въ армію Принца Генриха, дабы тѣмъ замѣнить недостатокъ въ числѣ и достоинствѣ сихъ войскъ; сверхъ того, въ арміи Принца Генриха необходимо было имѣть генерала, разумѣвшаго высшее искусство войцъ, потому что неприятельскія силы, раз-

дѣлясь на двѣ части, могли заставить Принца поручить ему начальство надъ отдѣльнымъ отрядомъ. Подлинно, какъ въ семь походъ такъ и въ слѣдующемъ, Принцъ Генрихъ хотя и управлялъ всѣмъ кругомъ дѣйствій, однакожъ преимущественно наблюдалъ Австрійскую армію, между тѣмъ какъ Зейдлицъ поручилъ дѣйствовать противъ Имперскихъ войскъ. Такое назначеніе Зейдлица, какъ мы уже упомянули выше, состоялось не потому чтобъ онъ былъ въ немилости, но по требованію обстоятельствъ и по уваженію его воинскихъ доблестей; онъ въ это время былъ въ совершенной милости у Короля; неменѣе приятно было это назначеніе и для Принца Генриха, и едвали любилъ онъ другаго генерала столь истинно и дружески. Война мало изобиловала происшествіями съ этой стороны. Неприятельскій полководецъ, вмѣсто того, чтобъ воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ, ожидалъ, чтобъ рѣшительные удары были нанесены въ Силезію и, отказываясь отъ наступательныхъ дѣйствій, осторожно пребывалъ въ крѣпкихъ лагеряхъ. Съ своей стороны Принцъ Генрихъ старался выборомъ хорошихъ позицій вознаграждать слабость своей арміи, и не имѣлъ причины искать большихъ сраженій. Тѣмъ живѣе испытывали

другъ друга въ небольшихъ стычкахъ, и между тѣмъ какъ массы стояли недвижимо, отдѣльные отряды предпринимали смѣлыя нападенія и партизанскіе набѣги. Въ Прусскихъ войскахъ отличался въ семь родъ предпріятій полковникъ Фридрихъ Вильгельмъ Клейстъ; командуя гусарскимъ полкомъ, онъ сформировалъ драгунскій полкъ изъ охотниковъ и отрядъ зеленыхъ Кроатъ. Ласковымъ своимъ обращеніемъ, постоянными уснѣхами и приманкою блестящихъ мундировъ, умножилъ онъ значительно число сихъ охотниковъ. Хотя онъ и состоялъ подъ начальствомъ Зейдлица, но пользовался предъ нимъ тѣмъ преимуществомъ, что въ своемъ кругу дѣйствій находя чаще случай отличиться, приобрѣталъ большую славу въ совершеніи второстепенныхъ подвиговъ, тогда какъ не было великихъ встрѣчъ, въ коихъ Зейдлицъ могъ открыть достойное для себя поле; такимъ образомъ Клейстъ, хотя вовсе безъ намѣренія, явился соперникомъ Зейдлица, и казалось затмѣвалъ его мгновенно. Даже и въ маломъ числѣ небольшихъ стычекъ, въ коихъ Зейдлицъ лично оказывалъ отличіе, всегда почти участвовалъ и Клейстъ.

Австрійскому полковнику Терреку удалось

произвестъ 18 Августа удачное нападеніе на Прусскіе передовые посты при Зебенленъ и Нененкирхъ, между Тарантомъ и Мейссеномъ. Чтобъ отмстить за это, Клейстъ быстрымъ набѣгомъ нанесъ ударъ войскамъ Австрійскаго генерала Цетвица въ окрестностяхъ Фрейберга. Послѣ сего сдѣлалъ предположеніе искуснаго нападенія, посредствомъ котораго можно было нанести сему генералу жестокой уронъ. Принцъ Генрихъ, коему Клейстъ непосредственно представилъ свое начертаніе, одобрилъ оное совершенно, поручивъ исполненіе Зейдлицу. 1000 человекъ конницы и нѣкоторое число пѣхоты подъ начальствомъ Клейста выступили 25 Августа изъ Дебельна, перешли чрезъ рѣку Мульду и проникли за лѣвый флангъ и въ тылъ неприятеля. Зейдлицъ самъ повелъ около 1500 человекъ конницы и нѣсколько баталіоновъ отъ Дейчь-Боры чрезъ Дитмансдорфъ къ Науендорфу, между тѣмъ какъ два меньшихъ отряда старались отвлечь вниманіе неприятеля въ другую сторону. Австрійцы были атакованы 26 Августа съ разсвѣтомъ; однако случайное мѣстоположеніе благоприятствовало ихъ отступленію, произведенному въ порядкѣ къ Дипольдисвалде; Зейдлицъ и Клейстъ захватили только нѣсколько человекъ въ плѣнъ, послѣ чего они возвратились въ преж-

нія своя положенія. Набѣги Имперскихъ войскъ занявшихъ Цегу, Вейсенфельдъ и Наумбургъ, и открытою силою подходившихъ даже до самыхъ воротъ Лейпцига, требовали рѣшительнаго дѣйствія. Сентября 2 числа Зейдлицъ, взявъ съ собою 8 баталіоновъ и 24 эскадрона, двинулся черезъ Вальдгеймъ и Рохлицъ къ Пенигу, чтобъ напасть на сильный отрядъ Имперскихъ войскъ, и отрѣзать его отъ арміи. Клейстъ предводительствовалъ авангардомъ; но неприятель успѣлъ уже отступить черезъ рѣку Шлейссе и за тѣсины при Ломъ. По ту сторону Плейссе, Зейдлицъ настигъ аріергардъ, забирая плѣнныхъ. Послѣ этого, собравъ все войско при Шмелицъ, двинулся 4 Сентября черезъ Вейсенбахъ противъ главнаго неприятельскаго корпуса, правое крыло котораго расположено было на горѣ при Рейстѣ, а лѣвое при Ронебургѣ. Клейстъ, внимательно осмотрѣвъ позицію неприятеля, еще въ тотъ же вечеръ допесъ, что удобно атаковать гору при Рейстѣ, со взятіемъ же оной пораженіе неприятеля было неизбежно, ибо гора господствовала надъ всѣмъ его лагеремъ. Деревню Рейстѣ, черезъ которую надлежало пройти онъ уже занялъ. Зейдлицъ сдѣлалъ немедленно нужныя распоряженія и въ ту же ночь войска двинулись впередъ. Но когда на другое утро Зейдлицъ самъ

осмотрѣлъ неприятельскую позицію, то напелъ, что послѣ донесенія Клейста сдѣланы были большія перемѣны; все положеніе было защищено многочисленною артиллеріею и пѣхотою, и безъ большихъ затрудненій нельзя было атаковать; успѣхъ же былъ весьма сомнителенъ по причинѣ тѣснинъ и многочисленныхъ рвовъ, пересѣкающихъ поле и окрестность горы; сверхъ того надлежало произвести наступленіе всходя по крутизнамъ на гору и подъ цѣльными выстрѣлами неприятельскихъ батарей. По занятіи же высоты надобно было сражаться съ главною силою неприятеля въ числѣ 36 баталіоновъ и 40 эскадроновъ; Пруссаки имѣли мало пѣхоты; конницы еще меньше; сверхъ того пресѣченная мѣстность едва позволяла употребить конницу. Принявъ въ уваженіе сіи затрудненія, Зейдлицъ отказался отъ своего намѣренія и отступилъ въ виду неприятеля со всеми войсками чрезъ Шмелнъ къ Альтенкирхену, не будучи преслѣдованъ. Генрихъ Бюловъ при семъ случаѣ безъ всякой причины обвиняетъ Зейдлица въ нерѣшимости, присовокупляя, что онъ вмѣсто того чтобъ атаковать неприятельскую позицію, сдѣлалъ ей обзорѣніе; напротивъ того въ этомъ хладнокровіи, въ этой воздержности, съ каковыми осмотрѣлъ Зейдлицъ неприятель-

ское положеніе, является истинный полководецъ, которому неприлично отваживаться на отчаянное покушеніе, позволительное начальнику отдѣльнаго коннаго отряда. Послѣ того, Сербелони, опасаясь нападенія на лѣвый свой флангъ, отступилъ при Вейдѣ за рѣку Эльстеръ; Зейдлицъ же двинулся 6-го Сентября чрезъ Альтенбургъ къ Борнѣ, оставя при Альтенбургѣ Клейста съ легкими войсками для наблюденія. Но 12-го Сентября отрядъ, присоединившись къ арміи, занялъ кватеры впереди Эльбы между Ломачемъ и Ошадомъ; Клейстъ ближе къ неприятелю при Дебельнѣ. По приказанію Принца Генриха, корпусъ Зейдлица былъ всегда въ готовности выступить при малѣйшемъ движеніи Имперскихъ войскъ. Примѣрная бдительность Зейдлица обезопасила совершенно армію Принца съ сей стороны; но общее положеніе дѣлъ приняло опасный оборотъ. Король едва удерживалъ Силезію противу Австрійцевъ и Рускихъ; Лаудонъ взялъ крѣпость Швейдницъ внезапнымъ и рѣшительнымъ приступомъ; Французы приближались къ Галберштату; казалось, что самъ Даунъ и Сербелони умножили дѣятельность. Послѣдній двинулъ генерала Луцинскаго съ отрядомъ легкихъ войскъ въ окрестности Галле и Мансфельда. Принцъ Генрихъ не могъ

допустить, чтобъ непріятель столь далеко распространялъ набѣги свои въ такое время, когда Французы угрожали Магдебургу, и съ другой стороны Берлинъ оставался безъ защиты отъ Рускихъ. Чтобы однимъ ударомъ этому противудѣйствовать, отправленъ былъ Зейдлицъ съ 2000 человекъ пѣхоты и 1200 человекъ конницы къ городу Галле, съ тѣмъ чтобы оттуда прогнать Луцинскаго, прикрыть Магдебургъ если бы наступили Французы и даже защитить Берлинъ, въ случаѣ бы Рускіе подошли со стороны Одера. Зейдлицъ выступивъ съ своимъ легкимъ отрядомъ 10-го Октября, прибылъ 12 въ Лейпцигъ. Имперскія войска оставили Галле, но Французы, одержавъ небольшую побѣду при Вольфенбиттель, казалось намѣревались подступить подъ Магдебургъ. Зейдлицъ держалъ свой отрядъ въ готовности между Котеномъ и Бернбургомъ; но Французы неожиданно отступили, равно и опасенія на счетъ Берлина миновались. Тѣмъ необходимѣе становилось присоединеніе сихъ войскъ къ арміи Принца Генриха. Зейдлицъ, возвратясь расположился 21 Октября между Дсбельномъ и Каценгейзеромъ. Сіе смѣлое и быстрое движеніе осталось безъ результатовъ; но если приять въ соображеніе опасность многосложныхъ дѣйствій возложенныхъ

на Зейдлица, то надобно согласиться, что только рѣшительный и свѣдуцій какъ онъ въ военномъ искусствѣ полководецъ, могъ внушить надежду на счастливое ихъ исполненіе.

Въ продолженіе недолговременнаго отсутствія Зейдлица, Даунъ не переставалъ тревожить Прусскіе передовые посты. Усиливъ отъ арміи Лаудона изъ Силезіи 24,000 человекъ свои войска, уже и безъ того превосходнѣйшія числомъ Прусковъ, онъ казалось готовился произвести сильное наступленіе, чтобъ вытѣснить Принца Генриха изъ Саксоніи; но Принцъ, умноживъ мѣры осторожности, старался уменьшить неудобства обстоятельствъ своихъ смѣлостію и благоразуміемъ. Наконецъ, 5-го Ноября, Даунъ рѣшился произвести давно уже предположенную атаку; войска его взяли редутъ на Лерхенбергъ впереди города Мейссена и отгѣснили назадъ всю цѣнь передовыхъ постовъ при Каценгейсфакъ, Зебенленъ и Росвейцъ. Для подкрѣпленія поста при Росвейцъ Зейдлицъ прислалъ отъ Петерсберга 5 эскадроновъ драгунъ; но мѣстечко уже было въ рукахъ непріятели. Самъ двинулся онъ съ 5 эскадронами кирасиръ ближе къ Каценгейзеру, чтобъ быть готовымъ дѣйствовать, на случай еслибы непріятель атакował главную позицію Пруса-

ковъ, стоявшихъ подъ ружьемъ. Принцъ Генрихъ быстро перемѣнилъ свое положеніе, сообразно съ обстоятельствами, обративъ главное вниманіе на свое правое крыло. Здѣсь непріятель старался занять правый берегъ Мульды, но Зейдлицъ по приказанію Принца Генриха прогналъ его обратно. Послѣ того Даунъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ занять весь лѣвый берегъ Мульды, дабы удобнѣе расположиться на зимнихъ квартирахъ; для сего приказалъ онъ, 14 Ноября, занять городокъ Дебельнъ; но Зейдлицъ съ пятью эскадронами кирасиръ, за которыми слѣдовалъ Клейстъ съ легкою конницею, прогналъ Австрійцевъ за р. Мульду; на другой день заключили договоръ, въ силу коего г. Дебельнъ оставался незанятымъ съ обѣихъ сторонъ. Этимъ совершенно прекратились военныя дѣйствія сего похода въ Саксоніи.

Зима прошла безъ дальнѣйшихъ предпріятій со стороны непріятели, котораго и Пруссаки также не имѣли намѣренія тревожить; между передовыми только постами происходили частыя стычки, и то болѣе противу Имперскихъ войскъ, съ которыми Зейдлицъ поступалъ по особому расчету: онъ не принуждалъ эти войска къ отчаянному сопротивленію, но старался

забирать болѣе въ плѣнъ, зная, что будучи въ плѣну, многіе вступали добровольно въ Прусскую службу; плѣнные офицеры даже радовались, что не могли обнажать меча противу великаго Короля, который былъ предметомъ ихъ общаго уваженія; это простиралось до того, что одинъ генералъ войскъ Шнабскаго округа, взятый въ плѣнъ, когда Зейдлицъ утѣшалъ его съ свойственною ему добротою, удивилъ его слѣдующимъ отвѣтомъ: «я весьма радуюсь постигшей меня участи и вовсе не желаю быть обмѣнену»; такимъ способомъ всѣ частныя сшибки и отдѣльныя движенія вдоль цѣпи передовыхъ постовъ всегда обращались въ пользу Пруссаковъ; но невыгоды ихъ общаго положенія были, какъ и прежде, слишкомъ велики и съ каждымъ днемъ несоразмѣрность ихъ силъ становилась очевиднѣе; даже кончина Императрицы Елисаветы, воспослѣдовавшая въ 1762 году, не могла возстановить равновѣсія, хотя число неприятельскихъ войскъ и уменьшилось цѣлою арміею; благоприятное превращеніе Рускихъ въ союзники во время кратковременнаго царствованія Петра III, прекратилось съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II, которой расположенія при началѣ должны были казаться сомнительными; но за всѣмъ

тѣмъ измѣненіе сихъ событій имѣло непосредственное и внезапное вліяніе на одну Силезію, ту часть театра войны, гдѣ тѣснились главныя громады Рускихъ, Австрійцевъ и Прусаковъ, и гдѣ самъ Фридрихъ несъ всю тяжесть несоразмѣрнаго и едва не подавившаго его бремени, изтощая послѣднія пособія, почерпаемая имъ въ вдохновеніяхъ плодовитаго и глубокаго ума; въ Саксоніи же положеніе Прусаковъ, будучи независимо отъ оборотовъ, происходившихъ на главномъ поприщѣ, находилось въ возрастающей опасности; и подлинно, здѣсь все было бы потеряно безъ мудрой распорядительности Принца Генриха, его постоянной и неколебимой твердости, безъ превосходства его военныхъ дарованій; при открытіи похода онъ имѣлъ едва 25,000 человекъ подъ ружьемъ; необходимыя поспѣшенія для слабыхъ полковъ своихъ получалъ онъ поздно и медленно, и съ этимъ малымъ числомъ войскъ надлежало занимать значительное пространство земли и безпрестанно раздроблять свои силы. Зейдлицъ, усматривая опасность такого протяженія войскъ въ виду неприятеля, превосходившаго ихъ двойнымъ числомъ, неоднократно представлялъ о томъ Принцу Генриху, который однако же, при существовавшихъ тогда обстоятельствахъ, не по-

лагалъ себя въ правѣ отступить отъ сихъ распоряженій.

Между тѣмъ фельдмаршалъ Даунъ отозванъ былъ въ Силезію для командованія тамошнею арміею; фельдмаршалъ Сербеллони принялъ начальство надъ арміею въ Саксоніи и надъ Имперскими войсками Князя Штольберга; хотя сія союзная армія, отъ которой фельдмаршалъ Графъ Даунъ отвелъ съ собою въ Силезію 20,000 чело-вѣкъ, оставалась и послѣ того многочисленнѣе Прусской арміи и размѣщена была на выгодныхъ положеніяхъ, изъ коихъ главнѣйшія были тща-тельно укрѣплены; но будучи растянута отъ Дрездена до Тюрингіи, не могла повсюду быть равно сильна и оттого по занимаемому ею про-тяженію представляла нѣкоторыя слабыя точ-ки; слѣдовательно то самое неудобство, ко-торое угрожало Прусакамъ опасностію, на-ходилось и на сторонѣ ихъ неприятелей; Принцъ Генрихъ, съ обыкновенною своею проицатель-ностію, рѣшился живо предупредить непри-ятеля въ наступательныхъ дѣйствіяхъ, и тѣмъ обратить на него всѣ невыгоды растянутаго расположенія; при этомъ онъ имѣлъ главною цѣлію отбросить отъ Австрійской арміи Импер-скія войска, подошедшія уже 28 Апрѣля къ

Хемницу, откуда нѣсколько полковъ двинулись къ Фрейбергу.

Дѣйствія фельдмаршала Сербелони были подчинены Выскому придворному Совѣту, отчего рождалась медленность; къ тому же онъ и самъ не былъ расположенъ къ рѣшительнымъ предпріятіямъ; взявъ это въ соображеніе, Принцъ Генрихъ имѣлъ возможность исподоволь сдѣлать должныя приготовленія; коль скоро подошли къ нему подкрѣпленія, онъ началъ производить разныя притворныя движенія, дабы подать видъ, будто соединяетъ войска свои близъ Мейссена на лѣвомъ своемъ флангѣ, между тѣмъ какъ все приготовилъ для перехода чрезъ Мульду правымъ флагомъ, которому назначено было ударить на неприятельскіе передовые посты, прорвать ихъ цѣпь и отбросить Имперскія войска во Франконію.

Австрійцы, уничтоживъ мосты на р. Мульдѣ, устроили многочисленныя укрѣпленія по лѣвому берегу отъ Росвейна до Лейснига; ближайшія войска отряжали на ночь въ окопы 3000 человекъ, которые, оставляя тамъ караулы и необходимыя посты, съ разсвѣтомъ возвращались по квартирамъ; этимъ обстоятельствомъ

воспользовался Принцъ Генрихъ: 10-го Мая нѣсколько Прусскихъ полковъ сдѣлали притворное движеніе къ г. Мейссену; 11-го же ввечеру Принцъ, сосредоточивъ быстро на берегу Мульды назначенныя къ тому войска, раздѣлилъ ихъ на четыре колонны; Зейдлицъ принялъ лично начальство надъ первою, состоявшею изъ 37 эскадроновъ и нѣкоторой части пѣхоты; во второй и третьей колоннахъ шла пѣхота и артиллерія; четвертая, изъ всѣхъ родовъ войскъ, была подъ командою Клейста; движущись по разнымъ дорогамъ, колонны должны были скрывать свое движеніе отъ неприятеля и не прежде напасть на окопы, какъ въ то время, когда главная его сила изъ оныхъ бы выступила; успѣхъ весь зависѣлъ отъ фланговыхъ отрядовъ Зейдлица и Клейста; Зейдлицъ, коему предоставлено было главное распоряженіе, намѣренъ былъ, подойдя къ Техницу, пушечнымъ выстрѣломъ дать сигналъ къ общей атакѣ; но егеря и зеленые Кроаты Клейста, показавшись на Мульдѣ, вступили преждевременно съ неприятелемъ въ перестрѣлку; Клейстъ, зная что большая часть Австрійцевъ уже отошла изъ укрѣпленій и опасаясь, чтобъ они не успѣли возвратиться, если дать имъ къ тому время, почелъ необходимымъ ускорить атакою и по-

далъ знакъ выстрѣломъ изъ пушки; тогда Прусакѣ, въ четырехъ мѣстахъ быстро перешедъ чрезъ Мульду, ринулись въ окопы, овладѣли орудіями и взяли въ плѣнъ Австрійскаго генерала Цетвица, съ нѣсколькими баталіонами храбро и упорно защищавшагося; отошедшія изъ укрѣпленій Австрійскія войска, хотя и воротились поспѣшно на пушечные выстрѣлы, но подошли когда дѣло уже было рѣшено. Австрійцы потеряли лѣвый берегъ Мульды, нѣсколько орудій и около 2000 человекъ, большею частію плѣнными; за всеѣмъ тѣмъ успѣхъ не былъ полный, потому что если бы согласно съ первоначальнымъ распоряженіемъ, атака вослѣдовала часомъ позже, то вѣроятно отступившія Австрійскія войска разошлись на постои, посреди коихъ Прусакѣ вторгнулись бы съ побѣдою и могли истребить весь отрядъ. Причина, приведенная Клейстомъ въ свое оправданіе, казалась Принцу Генриху достаточною; но Зейдлицъ не довольствовался оною, и съ того времени разстроилось доброе согласіе, существовавшее дотолъ между Зейдлицомъ и Клейстомъ.

Не менѣе были успѣшны и другія нападенія, произведенныя противу непріятели, который повсюду уступалъ поле; тогда Принцъ Генрихъ

со всею армією выступилъ къ Фрейбергу; Зейдлицъ и Клейстъ, начальствуя передовыми войсками, одержали значительный верхъ надъ неприятельскою конницею, взявъ 200 человекъ въ плѣнь. Австрійцы, покинувъ свой укрѣпленный лагерь при Фрейбергѣ, отступили къ Дипольдисвальде; на слѣдующій день, 14 Мая, Зейдлицъ, достигнувъ ихъ аріергардъ, гналъ его безостановочно и овладѣлъ всеми тѣсщинами, ведущими къ Дипольдисвальде; 16 Мая Принцъ, двинувшись къ Пречендорфу, занялъ выгодное положеніе и окопался; этимъ искуснымъ движеніемъ онъ прорвалъ въ самомъ центрѣ неприятельскую армію, и устранилъ отъ оной совершенно Князя Штольберга, находившагося въ Хемницѣ съ главнымъ корпусомъ Имперскихъ войскъ, такъ, что Князь Штольбергъ, опасаясь подвергнуться ударамъ всей Прусской арміи, поспѣшно отступилъ въ Цвикау.

Преслѣдуя одержанную поверхность, Принцъ Генрихъ отрядилъ генерала Бандемера съ 4-мя баталіонами и 6-ю эскадронами къ Хемницу. Зейдлицъ, находя сіе движеніе слишкомъ отважнымъ, представлялъ, что неприятельскіе генералы Клефельдъ и Луцнскій, занимая крѣпкую позицію на флангъ, могли разбить Банде-

мера; но Принцъ не принялъ его совѣта, и когда получено извѣстіе, что Бандемеръ занялъ Хемницъ, то позвавъ къ себѣ Зейдлица съ радостію объявилъ ему о томъ. Однакожъ Зейдлицъ оставался при своемъ мнѣніи, которое вскорѣ оправдалось: Бандемеръ, атакованный со всѣхъ сторонъ, съ потерею 7 орудій и 800 человекъ, принужденъ былъ отступить къ Эдерану, куда ему на помощь отрядили генерала Каница. Принцъ, не скрывая своей досады, оказывалъ нѣкоторую холодность къ Зейдлицу. Фельдмаршалъ Сербелони, желая вытѣснить Прусаковъ изъ Рудныхъ горъ, двинулъ Имперское войско къ Лейпцигу и Магдебургу; чтобъ угрожать затыльнымъ ихъ сообщеніямъ. Въ это время Принцъ Генрихъ имѣлъ въ виду выбросить Имперское войско изъ Саксоніи и счастливо предупредилъ движеніе неприятеля. Зейдлицу поручено было двинуться съ 4000 конницы, 3000 пѣхоты и съ соразмѣрнымъ числомъ орудій, чрезъ Вальдгеймъ и Рохлицъ къ Альтенбургу. Съ малочисленнымъ корпусомъ не отваживаясь атаковать Имперскую армію, онъ рѣшился пройти ей въ тылъ и въ лѣвый флангъ. Князь Штольбергъ, опасаясь потерять свои сообщенія съ Франконіею, отступилъ поспѣшно чрезъ Цвикау до Рейхенбаха. Зейдлицъ поручилъ преслѣдованіе

неприятеля полковнику Беллингу, пришедшему незадолго изъ Помераніи съ гусарскимъ его имени полкомъ, въ которомъ служилъ молодой Блюхеръ. Имперская армія, продолжая отступать, была живо преслѣдуема и потеряла большое число плѣнныхъ и обоза. Фельдмаршалъ Сербелони, въ намѣреніи подать помощь Имперской арміи, атаковалъ лѣвое крыло Принца Генриха, чѣмъ хотѣлъ заставить его отозвать Зейдлица, тѣснѣншаго Имперскія войска. Но Принцъ умѣлъ отразить нападеніе безъ помощи Зейдлица, не перестававшаго дѣйствовать противъ Имперской арміи, тревожить ее безпрестанно и наносить ей удары частными нападеніями, взятіемъ обозовъ, и т. п. Одинъ Клейстъ былъ отозванъ и получилъ другое назначеніе. Онъ вторгнулся Іюля 2-го числа съ своимъ отрядомъ въ Богемію чрезъ Маріенбергъ и Эйнзпдель, имѣлъ нѣсколько счастливыхъ дѣлъ съ неприятелемъ и дошелъ до Оссега и Брюкса въ виду вдвое сильнѣйшаго неприятеля, стоявшаго близъ Теплица, возвратился 6-го Іюля опять въ Рудныя горы съ многими плѣнными и большою добычею. Другой набѣгъ, еще удачнѣе и отважнѣе перваго, произвелъ Клейстъ отъ 17 до 20-го Іюля къ Себастіансбергу, чрезъ Брюксъ и Комотау.

Сербеллонн, видя что неприятель, далеко слабѣйшій въ числѣ, бралъ верхъ, и противъ превосходнаго числа удерживалъ поле, строго предписалъ Князю Штольбергу непременно отбросить Зейдлица, и плотно присоединиться къ его главной арміи. Князь Штольбергъ двинулся впередъ, но медленно и боязливо; Юля 14 принудилъ онъ къ отступленію передовые посты Беллинга при Плауэцъ и Рейхенбахъ, а 17 подошелъ къ Шнебергу, угрожая лѣвому флангу Зейдлица, стоявшаго лагеремъ близъ Цвикау. Но торжество это не долго продолжалось, ибо уже 20 Юля Клейстъ, произведенный въ генералы, двинулся съ своимъ отрядомъ къ Мариенбергу, въ обходъ праваго фланга Князя Штольберга; въ согласіи съ этимъ движеніемъ, бросился Зейдлицъ неприятелю въ лѣвый флангъ. Князь, предвидя неминуемое для себя пораженіе, искалъ спасенія въ поспѣшномъ отступленіи; онъ ретировался безъ отдыха чрезъ Гофъ до Минхсберга, преслѣдуемый и тѣснимый Беллингомъ и Зейдлицомъ. Здѣсь представился Зейдлицу неожиданный случай показать въ блистательномъ видѣ свое присутствіе духа и рѣшительность: опередивъ войска, остановился онъ со свитою на равнинѣ, чтобъ лучше видѣть отступающія со всѣхъ сторонъ

неприятельскія колонны. Между тѣмъ какъ Беллингъ съ передовымъ войскомъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ, а главный отрядъ находился въ отдаленіи, внезапно показался сзади прикомандированный къ Имперской арміи Австрійскій кавалерійскій полкъ, шедшій на большой рыси въ взводной колоннѣ вдоль дороги, для присоединенія къ своимъ. Положеніе Зейдлица было сомнительно; находясь съ немногочисленнымъ штабомъ посреди цѣлаго неприятельскаго кавалерійскаго полка, плѣнь казался неизбеженъ потому болѣе, что всякое покушеніе ускакать послужило бы приманкою для неприятеля; не теряя ни минуты присутствія духа, онъ рѣшился отвагою искупить себѣ свободу; свита его состояла изъ тридцати или сорока всадниковъ; построивъ ихъ въ одну шеренгу съ промежутками, приказалъ имъ броситься съ крикомъ во флангъ неприятельскому полку, стрѣлять изъ карабиновъ и пистолетовъ, но собираться быстро назадъ въ разсыпную, если бы какой либо взводъ или эскадронъ повернулъ во фронтъ для атаки; сей притворный натискъ изумилъ неприятеля до того, что полагая вблизи многочисленный кавалерійскій отрядъ, онъ ускакалъ не оглядываясь и отказываясь отъ всякаго боя, могшаго его задержать. Зейдлицъ не

только миновалъ самъ опасности, но успѣлъ еще чрезъ ординарцовъ о движеніи этого полка во-время увѣдомить Беллинга.

Имперская армія отошла къ Барейту 24 Іюля, потерявъ большое число плѣнныхъ, множество обоза, и даже военную казну, отбитую гусарами Беллинга. Зейдлицъ, оставя летучій отрядъ въ г. Цвикау для наблюденія, двинулся согласно предписанію Принца Генриха, въ Богемію; на него возложено было вытѣснить изъ Теплица неприятельскій отрядъ, тамъ расположенный; этимъ дѣйствіемъ можно было принудить самого Сербелони къ отступленію изъ Саксоніи; Зейдлицъ имѣлъ всего 2000 чел. пѣхоты и 1000 конницы; но въ Комотау присоединился къ нему Беллингъ, шедшій чрезъ Эгеръ, а при Шервинъ и Клейстъ съ отрядомъ равной силы. Зейдлицъ, оставя пѣхоту свою въ Брюксъ, прошелъ со всею кавалеріею до Теплица, чтобъ обозрѣть положеніе неприятеля; онъ нашелъ около 10,000 человекъ подъ начальствомъ генерала Князя Левенштейна, расположенныхъ лагеремъ на высотахъ, но невыгодно и въ совершенной безопасности; никто не помышлялъ въ лагерь о близости Прусаковъ, такъ что опрокинутые ими передовые посты и пикеты распространили

страхъ и общее смущеніе. Клейстъ совѣтовалъ атаковать немедленно съ кавалеріею, указывая на возможность обскákatъ неприятельскую позицію съ фланговъ и вторгнуться со всѣхъ сторонъ въ лагерь; пораженіе неприятеля казалось неминуемымъ, и даже въ случаѣ неудачи нельзя было претерпѣть большой потери, по недостатку легкой кавалеріи у непрятеля; но Зейдлицъ, доголь отважнѣйшій изъ кавалерійскихъ генераловъ, медлил и не рѣшался; въ его глазахъ неприятельское положеніе было недоступнымъ; атаковать же съ одною кавалеріею было бы дѣломъ необдуманной дерзости, и потому онъ отложилъ атаковать до прихода своей пѣхоты. Тщетны были просьбы и убѣжденія Клейста и Беллинга; между тѣмъ наступила ночь; на утро хотя и подоспѣла пѣхота, но въ продолженіи ночи неприятель исправилъ свое положеніе, присоединивъ къ себѣ значительное подкрѣпленіе; не смотря на то, Зейдлицъ приказалъ атаковать и лично повелъ кавалерію; съ обѣихъ сторонъ сражались съ равнымъ упорствомъ; но Прусакі были лишены выгодъ внезапнаго нападенія, Австрійцы же, обладая высотами, могли на нихъ свободно удержаться. Наконецъ Зейдлицъ принужденъ былъ прекратить сраженіе и отступить съ потерею двухъ орудій

и 600 человекъ. Здѣсь счастье ему въ первый разъ измѣнилось, но и онъ измѣнилъ своему воинственному нраву. Писатели, подробно изслѣдовавшіе это дѣло, приписываютъ неудачу онаго несогласію, существовавшему между имъ и Клейстомъ.

Послѣ сего Зейдлицъ оставался еще въ продолженіи двухъ сутокъ при Оберъ-Лейтцендорфѣ въ виду непріятели, ожидая и какъ бы вызывая его дерзкими набѣгами легкихъ войскъ, которые простирали свои поиски до воротъ Праги; но 5 Августа Зейдлицъ отступилъ къ Порштенштейну, Клейстъ къ Бемисъ-Эйнзиделю, Беллингъ же въ Цвикау для наблюденія Имперской арміи; Князь Штольбергъ, двинувшись тогда впередъ, получилъ въ Гофѣ повелѣніе пройти ближайшею дорогою чрезъ Богемію, чтобъ присоединиться къ главной Австрійской арміи. Беллингъ провожалъ его неотступно, тревожа его съ тылу и съ лѣваго фланга, и собирая значительную контрибуцію; между тѣмъ Зейдлицъ, изъ Порштенштейна, наблюдалъ Князя Левенштейна, усиленнаго значительными подкрѣпленіями; тогда, по повелѣнію Принца Генриха перешедъ обратно чрезъ Мульду, онъ возвратился въ лагерь при Пречендорфѣ. Князь Штольбергъ, послѣ

медленнаго и труднаго похода, не ранѣе какъ 2-го Сентября соединился подъ Дрезденомъ съ Австрійскою арміею, надъ которою прииалъ главное начальство генераль Гаддикъ, смѣнив- шій фельдмаршала Сербеллони, отозваннаго въ Вѣну.

Гаддикъ превосходилъ своего предмѣстника дѣятельностію и военными дарованіями; онъ тот- часъ перешелъ къ дѣйствіямъ наступательнымъ, разсчитавъ очень вѣрно, что однимъ или двумя ударами онъ можетъ слабѣйшаго въ числѣ не- пріятели лишитъ той поверхности, которую онъ приобрѣлъ частными успѣхами. Обозрѣвъ вни- мательно положеніе Прусаковъ и сообразивъ число ихъ, онъ двинулъ значительныя силы въ ихъ правый флангъ, занимая ихъ въ то же вре- мя неотступно съ фронта притворными атака- ми; но онъ нашелъ Принца Генриха въ готов- ности: правымъ крыломъ командовалъ Зейдлицъ; самъ Принцъ держалъ подъ рукою сильный резервъ, готовый отразитъ всякое нападеніе. Австрійцы атаковали всю передовую цѣпь Пру- саковъ и съ 27 по 29-ое происходили жаркія дѣла; но побѣда не склонялась ни на одну, ни на другую сторону; наконецъ Принцъ принуж- денъ былъ оставить свое положеніе и перевелъ

армію 1-го Октября на лѣвый берегъ Мульды, расположившись при Фрейбергъ въ выгодномъ лагерѣ; однако же 14 и 15 Октября Гаддикъ возобновилъ и умножилъ атаки, направляя превосходство своихъ силъ въ правый флангъ Прусаконъ, гдѣ Зейдлицъ тщетно употреблялъ все средства къ оборонѣ; Гаддикъ успѣлъ обойти совершенно положеніе Принца, который, принужденъ будучи уступить поле съ потерей 10 орудій и 2000 человекъ, сталъ лагеремъ между Рейхенбахомъ и Клейцъ-Фохтенбергомъ.

Сраженіе при Фрейбергъ,

29 Октября 1762 года.

Прусакон, не взирая на претерпѣнный ударъ, ни мало не потеряли бодрости, и оправившись, съ нетерпѣніемъ ожидали случая вступить въ сраженіе. Принцъ Генрихъ вознамѣрился атаковать непріятели и выбросить его изъ тѣхъ положеній, откуда онъ былъ вытѣсненъ; Австрійцы оставались между тѣмъ въ бездѣйствіи, ожидая къ себѣ подкрѣпленіе, высланное фельдмаршаломъ Дауномъ изъ Силезіи; но и къ Принцу шли на помощь 22 баталіона и 55 эскадронъ, отряженныхъ изъ арміи Короля; однако

же Принцъ не хотѣлъ ихъ дожидаться, боясь унестить удобную минуту. Имперскія войска, при конхъ находилось 12,000 Австрійцевъ и вся конница Саксонцевъ, занимали окрестности Фрейберга; разобщеніе ихъ отъ остальной арміи Гаддика, ихъ дурной составъ и управленіе, чему не въ состояніи было помочь главное начальство Гаддика, — все это могло благоприятствовать въ случаѣ отважнаго противу ихъ предпріятія. Пруссаки, занявъ близъ Фрейберга крѣпкой лагерь, охращенный съ лѣвой стороны крутымъ берегомъ Мульды, съ правой стороны глубокимъ ручьемъ Асбахъ, казалось помышляли объ одной только оборонѣ; но 28 Октября Принцъ Генрихъ сдѣлалъ втайнѣ все нужныя распоряженія для слѣдующаго дня. Хотя подкрѣпленіе изъ Силезіи находилось не болѣе какъ въ нѣсколькихъ переходахъ, но Князь Штольбергъ могъ бы воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ окончить все работы и укрѣпиться со всехъ сторонъ, между тѣмъ какъ главною выгодною при атакѣ было предупредить его; быть можетъ и честолюбіе Принца Генриха, побудило его пожать лавры безъ содѣйствія войскъ, шедшихъ изъ Силезіи, къ которымъ прикомандированъ былъ, въ качествѣ слѣдующаго руководителя, адъютантъ и любимецъ Короля подполков-

никъ фонъ Ангальтъ. Искусныя распоряженія Принца къ сраженію, признаны всеми превосходными; онъ былъ увѣнчанъ самымъ блестящимъ успѣхомъ. 29 Октября, съ зарею, армія двинулась впередъ, въ четырехъ колоннахъ, всего 29 баталіоновъ и 60 эскадроновъ; Зейдлицу, командовавшему правымъ крыломъ, назначено произвести рѣшительный ударъ; при этомъ крыло находилась и Принцъ. Неприятельскія войска, числомъ въ 49 баталіоновъ и 78 эскадроновъ, стояли впереди г. Фрейбергъ, опираясь справа о р. Мульду, слева о Спиттельвальдъ, негустой лѣсъ; высоты были устланы орудіями; впереди лежащій лѣсъ укрѣпленъ засѣками. Клейстъ, съ передовымъ войскомъ, открылъ сраженіе; прочія войска продолжали идти по даннымъ направленіямъ. Въ Спиттельвальдскомъ лѣсу, впереди лѣваго фланга неприятеля, сражались съ обѣихъ сторонъ съ равнымъ упорствомъ и съ равными успѣхами, при сильной пальбѣ изъ пушекъ; наконецъ войска праваго крыла Прусаковъ, обошедъ лѣвый флангъ неприятеля, повернули пальво во фронтъ; но здѣсь неприятель занималъ еще гораздо болѣе влѣво, въ числѣ 6000, Кубергъ, и могъ удобно взять самихъ Прусаковъ въ правый флангъ и даже въ тылъ, если бы они продолжали идти прямо.

Принцъ Генрихъ мгновенно приостановился; но Клейсть его увѣрилъ, что по извѣстному ему характеру командовавшаго на той точкѣ неприятельскаго генерала, можно смѣло продолжать движеніе, что онъ вѣроятно ограничить свои дѣйствія одною канонадою; поэтому отряжены были 4 слабыхъ баталіона и 6 эскадроновъ, которые занявъ высоту св: Михгала, удержали ее въ продолженіи всего времени; остальные войска продолжали свое наступательное движеніе. Князь Штольбергъ, видя свой лѣвый флангъ въ опасности, двинулъ вторую линію для продолженія онаго. Тогда сраженіе сдѣлалось общимъ. Австрійцы, имѣя ту выгоду, что занимали высоты, оказывали упорную защиту; Принцъ Генрихъ, командуя въ этомъ сраженіи въ первый разъ какъ главноначальствующій арміею, полагалъ сраженіе потеряннымъ оттого, что войска не двигались впередъ; но Зейдлицъ не терялъ духа, увѣряя, что дѣло шло хорошо и должно имѣть успѣхъ. Однако же, видя что бой дѣйствительно не принималъ никакого выгоднаго оборота, рѣшился лично повести 2 баталіона гренадеръ въ штыки противу Венгерской пѣхоты, занимавшей гору, подъ названіемъ Трехъ крестовъ; неприятельская конница, неоднократно покушавшаяся врубиться,

каждый разъ была съ урономъ отражаема меткимъ огнемъ гренадеръ, подымавшихся дружно и сомкнуто въ гору; между тѣмъ, отогнавъ неприятельскую конницу, Зейдлицъ бросилъ нѣсколько эскадроновъ гусаръ въ лѣвый флангъ и даже въ тылъ неприятельской пѣхоты; въ эту минуту, атаковавъ ее съ фронта со всѣмъ свойственнымъ ему порывомъ, взялъ большую часть въ полонъ; ускользнувшихъ отъ штыковъ его гренадеръ, онъ преслѣдовалъ съ своими всадниками до самыхъ воротъ Фрейберга. После сего важнаго успѣха, всѣ положенія неприятеля были взяты открытою силою, одно за другимъ; натиски Прусской конницы обратили въ бѣгство неприятельскую пѣхоту, оставленную своею конницею; лѣвое крыло Пруссаковъ нанесло окончательный ударъ, при чемъ адъютантъ Принца, ротмистръ Калкрейтъ, бывшій впоследствии фельдмаршаломъ, передавая приказанія Принца Генриха, оказалъ особое отличіе, содѣйствуя исполненію оныхъ. Князь Штольбергъ, съ разбитыми войсками, отступилъ за р. Мульту къ Фрауенштейну, потерявъ 4000 человекъ убитыми, такое же число пѣшными, 28 пушекъ и 9 знаменъ. Съ Прусской стороны число убитыхъ и пѣшныхъ простиралось до 1500. Г. Фрейбергъ былъ занятъ Пруссаками;

.. побѣжденные не были горячо преслѣдуемы, хотя Зейдлицъ убѣдительно просилъ возложить на него дальнѣйшее преслѣдованіе; но Принцъ Генрихъ, по причинѣ близости Гаддика, почелъ нужнымъ держать свои войска сосредоточенными; въ слѣдующіе дни Имперскія войска, продолжая отступать, очистили весь Эрцгебиргъ; Гаддикъ же соединилъ свою армію вокругъ Дрездена.

Сраженіе при Фрейбергъ было послѣднее въ Семилѣтнюю войну и заключило эту продолжительную борьбу самымъ блестящимъ образомъ. Распоряженія въ этомъ сраженіи принадлежатъ Принцу Генриху; важнѣйшая часть исполненія относится къ Зейдлицу, какъ Принцъ самъ признавалъ гласно, и какъ между дѣиссателями, Варнери опредѣлительно произноситъ. Здѣсь еще и то достопримѣчательно, что Зейдлицъ въ послѣднихъ походахъ и особенно въ этомъ сраженіи является уже за чертою кавалерійскаго генерала полководцемъ вообще, и какъ бы въ противность своему главнѣйшему назначенію, ударяетъ въ чель пѣхотныхъ баталіоновъ на неприятельскую пѣхоту; и вотъ почему онъ дѣйствительно ознаменуется истиннымъ полководцемъ, что не принадлежа безу-

словно одному роду службы, владѣеть искусствомъ управлять всеми оружіями вообще; однако же должно опять признаться, что мы видимъ его, вступающаго на высокую степень полководца, только посредствомъ того совершенства въ принадлежностяхъ кавалерійскаго генерала, которыми онъ сіялъ предъ всеми, никѣмъ не превзойденный, и въ копѣхъ онъ почерпнулъ вдохновеніе къ блистательнѣйшимъ дѣйствіямъ его жизни; и потому какъ бы не были велики заслуги, оказанныя имъ въ послѣднихъ походахъ, какъ не было необходимо его присутствіе, дабы въ этихъ странахъ дѣло Пруссіи было спасено и сохранено, за всѣмъ тѣмъ здѣсь мы не видимъ уже того Зейдлица, который на поляхъ Росбаха и Цорндорфа, подобно разгнѣванному богу брани, несется на чѣлѣ своихъ конныхъ громадъ, и ударяя въ ряды непріятеля, внезапно рѣшаетъ судьбу цѣлаго дня. Подобнаго блестящаго явленія мы подлинно уже болѣе не встрѣчаемъ; но заключеніе нѣкоторыхъ, что будто бы утомительная болѣзнь, лишивъ его крѣпости тѣла, уменьшила и огненную живость души его — ошибочно; мы напротивъ видимъ, что онъ дѣйствовалъ совершенно съ прежнею готовностію и дѣятельностію всюду, гдѣ обстоятельства требовали усилій и рѣши-

мости, не только во все продолженіе послѣднихъ походовъ, но и въ послѣдствіи, по заключеніи мира. Разность, которую замѣчали, происходила отъ другаго источника. Не только полководецъ, но вся война вообще потеряла свою важность; цвѣтъ Прусскаго войска давно не существовалъ; замѣстить его невозможно было не только въ достоинствѣ, но даже и въ числѣ; самъ Король изнемогалъ отъ непрестанной борьбы противу превосходныхъ силъ; большія сраженія давались только по неизбѣжной необходимости; оттого не могли возобновиться тѣ случаи, при которыхъ Зейдлицъ сіялъ во всемъ своемъ блескѣ. Тотъ рожденъ подъ счастливою звѣздою, кто въ продолженіи жизни своей можетъ явить одинъ или два раза на опытѣ все, что онъ совершить въ состояніи; большей части людей судьба въ этомъ отказывается.

Подкрѣпленіе соединилось съ арміею на другой день послѣ сраженія. Король и самъ прибылъ изъ Силезіи въ Мейссенъ 6-го Ноября; осмотрѣвъ 9 числа поле сраженія, онъ изъявилъ великія похвалы своему брату и генераламъ, командовавшимъ подъ главнымъ его начальствомъ. — Между тѣмъ Россія заключила миръ съ Пруссіею, Франція съ Великобританіею; Ав-

стрія же, лишена части своихъ союзниковъ, находясь въ опасности лишиться и другихъ, не расположена была продолжать войны безъ ихъ пособія. Немедленно по прибытіи Короля въ Мейссенъ, сдѣланы были со стороны Австріи мирныя предложенія, чрезъ посредничество Саксоніи; Фридрихъ принялъ ихъ охотно и, съ своей стороны ревностно желая прекратить войну, которая не представляла ему болѣе выгодъ и могла быть окончена безъ дальнѣйшихъ жертвъ, — для ускоренія переговоровъ, начатыхъ съ Австріею, за нужное почелъ, внезапнымъ вторженіемъ въ Имперскія земли принудить важнѣйшихъ Имперскихъ Князей къ отозванію войскъ своихъ отъ Имперской арміи, и къ заключенію особенныхъ договоровъ, независимо отъ Австріи, которая втайнѣ даже благоприятствовала симъ мѣрамъ, ибо въ такомъ случаѣ она освобождалась отъ тягостныхъ обязанностей. Между тѣмъ Клейстъ съ отрядомъ своимъ, вторгнувшись въ Богемію до города Зааца, оттуда возвратился съ пѣнными и съ добычею. Тогда Король поручилъ ему съ 6000 войска проникнуть во Франконію, гдѣ онъ распространилъ такой страхъ, что Имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ прибѣгнулъ къ покровительству Прусскаго полномоченнаго, г-на Шлото, и знат-

нѣйшіе Имперскіе чины поспѣшили просить о заключеніи мира. Между тѣмъ съ Австріею заключено перемиріе. Въ это время, 5-го Декабря, Фридрихъ посѣтилъ г. Готу. Припоминая славный подвигъ Зейдлица, бывшій на этомъ поприщѣ блистательною предтечею Росбахскаго сраженія, Король преимущественно избралъ его въ сопутники, — обстоятельство, доказывающее совершенное согласіе между Государемъ и его генераломъ. Наконецъ 15-го Февраля 1765 года подписаны условія мира въ замкѣ Губертсбургѣ, и войска возвратились въ отечество на мирныя постои.

ГЛАВА VI.

Но водвореніе мира не равно радостно было для всехъ Прусскихъ воиновъ, участвовавшихъ побѣдоносно въ походахъ. Во время войны, Фридрихъ, отдѣльно отъ старыхъ полковъ своей арміи, допустилъ формированіе значительнаго числа волонтерныхъ войскъ; предприимчивые офицеры образовали ихъ на свой счетъ; счастье и личныя заслуги сихъ офицеровъ служили основаніемъ существованія этихъ войскъ, которыя, какъ пѣхотныя такъ равно и конныя, оказали во время войны великую пользу, отличались примѣрною храбростью, и въ послѣднее время много содѣйствовали къ успѣхамъ, коимъ Прус-

сія обязана была своимъ спасеніемъ въ минуты величайшей опасности и крайняго бѣдствія. Съ водвореніемъ мира оказалась необходимость уменьшить значительно армію, и сія войска были первыя, которыхъ правительство распустило: солдатъ размѣстили отчасти по старымъ полкамъ, отчасти же уволили; офицеровъ почти всѣхъ безъ исключенія постигла послѣдняя участь. Они предались отчаянію когда объявили имъ о предстоявшей имъ судьбѣ; миръ лишилъ ихъ пропитанія и званія, отторгнулъ отъ прошедшаго и разрушилъ всѣ надежды. Едва успѣлъ Зейдлицъ прибыть съ войсками въ Силезію, какъ получилъ приказаніе распустить конную вольницу. Онъ старался сколько въ его силахъ было смягчить тяжесть сей мѣры, но со всѣмъ тѣмъ она возбудила величайшее негодованіе; возникъ явный бунтъ: рядовые упорствовали не расходиться, намѣреваясь противиться дальнѣйшимъ распоряженіемъ. Надлежало дѣйствовать рѣшительно и остановить при началѣ столь дерзкое нарушеніе военной дисциплины. Зейдлицъ тотчасъ поскакалъ туда, гдѣ толпы мятежниковъ были гуще и болѣе шумѣли, выхватилъ пистолеть; и уже прицѣлился, чтобъ поразить главнаго заговорщика, какъ остановленъ былъ своимъ адъютантомъ, ротмистромъ

Чиреке, къ которому онъ оказывалъ великое уваженіе и большую довѣренность; «если уже «быть этому, сказалъ адъютантъ, то прошу Ваше «Превосходительство предоставить исполненіе «миѣ.» Слова сіи укротили пылкій гнѣвъ, которой могъ породить большія бѣдствія. Распущеніе воспослѣдовало безъ кровопролитія, и Зейдлицъ всячески старался облегчить жребій уволенныхъ: лучшихъ офицеровъ размѣстилъ по полкамъ, для многихъ исходатайствовалъ назначенія другаго рода.

Въ Олау, въ мѣствѣ пребыванія штаба его полка, Зейдлицъ совершенно принялъ прежній образъ жизни; ничто не измѣнилось, исключая что кругъ его дѣйствій сталъ обширнѣе и отношенія его возвышеннѣе. Такъ какъ вскорѣ по заключеніи мира Король возложилъ на него новоучрежденное званіе главнаго инспектора кавалеріи, расположенной въ Силезіи, то дѣятельность его обняла всю область. Но по паружности казалось, что отъ этого произошла только малая разность; онъ занимался такъ же ревностно какъ и прежде своимъ полкомъ и преимущественно лейбъ-эскадрономъ, стоявшимъ въ Олау, въ которомъ устройство ученія и другія отношенія по службѣ были непосредствен-

ными предметами его ближайших попечений. Въ этомъ подражалъ онъ великому Королю своему, находившемуся въ подобныхъ отношеніяхъ къ первому баталіону⁽¹⁾ своего гвардейскаго полка, и исполнявшему въ Потсдамѣ ежедневно и неупустительно обязанности штабъ-офицера, командира баталіона. То великое вліяніе, которое Зейдлицу давало надъ войсками его высокое личное достоинство и признанное всѣми превосходство его въ управленіи и употребленіи конницы, было еще значительно умножено назначеніемъ его въ генераль-инспекторы. Подъ его начальствомъ состояли 20 эскадроновъ кирасиръ, 10 эскадроновъ драгуновъ и 40 эскадроновъ гусаръ. Сначала, при учрежденіи званія инспектора, Король имѣлъ болѣе въ виду выгоды правильнаго и бережливаго управленія, чѣмъ дѣятельность по части строевой. Послѣ опустошительной войны, желалъ сколько возможно возвысить земледѣліе и промышленность своихъ подданныхъ, онъ хотѣлъ чтобъ отъ нихъ требовали менѣе пожертвованій въ пользу военной службы. Надлежало увеличить въ войскѣ число вер-

(1) Первый баталіонъ гвардейскаго полка назывался лейбъ-гвардіею, отличаясь отъ другихъ двухъ баталіоновъ богатствомъ мундпра, бѣльшимъ числомъ офицеровъ и возвышеннымъ окладомъ для всѣхъ чиновъ; всѣ рядовые носили золотые часы, подарокъ Короля. Л.

бованныхъ иностранцевъ, что произвело новыя распоряженія, которыя совершенно измѣнили прежнюю систему вербованія. Даже самое удовольствіе полковъ, которое имъ исключительно было предоставлено, приняло другой оборотъ; Король требовалъ, чтобъ по этимъ частямъ управленія господствовали строжайшій надзоръ и крайняя точность. Эти нововведенія возбудили большое неудовольствіе, лишая множество лицъ выгоды и значенія. Зейдлицъ дѣлалъ о семъ Королю убѣдительныя представленія, но онъ должны были уступить высшимъ видамъ и пользѣ государственной; по званію генераль-инспектора онъ отчасти приводилъ самъ новыя распоряженія въ исполненіе, отчасти смотрѣлъ за строгимъ ихъ соблюденіемъ; но и самая его обязанность была такое нововведеніе, которое огорчало шефовъ полковъ, и которое они почитали нѣкоторымъ образомъ оскорбительнымъ для ихъ чести; многіе изъ старыхъ и заслуженныхъ генераловъ, состоявшіе дотолъ въ непосредственномъ сношеніи съ Королемъ, получавшіе прямо отъ него приказанія и отдававшіе одному ему отчетъ, увидѣли младшаго товарища своего посредникомъ между ими и Королемъ; цѣня весьма высоко, какъ и слѣдовало, прямыя сношенія свои съ Королемъ, они внезапно стали отъ него

какъ бы разлучены. Нѣкоторые генералы живо порицали это новое распоряженіе, стараясь уклониться отъ него, или же замедлить и затруднить дѣйствія онаго. Но Зейдлицъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые допускаютъ, чтобъ приказанія ихъ оставались безъ исполненія; отъ перваго до послѣдняго, вынуждалъ онъ должное къ себѣ уваженіе и совершенное послушаніе, въ чемъ впрочемъ ему нетрудно было успѣть; ибо его важныя заслуги, его воинская слава и личныя, блестящія достоинства, располагали всѣ сердца въ его пользу, не менѣе какъ и общая увѣренность въ твердую волю, съ которою стремился онъ къ справедливости и къ истинному благу.

Предпочтительно же его нравственность и безкорыстіе придавали дѣйствіямъ его всегда торжествовавшую силу. Въ этомъ отношеніи чистота его не получила и малѣйшаго пятна во все продолженіе войны. Ему представлялось много случаевъ обогатиться; но онъ не только пренебрегъ ими, но и вообще показывалъ такое отвращеніе къ притѣсненіямъ всякаго рода, къ поставкамъ и контрибуціямъ, налагаемымъ на непріятельскія земли, что Король никогда не дѣлалъ ему подобныхъ порученій. Отъ него

можно было ожидать отвѣта, подобнаго тому рѣшительному отказу, коимъ генераль Сальдернъ отдалилъ отъ себя приказаніе Короля «обобратъ на-чисто охотничій замокъ Губертсбургъ, и не позабыть себя при семъ случаѣ.» Подчиненнымъ ему войскамъ запрещалъ онъ всякаго рода насилія и грабежи. Сколько тогда ни служила военная добыча, особенно въ легкой конницѣ, поощреніемъ къ отважнымъ и отчаяннымъ подвигамъ, но онъ старался внушить и въ простаго солдата, что только добыча отбитая у неприятеля на самомъ полѣ сраженія, достойна чести воина. Въ этомъ отношеніи образъ мыслей его болѣе всего соответствовалъ чувствамъ Принца Генриха. Не смотря на то, что армія послѣдняго большею частію продовольствовалась на счетъ Саксоніи, и хотя ему надлежало допускать сборъ частыхъ контрибуцій и даже самый грабежъ при набѣгахъ на Богемію и на Франконію; но благомыслящій Принцъ при всякомъ случаѣ изъяслялъ отвращеніе отъ дѣйствій этого рода. Когда послѣ сраженія при Фрейбергъ, Князь Нейвидскій привелъ въ подкрѣпленіе Прусскія войска изъ Силезіи, которыхъ переходъ чрезъ Саксонію ознаменованъ былъ величайшими безпорядками, то Принцъ привѣтствовалъ генерала и офицеровъ

грозною рѣчью, объявляя имъ, что ихъ шестіе сходствовало съ набѣгомъ шайки воровъ и разбойниковъ, а отнюдь не съ походомъ воинскаго отряда. Не всѣ начальники Прусскихъ войскъ, но многіе изъ первенствовавшихъ генераловъ, раздѣляли этотъ благородный образъ мыслей, не позволяющій обогащаться во время войны ни чѣмъ инымъ какъ славою, приобретаемою собственно подвигами, и тѣмъ возмездіемъ которое жалуетъ государь. Едва ли кто отличался болѣе фельдмаршала Кейта такимъ благороднымъ образомъ мыслей: ему поручено было собрать контрибуцію со всей Богеміи; когда же въ слѣдующемъ году воспослѣдовала геройская смерть его ⁽¹⁾, всего имущества нашли у него едва 70 червонныхъ. Наравнѣ съ нимъ уважали Зейдлица за его безкорыстіе и великодушіе. Король, зная сколь мало заботился Зейдлицъ о своихъ денежныхъ обстоятельствахъ, благоволилъ принять на себя часть сихъ заботъ. Еще въ теченіи войны наименовалъ онъ его дростомъ города Флото ⁽²⁾, съ которымъ сопряженъ былъ

(1) При Гохкирхенъ.

(2) *Дростъ* есть прежнее наименованіе главнаго начальника городовъ въ Вестфаліи; съ этимъ званіемъ сопряженъ доходъ. Городокъ Флото лежитъ въ Прусскихъ владѣніяхъ Вестфаліи, на лѣвомъ берегу Везера. Зейдлицъ пользовался однимъ титуломъ, получая доходъ. Л.

годовой доходъ. Въ числѣ генераловъ, коихъ заслуги приобрѣли признательность и благоволеніе Короля, получалъ и Зейдлицъ повременно денежные подарки. Въ послѣдствіи, годовые доходы его въ качествѣ шефа полка и по званію инспектора кавалеріи простирались до 15,000 талеровъ, сумма достаточная въ то время для всѣхъ издержекъ, нужныхъ въ его положеніи, и даже для блеска, коимъ онъ любилъ окружать себя. Но на этомъ не ограничилась милость Короля. Когда Зейдлицъ купилъ имѣніе Миньковски при Намслау, изобилующее большими лѣсами, весьма благопріятствовавшими страсти его къ охотѣ, и выстроилъ въ немъ замокъ, то Король подарилъ ему на постройку 20,000 талеровъ и позволилъ сверхъ того, для удобнѣйшей продажи лѣса, принадлежащаго къ сей отчинѣ, безъ платежа гнать срубленный лѣсъ по ручью, который находился исключительно въ казенномъ вѣдомствѣ.

ЛТР

Равно какъ во время стараго Принца Дессаускаго маленькій лугъ близъ гор. Галле служилъ учебнымъ мѣстомъ для Прусской пѣхоты, такъ при Зейдлицѣ г. Олау сталъ школою для Прусской конницы и полкъ его имени образцомъ для всѣхъ полковъ. Начиная съ правилъ какъ

обходиться съ оружіемъ, съ первыхъ уроковъ верховой ѣзды, до производства всѣхъ полковыхъ построений и пространѣйшаго исполненія полевой службы, — все было у него опредѣлено и обозначено съ величайшею точностію, съ соблюденіемъ строгаго послѣдовательнаго порядка, и за всѣмъ надзиралъ онъ лично съ неутомимымъ вниманіемъ. Весь полкъ, рядовые и офицеры, ѣздили однообразно, съ одинаковою правильностію, быстро, легко, ловко, съ величайшею смѣлостію и отважностію. Одиночный всадникъ равно какъ и цѣлыя эскадроны должны были всегда сохранять совершенную власть надъ собою, ежемгновенно и во время самаго пылкаго движенія повиноваться каждому мановенію начальника, ежемгновенно умѣть то дать полную свободу лошади, то обуздать ея пылкость. Отважность при верховой ѣздѣ доходила до безразсудства. При приемѣ рекрутъ ожидало ихъ жестокое испытаніе. Коль скоро поступалъ на службу здоровый молодой рекрутъ или дворянинъ, (невидныхъ собою или слабыхъ вовсе въ полкъ не принимали), то начинали тѣмъ, что сажали ихъ на невыѣзжаныхъ лошадѣй, и погоня арапниками, пускали въ поле, представляя ихъ на произволь судьбы; кто сломилъ себѣ шею или кто былъ поврежденъ, о томъ

болѣе не было рѣчи; кто же выдерживалъ сіе первое, отважное испытаніе, держась на лошади крѣпко и безъ боязни, того ожидало обученіе по правиламъ. Изъ этого въ скоромъ времени оказалось слѣдствіемъ, что весь полкъ, въ особенности лейбъ-эскадронъ, состоялъ изъ отличнѣйшихъ, отважныхъ вѣздоковъ. Каждый рядовой, умѣя цѣнить себя, имѣлъ наружность и осанку офицерскую; что же касается до офицеровъ, то въ цѣлой арміи не было подобныхъ. Слѣдующій примѣръ, изъ многихъ, служить доказательствомъ тому, до какой степени совершенства довелъ Зейдлицъ свой полкъ. Король отправилъ нѣсколько кавалерійскихъ офицеровъ изъ Бранденбургской инспекціи въ Олау, чтобъ перенять порядокъ ученія генерала Зейдлица. Зейдлицъ сперва осмотрѣлъ ихъ въ верховой вѣздѣ, послѣ того поручилъ командовать эскадрономъ на ученьи; но дѣло шло плохо; онъ скоро кончилъ смотръ объявля, что на другой день покажетъ имъ, какъ конница должна производить ученье. Онъ вывелъ свой лейбъ-эскадронъ и самъ командовалъ имъ, поставивъ передъ фронтомъ лучшихъ офицеровъ изъ всего полка. Эскадронъ былъ выстроенъ на городской площади; по его приѣздѣ вынули палаши и заѣхавъ по три на право, поѣхали рысью къ

мѣсту, гдѣ обыкновенно учились. Здѣсь произведены были всевозможныя построения съ величайшею быстротою, послѣ чего эскадронъ пошелъ обратно рысью же; но вмѣсто того, чтобъ слѣдовать прямо въ городъ, Зейдлицъ повелъ его въ рѣку Олау, въ водѣ сдѣлалъ построение эскадрона, потомъ захавъ опять по три, повелъ на площадь, гдѣ разставилъ взводы такимъ образомъ, что второй полужэскадронъ сталъ между ратушею и лѣвою стороною домовъ, второй взводъ между ратушею и гауптвахтою, а первый взводъ между гауптвахтою и правою стороною домовъ. Тогда командовалъ онъ «строй эскадронъ» что было исполнено въ карьеръ и съ примѣрною правильностію. Чужіе офицеры удивлялись быстротѣ и совершенству; они ничего подобнаго никогда еще не видали. Зейдлицъ, улыбаясь, сказалъ оборотясь къ нимъ: «я хотѣлъ, господа, только показать, что конница въ состояніи исполнить при хорошемъ стараніи и доброй волѣ.» Онъ благодарилъ своихъ офицеровъ за вниманіе; рейтаровъ въ награжденіе угостилъ изобильнымъ баломъ.

Способнѣйшіе юноши знатнѣйшихъ домовъ Пруссіи и чужихъ земель старались служить въ семь полку; но какъ число офицерскихъ

мѣсть было ограниченное, то многіе должны были довольствоваться тѣмъ, что поступали на службу волонтерами. Молодые дворяне, снабженные въ избытокъ всею нужнымъ для отправленія службы, соревновали въ трудахъ и занятіяхъ; всякій умножалъ стараніе щеголять красвою лошадыю и отличать умѣньемъ управлять ею. Такимъ образомъ блескъ и красота плѣнительной наружности возвышали и придавали новую цѣну бодрой воинственной осанкѣ. Но если излишняя свобода и надменность, во время войны терятся въ опасностяхъ ея и въ стремленіи къ лучшей цѣли, то въ мирное время тѣ же самыя силы, которыя тамъ достойны похвалы, здѣсь становятся предосудительными и опасными. Молодежь того времени полагала достоинство и отличіе въ оказаніи буйной рѣзвости и суетной пышности. Хотя офицеры полка Зейдлица (¹) не отставали отъ другихъ и въ этомъ

(¹) Про щегольство офицеровъ Зейдлица полка рассказываютъ слѣдующее: извѣстно, что тогда мода была носить узко сшитое платье; до того доходило, что офицеры не иначе надѣвали лосиное вѣжное платье, какъ размочивъ възлази въ оно, послѣ чего висѣли въ немъ на протянутой жерди въ продолженіи многихъ часовъ, пока совершенно въ оно опускались. Осушенное на тѣлѣ одѣваніе казалось действительно какъ бы приплетымъ. Мы сообщали повѣствованіе сіе, какъ и по нынѣ о томъ существуетъ молва.

Прим. Автора.

отношеніи, но они не избѣгали строгаго взысканія, чему впрочемъ подвергались безропотно.

Безразсудная эта рѣзвость простиралась не только на предметы несущественныя, но оказывалась и въ важнѣйшихъ отношеніяхъ жизни. Собственная склонность Зейдлица невольно благопріятствовала обстоятельствамъ, возымѣвшимъ для него самого печальныя послѣдствія. Значительные доходы его позволяли ему содержать пышно устроенный домъ; онъ охотно угощалъ своихъ офицеровъ и съ радушіемъ принималъ гостей. Молодая его супруга любила увеселенія, свободное обращеніе и жизнь разнообразной разсѣянности. Кажется что и самъ Зейдлицъ, отвлекаясь иногда отъ семейныхъ обязанностей, и предаваясь по временамъ любовнымъ приключеніямъ, не обращалъ при началѣ должнаго вниманія на обстоятельства, казавшіяся незначительными, и коихъ подробное изслѣдованіе могло его оскорбить. Обыкновенно послѣ первыхъ привѣтствій оставлялъ онъ общество, собиравшееся у его супруги; онъ не бралъ участія въ концертахъ, прогулкахъ и празднествахъ, которыми она забавлялась въ кругу молодыхъ людей, и предпочиталъ прогуливаться верхомъ, или ѣздить на

охоту, или же, сидя въ кабинетъ, курить трубку съ однимъ или двумя товарищами. Такимъ образомъ молодой супругъ скоро обратилась въ привычку веселая бесѣда офицеровъ; наконецъ неприличіе поведенія ея сдѣлалось столь гласнымъ, что онъ принужденъ былъ развестись, послѣ четырехъ-лѣтняго брака. Она отъѣхала въ Берлинъ, оставя двухъ своихъ дочерей у отца, который мало имѣлъ времени ими заниматься. Перенеся равнодушно домашнее разстройство, онъ скоро вовсе позабылъ о немъ⁽¹⁾; оно только усилило отвращеніе его отъ шумныхъ обществъ и отъ столичной и придворной жизни. Онъ тѣмъ болѣе полюбилъ свое военное уединеніе, и мнимая скука сей жизни удовлетворяла его вкусу. Окрестности представляли полное удобство наслаждаться охотою; нерѣдко представлялся случай съ прежними успѣхами испытать и любовныя приключенія.

Смѣлая упражненія въ верховой ѣздѣ, продолжася Зейдлицомъ, и при коихъ онъ отваживался на все и исполнялъ все то, чего требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ, не всегда

(1) По другимъ извѣстіямъ, Зейдлицъ чрезвычайно огорченъ былъ и во все продолженіе жизни питалъ тайную скорбь.

кончались удачно. 1765 года, на смотре Королевскомъ при Лиссѣ, онъ упалъ съ лошади такъ несчастливо, что въ первую минуту полагали его мертвымъ, и онъ долгое время лежалъ безъ памяти. Король тотчасъ подъѣхалъ, сошелъ съ лошади, и съ радостію услышалъ о появленіи признаковъ жизни; онъ послалъ за своею каретою, чтобъ отвезти Зейдлица, и отправилъ пажу въ Бреславъ за лучшимъ докторомъ. Когда уже Зейдлицъ очнулся, но еще опасность не миновалась и онъ не могъ произнести ни слова, то Король былъ тронутъ до того, что принужденъ былъ отворотиться. Онъ во все время своего пребыванія ежедневно осведомлялся лично о состояніи больного, совѣщался обстоятельно съ врачами объ опасности ушиба, о пользѣ предложенныхъ средствъ, и при самомъ отъѣздѣ напоминалъ, чтобъ употребляли возможное раченіе. Зейдлицъ скоро выздоровѣлъ; приключившаяся ему неудача ни мало не остановила его отъ возобновенія по прежнему отважныхъ наѣздовъ и скачекъ. Онъ даже повторялъ головоломныя игры своихъ юныхъ лѣтъ, и какъ прежде пажемъ, теперь, въ геперальскомъ званіи, проскакивалъ межъ вертящихся крыльевъ вѣтреной мельницы; вся свита его должна была скакать вслѣдъ за нимъ. Однажды, прогуливаясь вер-

хомъ, встрѣтилъ онъ коляску, ѣхавшую весьма медленно по песку; въ коляскѣ сидѣлъ сельскій священникъ съ женою. Зейдлицъ, замѣтя что передняя часть коляски была весьма продолговата, такъ что между кузовомъ и козлами находилось достаточное пространство, недолго мысля, перескочилъ на лошади чрезъ коляску (1); всѣ сопровождавшіе его вслѣдъ за нимъ, къ великому испугу сидящихъ въ коляскѣ, которые однако же остались совершенно невредимы. Кто такъ мало щадилъ самого себя, отъ того нельзя было ожидать нѣжной попечительности о другихъ. По его мнѣнію отважный всадникъ долженъ былъ встрѣчать на конѣ безбоязненно всякую опасность, стараться всегда преодолѣть ее, никогда не избѣгать. Несчастные случаи часто повторялись въ полку, но Зейдлицъ не обращалъ на это вниманія, утверждая, что это жертвы, которыхъ необходимо требовала военная служба и во время мира. Однажды Король спросилъ его, отъ чего

(1) Въ 1809 году я былъ очевидцемъ тому, какъ нынѣшній генералъ-отъ-кавалеріи Графъ Л., тогда полковникъ кавалергардскаго полка, прогуливаясь верхомъ по Невскому проспекту въ С. Петербургѣ, и подозванный дамою къ бульвару, отъ котораго различалъ его шедшій обозъ, нагруженный товарами, перескочилъ плавно и легко чрезъ одни сани; всѣ зрители ахнули. Этотъ скачокъ стоилъ того скачка, какъ одинъ всадникъ достоинъ другаго. Л.

у него въ полку столько людей ломають себя шею? «Вашему Величеству стоитъ только «приказать, отвѣчалъ Зейдлицъ, и это впредь. «не случится; но вмѣстѣ съ тѣмъ не моя будеть вина, если полкъ ничего порядочнаго «не совершитъ противъ непріятели.» Супруга министра фонъ-Шлаберндорфа не скрывала опасенія своего о сынѣ, страшась увидѣть его изувѣченнымъ отъ безразсудной ѣзды, о которой ей рассказывали ужасы; Зейдлицъ утѣшилъ ее сими словами: «успокойтесь, сударыня; корнета и кошку, можно сбросить съ башни, не «сломя имъ головы.» Не менѣе опасности представляла охота, отъ которой безъ стыда никто не могъ уклониться. Для молодыхъ офицеровъ напротивъ того столько же было лестно, сколько и славно, ѣздить съ Зейдлицомъ на охоту; кромѣ прекрасныхъ лошадей, весьма высоко цѣнили хорошихъ лягавыхъ собакъ; его собаки были приучены до того, что приносили добычу на лошадь. Въ стрѣльбѣ изъ ружья и изъ пистолета Зейдлицъ, какъ пѣшій такъ и съ лошади, служилъ для всѣхъ превосходнѣйшимъ образцемъ. Въ этомъ родѣ упражненій показывали великую смѣлость, ввѣряя взаимно жизнь свою искусству чужой руки; Зейдлицъ съ равною охотою держалъ

хорошему стрѣлку вмѣсто цѣли талеръ между пальцами, или самъ стрѣлялъ въ подобную цѣль. Пономарю въ г. Олау, звонившему три раза въ день въ колоколъ, висѣвшій на ратушѣ, онъ перѣдко изъ оконъ своихъ перестрѣливалъ веревку; глиняныя трубки воткнутыя въ землю, отстрѣливалъ онъ малыми кусками. Отысканныя полковые и инспекторскіе приказы Зейдлица заключаютъ занимательное доказательство его попеченій о службѣ. Января 20 ч. 1766 г. отданъ имъ слѣдующій приказъ: «Эскадронные командиры должны тщательно осмотрѣть, во всѣхъ ли командахъ ⁽¹⁾ лошади осѣдланы, обовьючены, омундштучены по полковому образцу и пригнаны ли стремена какъ было показано. Замѣтивъ, что многіе солдаты слишкомъ укоротили стремена, предлагаю наблюдать, чтобы стремена были опущены въ такую мѣру, чтобы солдаты не сидѣли въ сѣдлѣ какъ сидятъ на мягкомъ стулѣ, но чтобы сѣли въ глубину сѣдла, а ноги опустили бы почти перпендикулярно внизъ. Подвязывать хвосты позволяю только во время большой грязи. Съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ должно хвосты подстригать и строго

(1) Должно полагать, что въ штабъ-квартирѣ его были собраны учебныя команды отъ полковъ его инспекціи.

смотреть за тѣмъ, чтобъ они были сохранены, но не порчены чещаніемъ или небрежливимъ чищеніемъ другаго рода. Рекрута не сажать на лошадь, пока не получить пѣшей выправки и не прежде обучать карабиннымъ приемамъ, пока не будетъ съ ловкостію стоять и маршировать; сажая на лошадь не давать стремянъ пока не возьметъ пристойной и правильной посадки. Вообще повторяю напоминаніе, чтобъ господа офицеры приложили возможное стараніе, къ искорененію изъ солдатъ крестьянскихъ приемовъ, внушая въ него какъ можно болѣе честолюбіе, и напоминая ему, что рейтаръ можетъ быть совершеннымъ солдатомъ только тогда, когда вѣнъ строя и въ отсутствіи офицеровъ онъ будетъ имѣть видъ благопристойнаго, порядочнаго человѣка. Господа офицеры приложатъ стараніе, чтобъ совершенно обучить своихъ солдатъ до наступленія весны, дабы тогда уже немедленно начать шереножное ученіе, а не въ то время когда полкъ будетъ въ сборѣ, какъ сіе случилось въ прошедшемъ году.» Попеченіе о томъ, чтобы солдатъ по наружности отличался рѣзкою чертою отъ всякаго другаго званія, такъ много занимало генерала, что уже на другой день опять воспослѣдовалъ приказъ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ мнѣ случилось встрѣ-

чать уволенныхъ въ отпускъ солдатъ, которые отличаются отъ крестьянъ ничѣмъ инымъ какъ некоторыми частями казенной одежды, и которые такіе неучки, что не умѣютъ даже назвать по имени своего эскадроннаго командира, то я принужденъ снова напомнить господамъ полковымъ начальникамъ, чтобы они лично и чрезъ господъ штабъ-офицеровъ повѣрили, согласно приказаніямъ Короля, не увольняютъ ли господа ротмистры всехъ желающихъ въ отпускъ, отчего непремѣннымъ было бы слѣдствіемъ, что послѣ долговременнаго мира нашлись бы въ эскадронахъ люди, которые при выступленіи въ походъ не будутъ ни малѣйшаго имѣть понятія о службѣ и своихъ обязанностяхъ противу неприятеля. Почему возлагаю на господъ полковыхъ командировъ и штабъ-офицеровъ, чтобъ подтвердили подчиненнымъ имъ офицерамъ неутомимо стараться о доведеніи людей своихъ, и чтобъ не увольняли въ отпускъ поступившихъ въ эскадронъ рекрутъ, но прежде сдѣлали бы его солдатомъ, безъ чего полки при укомплектованіи будутъ многочисленны по числу головъ, но слабы по числу способныхъ солдатъ. Уволенныхъ въ отпускъ слѣдуетъ ежемѣсячно приказать осматривать чрезъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ наз-

начать не по очереди, но по достоинству. Они обязаны подтвердить отпускнымъ, что и во время отпуска они должны вести себя какъ прилично солдату. Господамъ штабъ-офицерамъ известна воля Короля, согласно съ коей всегда водилось въ Прусской арміи, чтобъ находящійся въ отпуску, по воскресеньямъ и вообще во всякое время, если онъ не занятъ работою, въ городахъ и гдѣ расположены войска, находился въ полномъ мундирѣ и при палашѣ. Каждый офицеръ на мѣстѣ своего расположенія долженъ наблюдать за исполненіемъ сего приказа и затѣмъ, чтобъ рейтары, драгуны и гусары, отъ полковъ Силезской инспекціи, въ дни воскресные и внѣ работы, не ходили бы въ одеждѣ неприличной для Пруссаго войска. Я увѣренъ, что долкъ моего имени, постоянно удостоенный досель благоволенія Его Величества, постарается сохранить оное и на будущее время, исполняя въ величайшей точности вышепредписанное.»

Другое позднѣйшее предписаніе на имя маіора Минквица примѣчательно по опредѣлительности самыхъ мелочныхъ предметовъ, и по благоклонному добродушію, съ каковымъ оно написано: «Прѣшу Ваше Высокоблагородіе съдѣ-

латъ одолженіе объѣхать полкъ, и привести въ исполненіе слѣдующее. Каждый офицеръ, отъ перваго до послѣдняго, долженъ быть во всегдашней готовности выступить въ походъ, и для сего имѣть все въ надлежащей исправности; Ваше Высокоблагородіе осмѣтрите у Гг. офицеровъ выючныя ихъ сѣдла съ полнымъ выюкомъ и донесете мнѣ, у кого оныя не въ порядкѣ. Начиная съ 1-го Апрѣля, всѣмъ офицерамъ моего полка приказываю носить во всякое время на службѣ и внѣ службы одни только форменныя сапоги съ крагами. Равнымъ образомъ каждый офицеръ долженъ имѣть къ 1-му Мая мундирный сюртукъ, подбитый бѣлою саржею и довольно широкій, чтобъ надѣть его сверхъ колста; пуговицы, обшлага, воротникъ, все должно быть совершенно такъ сшито, какъ сшилъ мнѣ портной Ланге. Кто желаетъ, можетъ приказать подложить между сукномъ и подкладкою фланель, байку, или что ему угодно, но наружность и форма должны быть совершенно единообразны; на будущее время я ни подъ какимъ видомъ не допущу разности въ полку, ибо я вижу ясно, что при малѣйшемъ снисхожденіи полкъ исеестрится; пестрота же неприлична для полка Прусской арміи. Сверхъ того предписываю, чтобъ въ караулъ, на ученья

и вообще на службѣ, офицеры носили желѣзные шпоры; серебряныя же впредь до дальнѣйшаго приказа берегли бы для парада. Г-нъ маіоръ подтвердитъ эскадроннымъ командирамъ, чтобъ орчаки въ эскадронахъ, равно и запасныя, были надежныя и не ломались, какъ случилось часто на первомъ маршѣ, отчего происходитъ порча лошадей; чтобы карабины и пистолеты были въ надлежащей исправности, такъ чтобы изъ всякаго можно непременно сдѣлать выстрѣлъ. Все сіе относится къ аммуниціи, состоящей на людяхъ, столько же, сколько и для сверхъ-комплектной. Съ наступленіемъ весны я неожиданно приѣду въ эскадроны, осмотрю сѣдла и оружія, и возьму на дурное замѣчаніе того изъ эскадронныхъ командировъ, который не заботится о сихъ важнѣйшихъ предметахъ. Къ симъ главнымъ предметамъ причисляю и чушки, которыя такъ должны покрывать пистолеты, чтобы они никогда не могли быть замочены дождемъ. Равноумно, г-нъ маіоръ, прикажите показать себѣ провіантскія фуры, обозъ съ упряжью и со всемъ къ нему принадлежащимъ и донесите мнѣ, если гдѣ найдете не въ такомъ видѣ, чтобъ можно было его во всякую минуту употребить. Нѣсколько лѣтъ уже тому назадъ я отдалъ приказаніе, чтобы всѣ офицеры

непремѣнно читали мои приказы; нынѣ вторично подтверждаю о томъ; мои приказы не имѣютъ другой цѣли, какъ возвышеніе чести полка и пользу Королевской службы; предводительствуя людьми, исполненными по большей части истиннымъ честолюбіемъ, я вправе ожидать, что каждый, въ своемъ кругу дѣятельности, приложитъ стараніе содѣйствовать къ сохраненію старой славы полка.»

Въ заключеніе помѣстимъ приказъ, отданный Зейдлицомъ послѣ послѣдняго его осмотра. «При осмотрѣ, — сказано въ началѣ сего приказа, — я видѣлъ нѣсколько фланкеровъ, фланкировавшихъ почти съ тою же ловкостію, съ какою Силезскій крестьянинъ стрѣляетъ изъ пистолетовъ, когда онъ приглащается на свадьбу. Надобно полагать, что Королевскіе приказы, въ слѣдствіе конхъ кирасиры, драгуны и гусары должны быть обучены по одиночкѣ въ управленіи оружіемъ, или позабыты многими офицерами, или другими вовсе не читаны; во избѣжаніе чего повторяю, чтобы всѣ приказы сего рода, отдаваемые по полкамъ, непремѣнно были сообщаемы всѣмъ офицерамъ, и чтобы господа штабъ-офицеры при объѣздѣ полковъ удостовѣрялись, приведено ли это въ исполненіе. Ко-

роль повелѣть сонзволить, чтобъ никогда здоровая лошадь не стояла на конюшнѣ болѣе двухъ дней, и чтобъ непрерывно помышляли о томъ, какъ бы довести солдата до возможной ловкости и вѣрности въ управленіи лошадью и оружіемъ. И такъ прошу всѣхъ штабъ-офицеровъ принять мѣры свои и приложить стараніе, чтобъ въ полку безпрестанно все трудилось надъ усовершенствованіемъ онаго, и чтобъ молодые офицеры не были столь целовки, какъ до сего во время полковыхъ ученій, которыя производить всегда безъ приготовленія. Черезъ каждыя двѣ недѣли полковые командиры благоволятъ доставлять ко мнѣ чрезъ ординарцевъ рапорты о томъ, что въ теченіи двухъ недѣль во всякомъ полку было сдѣлано для достиженія цѣли, предназначенной Её Величествомъ.»

Изъ описанія характера и жизни нашего героя, сочиненія капитана Бланкенбурга, присовокупимъ къ сообщеннымъ нами подробностямъ общій очеркъ, въ которомъ соединены въ одно цѣлое помянутыя отношенія по службѣ; мы заимствуемъ собственныя слова автора: «Обхожденіе Зейдлица съ своими подчиненными, снисходительность и кротость, съ которыми онъ исправ-

лялъ ошибки, замѣчалъ недостатки и несовершенства, столько же возбуждали раченіе и добрую волю къ улучшенію, сколько прощательность, съ которою онъ указывалъ на причины недостатковъ и, на средства къ улучшенію, представляли возможность къ исправленію ихъ. Ученія, производимыя имъ во время объѣздовъ полковъ и эскадроновъ, заключали въ себѣ какъ бы начало совершенства военныхъ эволюцій. Предпочтительно избиралъ онъ тѣ, которыя необходимо и полезны; притомъ если онъ замѣчалъ, что которой полкъ изъ инспекціи его не довольно смѣло и отважно ѣздилъ верхомъ, то избиралъ для ученія его самое неровное поле, заключающее по черемъно то горы, то ложбины, или подобнаго рода затрудненія. Офицерамъ, коихъ рѣвность къ службѣ и честность были ему извѣстны, оказывалъ онъ отличное уваженіе и довѣренность, даже и тогда, когда они не отличались особеннымъ дарованіемъ, и принималъ дружеское участіе въ ихъ дѣлахъ. Выговоры, которые онъ принужденъ былъ дѣлать подчиненнымъ, никогда не оскорбляли ихъ чести, сего свѣтлыника военнаго званія, никогда по содержанию и по умѣреннымъ выраженіямъ не унижали собственного достоинства его. При всей своей пылкости, онъ ни-

когда не выходилъ изъ себя, никогда не кричалъ и не махалъ руками какъ сіе иногда случается.»

Нѣкоторыя происшествія, о коихъ сохранились отчасти письменныя доказательства, отчасти словесныя преданія, ясно означаютъ общій духъ времени и особенныя принадлежности лица; мы уже видѣли, что Зейдлицъ въ отношеніи къ подчиненнымъ сохранялъ полную власть повелителя согласно духу того времени; но слѣдующая черта доказываетъ, что онъ великодушно удовлетворялъ требованіямъ чести, если онѣ были основательны. Въ сраженіи при Фрейбергѣ, Зейдлицъ, кипя нетерпѣніемъ при видѣ медленнаго наступленія Прусскихъ войскъ, сказалъ нѣсколько язвительныхъ словъ офицеру кирасирскаго отряда, стоявшему, какъ казалось, въ бездѣйствіи; офицеръ, вмѣсто отвѣта, исполнилъ блестящимъ образомъ возложенное на него дѣйствіе, коль скоро представился къ тому случай. Генералъ, чувствуя, что онъ несправедливо оскорбилъ офицера, на другой же день извѣстилъ его чрезъ полковаго командира, что готовъ дать ему удовлетвореніе, и это великодушное предложеніе вполне замѣцало самое дѣло, при существовавшихъ отно-

шеніяхъ одного къ другому. Та же побудительная причина чести заставляла дѣйствовать иначе въ обстоятельствахъ другаго рода: одинъ офицеръ его полка, находясь въ затрудненіи, хотѣлъ сдѣлать жалобу заимодавца недѣйствительною тѣмъ, что ссылаясь на Королевскій приказъ, коимъ офицерскіе долги объявлялись незаконными и необязательными; Зейдлицъ едва узналъ объ этомъ нарушеніи довѣренности и чести, какъ велѣлъ тотчасъ взять офицера подъ арестъ, принудивъ его отказаться отъ своего неблагороднаго поступка. Но если иногда и употреблялась во зло начальничья власть, то тѣмъ болѣе должно цѣнить тѣ случаи, гдѣ она сама назначала себѣ предѣлы. Въ г. Олау находилось семейство, ксого кругъ оживлялся присутствіемъ прекрасныхъ и плѣнительныхъ дочерей; къ одной изъ нихъ Зейдлицъ питалъ большую склонность; но въ то же время одинъ изъ его офицеровъ горѣлъ сильнѣйшею къ ней страстію. Соперникъ сталъ непріятель генералу и онъ перевелъ его въ другой эскадронъ. Но влюбленный офицеръ тѣмъ чаще притѣзжалъ въ городъ тайно, въ партикулярномъ платьѣ, и пробывъ до-свѣту въ городѣ, возвращался опять въ свой эскадронъ. Наконецъ Зейдлицъ узналъ объ этомъ; въ одно туманное осеннее

утро онъ весьма рано выѣхалъ на охоту, нарочито избравъ дорогу, по которой офицеру необходимо было возвращаться изъ города. Молодой нашъ офицеръ, въ партикулярной венгеркѣ и въ фуражкѣ, не подозревая ничего, скачетъ безопасно по дорогѣ и внезапно останавливается глазъ на глазъ противъ генерала, котораго избежать не было возможности; онъ въ величайшемъ замѣнательствѣ начинаеть извиняться; но Зейдлицъ прерываетъ его: «продолжайте вашу дорогу, говоритъ онъ, я васъ не знаю; но остерегайтесь, чтобъ генералъ не узналъ объ этомъ, а то кончится дурно.» Въ послѣдствіи офицеръ женился на этой дѣвицѣ. Подобныя мѣры снисхожденія съ его стороны были нѣрѣдки; онъ умножали довѣренность къ нему, не уменьшая боязни. Случалось, что офицеры безъ позволенія увѣжали изъ Олау въ Бреславъ; Зейдлицу обыкновенно доносили о томъ немедленно; тогда при живости своей онъ тотчасъ бросался на лошадь, и гнался въ слѣдъ за офицеромъ. Если смѣльчакъ былъ настигнутъ, то его ожидало строжайшее взысканіе; если же ему удалось ускакать, то не только не подвергался нареканію, но напротивъ Зейдлицъ гласно провозносилъ рѣзвость его ѣзды и быстроту коня.

Зейдлицъ ненавидѣлъ изнѣженность и пѣгу, и не терпѣлъ ихъ близъ себя. Всѣ офицеры должны были носить по службѣ, или когда они и кромѣ того съ нимъ сходились, твердые галстухи изъ сукна или изъ шерстяной ткани, на подобіе рядовыхъ. Однажды одинъ изъ офицеровъ пришелъ къ обѣду въ бархатномъ галстухѣ; Зейдлицъ сказалъ съ досадою: «я не привыкъ видѣть за своимъ столомъ мастеровыхъ;» и не прежде успокоился, какъ только когда ему сказали, что офицеръ страдалъ болью горла. Король самъ ненавидѣлъ всѣ предметы роскоши и пѣги въ войскѣ и не пропускалъ случая ихъ искоренить. Однажды, увидѣвъ въ своей передней прекрасную муфту, бросилъ ее въ каминъ; онъ полагалъ, что муфта принадлежала Зейдлицу и не хотѣлъ пропустить случая дать урокъ даже сему уважаемому имъ генералу; но муфта принадлежала Испанскому посланнику, и Зейдлицъ немало тѣшился надъ симъ недоумѣніемъ. Онъ самъ не слишкомъ умѣрялъ свои выговоры когда дѣло шло о привычкахъ пѣги, вмѣшивая иногда въ упреки свои такія отношенія, которыя были чужды предмета. Въ его полку служилъ храбрый и весьма свѣдушій офицеръ, но флегматическаго характера, занимавшійся иногда въ часы досуга

руководьями по обыкновенію того времени. Зейдлицъ весьма его уважалъ, но занятія его были ему неприятны, а потому однажды во время ученія онъ сказалъ ему громко: «государь мой, что вы такъ сонно стоите передъ взводомъ, какъ будто сидите передъ филейнымъ ящичкомъ.» Иногда старался онъ къ упреку присовокупить похвалу, заслуженную прежнимъ поведеніемъ; одному изъ его полковъ назначилъ онъ смотръ, но лишь только сталъ полкъ выступать на ученье, какъ полился сильный дождь; шефъ полка, видя въ этомъ препятствіе къ ученію, послалъ спросить не прикажетъ ли генералъ отложить; на что ему Зейдлицъ велѣлъ сказать: «въроятно полкъ не пропадетъ отъ дождя; онъ уже видитъ худшую погоду на полъ сраженія и не заботился о ней.»

Никто не находился въ столь непосредственной зависимости отъ сего генерала какъ адъютанты его; они служили каждой его мысли ближайшими орудіями; оттого могли они лучше другихъ постигать все его свойства. Между ими въ особенности вспомнемъ о полковомъ адъютантѣ Рейбницѣ; изъ оставленныхъ имъ извѣстій почерпнуты многія черты, здѣсь въ первый разъ сообщаемыя публикѣ. Служа

еще юнкеромъ въ гусарскомъ полку Вернера, онъ былъ посланъ въ ординарцы къ генералу во время рекогносцировки; рѣзвая его ѣзда, вѣрные отвѣты и точное исполненіе всѣхъ повелѣній понравились Зейдлицу; онъ хотѣлъ перевести его корнетомъ въ свой кирасирскій полкъ. Но юнкеръ былъ бѣденъ и имѣлъ слово своего эскадроннаго командира, маіора графа Кроковъ, быть вполне экипированнымъ если по производствѣ въ офицеры останется въ полку. Теперь, хотя неожиданно его и произвели въ офицеры, но безъ пособія на которое онъ надѣялся и въ такой полкъ, гдѣ великолѣпнѣйшая экипировка содѣлывала всякое пособіе тѣмъ болѣе необходимымъ. Маіоръ представилъ генералу въ присутствіи юнкера, взирающаго на свое счастье со слезами въ глазахъ, что Рейбницъ по бѣдности не въ состояніи вступить въ кирасирскій полкъ, и негодно ли Его Превосходительству избрать вмѣсто его другаго юнкера съ большимъ достаткомъ. Зейдлицъ отвѣчалъ съ холодностью и сурово: «если бы я желалъ, чтобъ мнѣ предлагали, то я бы васъ спросилъ о томъ. Мнѣ юнкеръ Рейбницъ понравился и я беру его корнетомъ въ мой полкъ; если онъ будетъ исполнять свои обязанности, и возложить свою надежду на Бога и потомъ на меня, то никогда

не будетъ оставленъ.» Дѣйствительно, по щедрости Зейдлица онъ получилъ большею частию все, что Кроковъ ему обѣщалъ. Генераль, наблюдавшій со вниманіемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ стараніе и ревность корнета, произведеннаго наконецъ въ поручики, рѣшился взять его къ себѣ въ званіи полковаго адъютанта; но при началѣ онъ выдержалъ испытаніе и долженъ былъ доказать, какъ далеко простирается его бодрствованіе, расторопность и вниманіе. Въ одну бурную ночь среди зимы, генераль приказываетъ призвать къ себѣ новаго адъютанта; онъ тотчасъ является, одѣтый по формѣ, въ колетѣ, безъ сюртука. Зейдлицъ спрашиваетъ у него, сколько женатыхъ природныхъ Прусаковъ въ полку, сколько у нихъ дѣтей и тому подобное; адъютантъ отвѣчаетъ опредѣлительно и ясно; генераль его отпускаетъ. Не прошло достаточно времени на то, чтобъ раздѣться и предаться сну, какъ адъютанта снова зовутъ къ генералу; онъ является съ прежнею поспѣшностію и на вопросъ, въ которомъ эскадронѣ находится самый рослый кирасиръ, отвѣчаетъ коротко и ясно; послѣ чего шефъ опять отпускаетъ его. Такимъ образомъ призываетъ онъ его въ ту же ночь еще и въ третій разъ, по мало-важнымъ дѣламъ, которыя можно было отло-

жить до слѣдующаго утра или еще дальѣе. Адью-тантъ, однаково бодрый, веселый и ко всему готовый, не показывалъ ни малѣйшаго нетерпѣ-нія. Когда же въ 4 часа по утру онъ явился въ четвертый разъ къ генералу, сидѣвшему въ креслахъ, то Зейдлицъ посмотрѣвъ съ удоволь-ствіемъ на неусыпнаго офицера, сказалъ: «я хотѣлъ только видѣть не досадуете ли вы, что я посылаю за вами такъ часто; но такъ какъ вы всегда равно скоро приходили, и тотчасъ мнѣ отвѣчали удовлетворительно на самыя маловаж-ныя мои вопросы; вашъ же гардеробъ въ такомъ положеніи, что въ холодныя ночи вы легко можете простудиться, то прошу васъ принять эти пять червонцевъ и приказать сшить себѣ сюртукъ.

Заботы и труды, равно и преимущества, тѣсно сопряженныя съ должностью отличительной и лестной, ясно представляются изъ слѣдующихъ рассказовъ. Было время что кирасиры на ученьи теряли часто свои шляпы (1). Этотъ безпорядокъ такъ прогнѣвилъ Зейдлица, что въ одно утро

(1) Головной уборъ Прусскихъ кирасиръ того времени была невысокая трехъ-угольная шляпа съ желѣзнымъ крестомъ надъ тульею, для предохраненія головы отъ сабельнаго удара; до Семилѣтней войны, шляпы были обшиты галу-номъ, но тогда для отличія отъ Русскихъ кирасиръ, Фридрихъ далъ своимъ кирасирамъ султану. А.

при выступленіи на ученье онъ объявилъ, что рейтаръ съ котораго опять свалится шляпа, будетъ наказанъ 20 ударами, унтеръ-офицеры взводные посажены подъ арестъ на три дня, взводный офицеръ на 24 часа. Въ этотъ самый день онъ былъ весьма недоволенъ всѣмъ ученьемъ вообще и отдалъ приказаніе, чтобы по полудни всѣ офицеры явились верхами, произвести полковое ученье безъ солдатъ. Онъ самъ командовалъ всѣ движенія, офицеры старались показать полное вниманіе и ревность; ученье шло хорошо, оставалось окончить прохожденіемъ мимо его въ галопъ. Рейбницъ скачетъ впереди полка; вдругъ лошадь его начинаетъ горячиться и шалить, и въ одну мншуту шляпа его падаетъ съ головы въ виду генерала; но она имѣя къ счастію, по тогдашнему образцу, прямыя и внизу широкія поля, оттого упала прямо на глыбу земли султаномъ къверху. Адъютантъ пользуется сею выгодою, поворачиваетъ немного лошадь, нагибается, схватываетъ шляпу за султанъ, и надѣваетъ ее съ величайшею ловкостію и такъ скоро, что не выходя изъ амюра, проѣзжаетъ мимо генерала галопомъ; Зейдлицъ не говоря ни слова, приказываетъ ему притти по окончаніи ученья. Адъютантъ входитъ въ большомъ смущеніи; но генераль, куря спокойно

трубку, ласково къ нему обращается съ симп-
словами: «какъ вы думаете, для чего прика-
залъ я вамъ притти?» Рейбницъ признается, что
опасается быть первымъ, надъ которымъ угроза
того дня должна быть приведена въ исполне-
ніе, замѣчаетъ ему однако, что шляпа его все-
гда сидитъ на головѣ такъ крѣпко, какъ буд-
то она прибита гвоздемъ, но оттого только
упала, что лопнулъ ремень. Зейдлицъ повѣ-
ривъ шляпу, объявляетъ, что онъ отмѣняетъ
взысканіе потому, что Рейбницъ искусно испра-
вилъ свою ошибку; что же касается до лоша-
ди, то надо дать ей больше корму, дабы она
немного отяжелѣла и успокоилась; для этого
онъ можетъ употребить свертки съ деньгами,
лежавшіе на каминѣ. — Второй расказъ содер-
житъ подобное заключеніе: по близости г. Олау
ударилъ молнія, отчего загорѣлась деревня;
но по причинѣ большихъ дѣсовъ и сильнаго
дожда нельзя было тотчасъ узнать, которая
деревня именно. Адъютанту немедленно при-
казано скакать въ ту сторону, гдѣ горѣло, чтобъ
отыскать мѣсто пожара, и освѣдомиться о по-
дробномъ положеніи дѣла. Не прошло полтора
часа, адъютантъ возвращается весь измоченный
ждемъ. Зейдлицъ видитъ его, и зоветъ изъ
окна; Рейбницъ тотчасъ поворачиваетъ лошадь,

перескакиваетъ чрезъ водоемъ, находящійся при колодезѣ, предъ домомъ, и останови лошадь какъ вкопанную на мѣстѣ, спрашиваетъ что генералу угодно. «Теперь только то, отвѣтствуетъ Зейдлицъ, чтобъ вы себѣ шею не сломали; преодѣньтесь и приходите ко мнѣ.» Когда Рейбницъ возвратился, то изъ его донесенія оказалось, что въ короткое время онъ проскакалъ почти 4 мили; оттого послѣдній скачекъ его усталой лошади былъ такъ опасенъ. «Я вамъ приказываю, сказалъ генералъ, не ѣздить очертя голову; шею ломаютъ одинъ только разъ; но дабы лошадь ваша сохранила свои силы, и пришла въ тѣло, то возьмите эти 20 талеровъ; благодарю васъ за усердіе и ревность.» Эти слова, сказанныя въ присутствіи многихъ свидѣтелей, (у Зейдлица случились въ то время знатные гости,) почитались наравнѣ съ величайшею наградою.

ГЛАВА VII.

Въ 1767 году Зейдлицъ возведенъ на степень генерала-отъ кавалеріи. Такъ какъ послѣ Семи лѣтней войны Король не производилъ въ фельд-маршалы, то чинъ полнаго генерала былъ наивысшее военное достоинство. Но положеніе его не перемѣнилось, и кругъ его дѣйствія остался тотъ же самый. Онъ по прежнему пребылъ инспекторомъ расположенной въ Силезіи конницы, объѣзжалъ полки и училъ ихъ, особенно занимаясь своимъ кирасирскимъ полкомъ, еще болѣе своимъ лейбъ-эскадрономъ, стоявшимъ въ Олау; находясь постоянно предъ его глазами, сей эскадронъ испытывалъ вполнѣ всю

строгость его и вмѣстѣ съ тѣмъ все доказательство благосклонности. Когда Король прїѣзжалъ въ Силезію для осмотра войскъ, то Зейдлицъ оставался увѣренъ, что его конница можетъ удовлетворить всеѣмъ справедливымъ требованіямъ, хотя Король не всегда былъ щедръ на похвалы. Зейдлицъ рѣдко присутствовалъ при маневрахъ въ Потсдамѣ, развѣ когда приглашеніе Короля было въ видѣ повелѣнія; въ 1768 году онъ посѣтилъ Потсдамъ въ послѣдній разъ. Равно и отъ полковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Зейдлица, не призывали офицеровъ въ Потсдамъ, какъ то дѣлалось съ другими полками, конхъ офицеры ѣздили обучаться и брать примѣръ съ образцовыхъ войскъ. Король былъ увѣренъ, что Олауское училище было превосходнѣе всехъ прочихъ. Слава эта распространилась по всему войску и даже въ чужихъ земляхъ была вездѣ признаваема. По этому во время большихъ смотровъ Зейдлицъ сіялъ въ полной славѣ; сограждане и иноземцы съ равнымъ вниманіемъ взирали на славнаго кавалерійскаго генерала, войско и народъ произносили имя его съ восхищеніемъ.

Въ 1769 году Императоръ Іосифъ II желалъ имѣть свиданіе съ Фридрихомъ Великимъ.

Смотръ, который Король обыкновенно производилъ при Пойссе надъ войсками верхней Силезіи, назначенъ былъ удобнѣйшимъ для того случаемъ. Императоръ въ особенности изъявилъ Королю желаніе видѣть тамъ славный кирасирскій полкъ Зейдлица. Хотя полкъ этотъ не принадлежалъ къ войскамъ верхней Силезіи, но высокому гостю нельзя было отказать. Королю уже это было неприятно, хотя онъ не изъявилъ своего неудовольствія; но кромѣ этого обстоятельства одно особенное несчастье содѣйствовало къ тому, чтобы честь и слава Зейдлица были помрачены въ эти дни различными неприятностями. Король съ самаго начала уведомилъ Зейдлица о желаніи Императора, прибавивъ однако своеручно на оборотъ письма: «это остается единственно для вашего свѣдѣнія.» Зейдлицъ, не замѣтивъ прибавленія, сказалъ напротивъ того своему инспекторскому адъютанту, что онъ можетъ тотчасъ сообщить это извѣстіе своему отцу, министру Шлаберндорфу, въ Бреславль. Скоро новость распространилась и дошла въ Берлинъ. Королю было это чрезвычайно неприятно, особенно когда узналъ откуда молва взяла свое начало. При первомъ свиданіи съ Зейдлицомъ въ Силезіи, Король спросилъ его угрюмо: «давно ли онъ сталъ болту-

номъ?» Зейдлицъ, смутившись противъ своего обыкновенія, объясняетъ, что ему казалось нужнымъ сообщить это дѣло своему адъютанту, чрезъ что извѣстіе распространилось. Король обыкновенно говаривалъ съ молодымъ Шлаберндорфомъ, но тогда посмотрѣлъ на него сурово, и поѣхалъ далѣе.

Предъ смотромъ Король велѣлъ спросить Зейдлица, не желаетъ ли онъ новыхъ штандартовъ для полка, и не полагаетъ ли еще что нужнымъ для украшенія. Зейдлицъ отвѣчалъ, что славнѣе для полка имѣть на смотру прострѣленные во время войны штандарты, но выпросилъ новые украшенія къ литаврамъ потому, что литавры были отбитыя у Австрійцевъ, и Императоръ легко бы могъ ихъ узнать по кистямъ и перевязямъ. Король тотчасъ согласился на эту просьбу; но хотя самъ оказывалъ Императору всевозможное уваженіе, избѣгая тщательно всего, что могло казаться для него не приятнымъ, не менѣе того не находилъ нужнымъ, чтобъ генералы его брали подобныя попеченія.

Во время смотра Зейдлицъ обращалъ на себя общее вниманіе. Императоръ входилъ во весь по-

дробности службы, просилъ объясненія каждаго предмета и находился при всѣхъ построеніяхъ, произведенныхъ по командѣ Зейдлица полкомъ его. При одномъ быстромъ построеніи произнесъ Императоръ сіи лестныя слова: «господинъ генераль Зейдлицъ! это была штука *à la Rosbach.*» Можетъ быть, что похвалы изъявленные Императоромъ на счетъ Прусской конницы и славнаго ея начальника, нѣсколько теряли свою цѣну, тѣмъ, что онъ болѣе обнаруживали намѣреніе Императора хвалить, нежели точное знаніе дѣла; это тѣмъ болѣе возвышало цѣну малѣйшей похвалы изъ устъ столь великаго знатока, каковъ былъ Фридрихъ. Но Король во все время маневровъ не далъ и малѣйшаго знака удовольствія, казалось онъ вовсе не обращалъ вниманія на Зейдлица. Изъ сего родились раздражительность и холодность; Зейдлицъ съ своей стороны не старался приблизиться къ Королю, но напротивъ того удалялся отъ него. Подобное расположеніе объясняетъ поведеніе его при одномъ случаѣ, которое безъ того казалось бы чрезвычайно страннымъ (1). Въ третій день ма-

(1) Это рассказываетъ Г. Николь, сочинитель анекдотовъ и достопамятностей царствованія Фридриха Великаго.

невровъ. Король стоялъ на высотѣ, примѣчая внимательно въ зрительную трубку, все ли исполняется по предписаннымъ распоряженіямъ. Императоръ находился съ Принцемъ Генрихомъ на отдаленномъ мѣстѣ, и въ эту минуту рѣшительно не было никого близь Короля, кромѣ генерала Зейдлица и полковаго его лекаря, находившихся въ ста шагахъ отъ Короля. Внезапно лошадь подъ Королемъ начала трестись, легла и стала валиться. Король упалъ, но къ счастью не подъ лошадь, которая вспрыгнувъ помчалась вдаль. Лекарь, перелугавшись, спросилъ генерала, не прикажетъ ли онъ ему бѣжать къ Королю, который, быть можетъ, ушибся; но Зейдлицъ, видя что Король уже поднялся на ноги, отвѣчалъ: «оставайтесь здѣсь, Король не любитъ, чтобъ замѣчали подобныя случаи, тѣмъ болѣе если они безвредны.» Полковой лекарь спросилъ не съѣздить ли за одною изъ генеральскихъ заводныхъ лошадей. Зейдлицъ, покачавъ головою, сказалъ: «нѣтъ! развѣ Король самъ потребуетъ; мои лошади легко могли бы пошалить, онѣ нѣсколько чувствительны въ головахъ;» — намѣкая этимъ на обыкновеніе Короля бить лошадей по головѣ. Такимъ образомъ Король оставался совершенно одинъ въ продолженіи четверти часа, не пере-

ставая смотрѣть въ зрительную трубку на движенія войскъ и не оглядываясь; генераль же смотрѣлъ въ другую сторону, какъ бы не замѣчая того, что случилось. Лошадь скоро опять подвели и Король тотчасъ сѣлъ на нее, не сказавъ ни слова. Но если въ сихъ важнѣйшихъ отношеніяхъ рождалось несогласіе, то не менѣе были неприятны и другія обстоятельства, незначительныя сами по себѣ, но важныя въ отношеніи времени, когда онѣ происходили; вотъ примѣръ. У одного офицера въ полку, прозваннаго въ насмѣшку великимъ Моголомъ по причинѣ его хвастовства и тщеславія, захромала по несчастію незадолго до смотра лучшая его лошадь. Такъ какъ ночная прогулка для своего удовольствія была тому причиною, то товарищи не были расположены одолжить ему лошади и онъ принужденъ былъ проѣхать предъ Императоромъ на второй своей лошади, весьма некрасивой, съ обтертымъ хвостомъ. Императоръ не могъ довольно возносить полкъ за его красоту, порядокъ и быстроту его движеній. Свита Императора равно пзъявляла живѣйшее удовольствіе; но одинъ изъ чужихъ господъ замѣтилъ, что къ сожалѣнію одинъ изъ офицеровъ проѣхалъ на лошади. Зейдлицъ это услышалъ; его честолюбіе было глу-

боко оскорблено. Онъ предъ всѣми тотчасъ арестовалъ офицера на все остальное время смотра (¹).

По окончаніи маневровъ Императоръ и Король въ сопровожденіи большого числа генераловъ и штабъ-офицеровъ поѣхали въ Нейссе, гдѣ предъ дверями Епископскаго дворца Императоръ началъ разговаривать особо съ Зейдлицомъ, спрашивая его о многомъ и увѣряя его величайшими похвалами въ своей милости; онъ кончилъ сими словами: «если бы отношенія дозволяли, я бы приѣхалъ къ вамъ учиться кавалерійской службѣ, но такъ какъ это вещь несбыточная, то я бы желалъ, чтобъ вы вступили въ мою службу;» на что Зейдлицъ отвѣчалъ: «Ваше Величество сдѣлали бы во мнѣ дурное приобретеніе, ибо я разумью только службу одного Государя, того, которому служу теперь.» Король, находясь неподалеку, съ явною ревнивостью замѣчалъ продолжительный

(¹) Въ этомъ случаѣ генералъ Зейдлицъ могъ обвинить самого себя; занимаясь постоянно полкомъ своимъ и входя во всю подробности, какъ было не пересмотрѣть офицерскихъ лошадей предъ столь торжественнымъ днемъ? Впрочемъ его досада и гнѣвъ понятны; кому не случилось видѣть, что общее согласіе прекраснаго полка терпягъ отъ одной безобразной лошади, стоящей на виду. А.

разговоръ, и хотя могъ ясно слышать послѣд-
нія слова, ибо Зейдлицъ говорилъ весьма громко
и откровенно, указывая даже на Короля, но
не менѣе того онъ тотчасъ подозвалъ его, и спро-
силъ съ большимъ негодованіемъ: «о чемъ онъ
говорилъ такъ долго съ Императоромъ?» Когда
же Зейдлицъ повторилъ весь разговоръ съ точ-
ностию, то Король возразилъ: «онъ не обязанъ
былъ входить въ объясненія.» Императоръ же
сохранилъ Зейдлица въ милости, и прислалъ ему
въ подарокъ изъ Вѣны трехъ прекрасныхъ Ту-
рецкихъ лошадей.

Отношеніе Зейдлица къ Королю подвержено
было и въ послѣдствіи различнымъ измѣненіямъ.
Сколько Король ни уважалъ и ни почиталъ
его, признавая вообще его заслуги въ полной
мѣрѣ и предоставляя полную свободу его
дѣйствіямъ и распоряженіямъ по службѣ, но
не менѣе того онъ охотно пользовался случаемъ
осуждать нѣкоторыя подробности, и тѣмъ не-
рѣдко оскорблялъ его самымъ чувствительнымъ
образомъ. Послѣ смотра въ 1770 году, которымъ
онъ остался чрезвычайно доволенъ, сдѣлавъ онъ
однако же подъ конецъ слѣдующее замѣчаніе.
«Любезный мой Зейдлицъ, мнѣ кажется, что въ
твоемъ полку стрелена длиннѣе, нежели въ про-

чей кавалеріи (¹).» Зейдлицъ, требовавшій чтобъ стремена отнюдь не были коротки, не могъ хладнокровно перенести, чтобъ охудали то, что по его убѣжденію казалось правильнымъ; онъ возразилъ кратко: «Ваше Величество, полкъ ѣздигъ и теперь точно такъ, какъ ѣздилъ подъ Росбахомъ.» Король не отвѣчалъ ни слова. Онъ и еще разъ слышалъ не гнѣваясь подобное же смѣлое возраженіе: сообщая своимъ кавалерійскимъ генераламъ новое предположеніе о числѣ наличныхъ лошадей и способѣ пополненія ихъ въ полку, онъ обратился къ Зейдлицу, стоявшему въ задумчивости и требовалъ его мнѣнія: «я исчислялъ, отвѣчалъ онъ, что при предполагаемомъ распоряженіи, чрезъ десять лѣтъ самая молодая лошадь во всей конницѣ Вашего Величества будетъ не моложе пятнадцати лѣтъ.» Король отворотился и предположеніе не было приведено въ исполненіе. Однажды въ присутствіи Короля разсматривали вопросъ о томъ, полезнѣ ли для конницы имѣть клинки съ двумя острями, или обыкновенные съ однимъ. Зейдлицъ, наскучивъ споромъ, окончилъ его крат-

(¹) Зейдлицъ не терпѣлъ чтобъ кирасеры ѣздили на короткихъ стременахъ: для гусаръ стремена пригонялись короче, дабы они могли подыматься во время фланкировки.

кимъ рѣшеніемъ: «если только конница наскочетъ на непріятеля прежде, чѣмъ онъ успеетъ осмотрѣть ея клинки, то она возьметъ верхъ, хотя бы вооружена была одними хлыстиками.» Въ другомъ случаѣ онъ съ ловкостью избѣжалъ гнѣва королевскаго: однажды во время смотра конница при развертываніи фронта не соблюдала линіи равенствъ. Зейдлицъ прискакалъ къ флангу, который казалось отставалъ и кричалъ: «впередъ! впередъ!» въ ту же самую минуту раздался голосъ подъѣхавшаго Короля: «назадъ! назадъ!» Зейдлицъ тотчасъ поворотилъ лошадь, спокойно съ нея сошелъ и началъ поправлять удила своего мундштука, принявъ видъ, будто дѣло не касалось до него. Король отъѣхалъ далѣе, предоставивъ самому полку выровняться.

Иногда цѣлые дни проходили во взаимномъ холодномъ обращеніи; это продолжалось, пока расположеніе это по какому нибудь поводу или усиливалось или вовсе исчезало. Король владѣлъ тайною истреблять съ плѣнительною пріятностью однимъ словомъ печаль и обезоруживать гнѣвъ. Зейдлицъ сидѣлъ однажды за королевскимъ столомъ съ угрюмымъ видомъ и не говоря ни слова; Король тоже не обращалъ къ нему своей рѣчи, но тѣмъ болѣе разговари-

валъ съ Французскимъ генераломъ, освѣдомившимся о нѣкоторыхъ военныхъ событіяхъ. Рѣчь дошла до Цорндорфскаго сраженія. Король объяснилъ различныя движенія и атаки, и по мѣрѣ того, какъ онъ припоминалъ себѣ обстоятельства того дня, началъ онъ взглядывать милостиво на Зейдлица, неизмѣнявшаго своего угрюмаго лица. Наконецъ Король воскликнулъ съ живостью: «что болѣе о томъ распространяться? вотъ сидитъ тотъ, — указывая на Зейдлица, — кто выигралъ сраженіе!» Веселость и дружелюбное расположеніе тотчасъ были восстановлены.

Слѣдующія слова, произнесенныя за королевскимъ столомъ, показываютъ сколь велико было уваженіе Короля и окружающихъ его къ Зейдлицу. Король любилъ за обѣдомъ предаваться игрѣ своего остроумія, и многіе изъ его гостей были цѣлю колкихъ его насмѣшекъ, иногда весьма язвительныхъ. Обыкновенно онъ избиралъ предметомъ своихъ нападеній оберъ-шталмейстера, Графа Шверина, подававшаго къ тому поводъ своею откровенностію и говорливостію; однакоже въ одинъ день дошло до того, что Шверинъ, не будучи въ силахъ воздержаться, воскликнулъ съ живостью: «со мною Вашему

Величеству легко шутить и поступать подобнымъ образомъ; я принужденъ все сносить; но вотъ сидитъ нѣкто, — показывая на Зейдлица, — не благоугодно ли попытаться надъ нимъ.» Присутствующіе изумились, Король замолчалъ, и насмѣшки на этотъ разъ прекратились. Зейдлицъ никогда не показывалъ Королю болѣе смѣлости и откровенности, какъ тогда, когда онъ побуждаемъ былъ справедливостію и чувствомъ своей обязанности говорить въ пользу другихъ, и слова его всегда почти имѣли хорошій успѣхъ. Однажды въ Бреславѣ множество инвалидовъ слишкомъ близко подступили къ Королю и безпокоили его до того, что разсердился онъ, велѣлъ ихъ отогнать. На это Зейдлицъ сказалъ: «Ваше Величество, это тѣ же храбрые люди, которые готовы были положить свой животъ и отдать свои кости, чтобъ одержать для васъ побѣду и умножить вашу славу; теперь же они принуждены просить милостыню!» Король одумался, велѣлъ ихъ одарить, и отпустилъ милостиво. — По просьбѣ генераль-маіора Бредова, Король уволилъ его отъ службы безъ пенсіона. Заслуженный генераль, оставленный безъ призывнiя при старости лѣтъ, хотѣлъ застрѣлится, но пуля поскользнула по головѣ, не раздробивъ черепа. Зейдлицъ, подѣ начальствомъ ко-

его служилъ Бредовъ, представилъ Королю несчастное его положеніе, въ такихъ живыхъ краскахъ, просилъ за него такъ настоятельно и горячо, что Король пожаловалъ ему гораздо больше, чѣмъ когда либо можно было ожидать, т. е., ежегодный пенсіонъ въ 1000 талеровъ. Подобный случай былъ съ однимъ генераломъ, когото драгунскій полкъ такъ же состоялъ въ инспекціи Зейдлица. Генераль этотъ, по случаю разговора на счетъ послѣдняго рѣмонта, порученнаго королевскому генераль-адыютанту Ангальту, объяснился слишкомъ откровенно и въ такихъ выраженіяхъ, которыя оскорбляли Ангальта. Вскорѣ послѣ того, вѣроятно по дѣйствию Ангальта, вышла генералу отставка съ незначительнымъ пенсіономъ. Зейдлицъ тотчасъ написалъ Королю, что этотъ генераль былъ всегда храбрымъ воиномъ, что онъ обремененъ семействомъ и бѣденъ, что назначенная сумма для него недостаточна, и что Король обязанъ пожаловать ему больше. Король немедленно ему назначилъ 1500 талеровъ, и заплатилъ сверхъ того его долги. Равнымъ образомъ противорѣчилъ Зейдлицъ Королю, когда онъ изъявилъ несправедливое сужденіе о генералѣ одного изъ Силезскихъ гусарскихъ полковъ. Въмѣсто того, чтобъ подтвердить слова королевскія, какъ ожидалъ Король, тѣмъ

болѣе, что обвиняемый не доброжелатель Зейдлицу, онъ сильно вступился за него, упрекая Короля, что онъ слишкомъ легко доверяеть ложнымъ и пристрастнымъ донесеніямъ.

Но при всей этой смѣлости Зейдлицъ весьма хорошо зналъ, когда и въ какихъ случаяхъ можно было такимъ образомъ обращаться съ Королемъ. Однажды его просили еще разъ доложить Королю о просьбѣ, въ которой уже было отказано. Зейдлицъ отвѣчалъ: «повѣрьте же мнѣ, что ни я, ни кто другой моего званія и чина, никогда не можетъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, чтобъ не быть отправлену изъ королевскаго кабинета прямо въ Шпандау.» Въ обыкновенныхъ дѣлахъ, въ коихъ не было побудительной причины дѣйствовать смѣло, онъ поступалъ осторожно и благоразумно, пользуясь удобнымъ временемъ и благоприятными обстоятельствами. Это доходило до того, что во время немилости, онъ останавливалъ все дѣла, требовавшія рѣшенія Короля, не представляя ни прошеній объ увольненіи отъ службы, ни просьбъ о позволеніи вступить въ бракъ, или объ отпускѣ, или пожалованіи пенсій. Но коль скоро расположеніе становилось благоприятнѣе, то онъ весьма дѣятельно принимался снова за все оставшіяся

дѣла. Известно, что какъ въ отношеніи службы, такъ равно и во время бесѣды, поведеніе Короля зависѣло отъ минутныхъ впечатлѣній; напри- мѣръ Король не терпѣлъ табаку и часто предъ любителями онаго показывалъ свое отвращеніе отъ него самымъ неприятнымъ образомъ. Однажды Зейдлицъ, на вопросъ откуда онъ при- шелъ, отвѣчалъ, что онъ дѣлалъ визиты при дворѣ, на что Король сердито возразилъ: «спроси у придворныхъ дамъ, давно ли онъ начали ку- рить табакъ.» Но въ другое время, будучи въ лучшемъ расположеніи духа и, припоминая себѣ все достоинство такого человѣка, каковъ былъ Зейдлицъ, исполненный попечительной милости къ нему, самъ приглашалъ его, какъ говорятъ, курить трубку въ присутствіи своемъ.

Безъ сомнѣнія Зейдлицъ не могъ удовлетво- рять въ бесѣдахъ требованіямъ утонченнаго и плодовитаго ума Фридриха. Въ этомъ отноше- ніи онъ отставалъ отъ многихъ генераловъ, изъ коихъ иные по пылкости умственныхъ способ- ностей, другіе по основательной и утонченной образованности, или, по крайней мѣрѣ, по зна- нію общества во Франціи и ученаго ея свѣта, были для Короля приятнѣйшіе собесѣдники, чѣмъ Зейдлицъ, который не отличался ни однимъ изъ

сихъ качествъ; оттого онъ по большей части сидѣлъ задумчиво, участвуя только тогда въ разговоръ, когда дѣло шло о конницѣ или же объ охотѣ, и то немногими словами безъ большой выставки, стараясь въ присутствіи царскаго хозина умѣрять расположеніе свое къ веселости, которое въ другомъ кругу иногда свободно обнаруживалось.

Но удовлетворяя умственнымъ наслажденіямъ, Король питалъ истинное сердечное расположеніе къ старымъ своимъ соратникамъ, и это чувство возрастало съ лѣтами. Ему обратилось въ необходимость желаніе видѣть иногда старыхъ своихъ героевъ и изъявлять свою признательность тѣмъ, съ коими онъ перенесъ столько превратностей судьбы, перешелъ столько опасностей, приобрѣлъ столь великую славу. Безъ сомнѣнія надобно отнести къ этому милостивому расположенію столь же простодушное, сколь при всей краткости слога, дружеское приглашеніе Короля, адресованное изъ Потсдама на имя Зейдлица, отъ 10 Апрѣля 1772 года. «Любезный мой генералъ-отъ-кавалеріи Зейдлицъ, мнѣ кажется, что вы уже нѣсколько лѣтъ сряду не любопытствовали посмотреть здѣшніе полки. Мнѣ весьма будетъ приятно, если вы въ семь намѣреніи бу-

дѣла. Извѣстно, что какъ въ отношеніи службы, такъ равно и во время бесѣды, поведеніе Короля зависѣло отъ минутныхъ впечатлѣній; напри- мѣръ Король не терпѣлъ табаку и часто предъ любителями онаго показывалъ свое отвращеніе отъ него самымъ неприятнымъ образомъ. Однажды Зейдлицъ, на вопросъ откуда онъ пришелъ, отвѣчалъ, что онъ дѣлалъ визиты при дворѣ, на что Король сердито возразилъ: «спроси у придворныхъ дамъ, давно ли онъ начали курить табакъ.» Но въ другое время, будучи въ лучшемъ расположеніи духа и, припоминая себѣ все достоинство такого человѣка, каковъ былъ Зейдлицъ, исполненный попечительной милости къ нему, самъ приглашалъ его, какъ говорятъ, курить трубку въ присутствіи своемъ.

Безъ сомнѣнія Зейдлицъ не могъ удовлетво- рять въ бесѣдахъ требованіямъ утонченнаго и плодовитаго ума Фридриха. Въ этомъ отноше- ніи онъ отставалъ отъ многихъ генераловъ, изъ коихъ иные по пылкости умственныхъ способ- ностей, другіе по основательной и утонченной образованности, или, по крайней мѣрѣ, по зна- нію общества во Франціи и ученаго ея свѣта, были для Короля пріятнѣйшіе собесѣдники, чѣмъ Зейдлицъ, который не отличался ни однимъ изъ

сихъ качествъ; оттого онъ по большей части сидѣлъ задумчиво, участвуя только тогда въ разговоръ, когда дѣло шло о конницѣ или же объ охотѣ, и то немногими словами безъ большой выставки, стараясь въ присутствіи царскаго хозяина умѣрять расположеніе свое къ веселости, которое въ другомъ кругу иногда свободно обнаруживалось.

Но удовлетворяя умственнымъ наслажденіямъ, Король питалъ истинное сердечное расположеніе къ старымъ своимъ соратникамъ, и это чувство возрастало съ лѣтами. Ему обратилось въ необходимость желаніе видѣть иногда старыхъ своихъ героевъ и изъявлять свою признательность тѣмъ, съ коими онъ перенесъ столько превратностей судьбы, перешелъ столько опасностей, приобрѣлъ столь великую славу. Безъ сомнѣнія надобно отнести къ этому милостивому расположенію столь же простодушное, сколь при всей краткости слога, дружеское приглашеніе Короля, адресованное изъ Потсдама на имя Зейдлица, отъ 10 Апрѣля 1772 года. «Любезный мой генералъ-отъ-кавалеріи Зейдлицъ, мнѣ кажется, что вы уже нѣсколько лѣтъ сряду не любопытствовали посмотреть здѣшніе полки. Мнѣ весьма будетъ приятно, если вы въ семъ намѣреніи бу-

дете сюда 1 Мая с. г. Ф—хъ.» Но прежде еще, нежели это письмо пришло въ Олау, Зейдлицъ снова пораженъ былъ параличемъ; прежнее расслабленіе нервъ, и впоследствии неосторожное напряженіе силъ, были тому причиною. Врачи совѣтовали ему пользоваться Карлсбадскими водами; уведомивъ о томъ Король, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ, выражающій самое ласковое участіе: «мы очень прискорбно «было вмѣсто того, чтобъ имѣть удовольствіе «васъ здѣсь увидѣть, узнать изъ письма вашего «отъ 14, о вновь постигшемъ васъ ударѣ пара- «лича. Такъ какъ въ 1747 году я имѣлъ подоб- «ный припадокъ, и несмотря на это излечился «до того, что у меня не осталось ни малѣйшаго «слѣда по немъ, то я равно надѣюсь увидѣть васъ «совершенно здоровымъ, коль скоро при насту- «пающемъ благоприятномъ времени будете поль- «зоваться Карлсбадскими или другими водами. «Но крайней мѣрѣ я желаю того отъ всего сердца.» Но Король былъ еще въ цвѣтъ лѣтъ, когда приключился ему подобный недугъ; Зейдлицу напротивъ того было уже за пятьдесятъ лѣтъ; къ тому же былъ онъ весьма расслабленъ отъ прежняго образа жизни. Сначала онъ самъ препятствовалъ исцѣленію своему тѣмъ, что пренебрегалъ болѣзнію и предписаніями врачей;

впослѣдствіи онъ поправился и осенью могъ еще обучать свой полкъ и объѣхать свою инспекцію. Однако онъ не долго былъ въ этомъ хорошемъ по наружности состояніи, ибо когда явился въ лагерь на смотру въ Силезію, то едва могъ держаться на лошади и не участвовалъ въ маневрахъ; но не смотря на это, онъ не внималъ ни увѣщаніямъ врачей, ни собственному опыту.

Весною 1773 года, по мѣрѣ какъ страданія его умножались, силы его стали ослабѣвать. Неоднократно получалъ онъ отъ Короля письма, исполненныя участія, увѣщаній и добрыхъ желаній; Принцъ Генрихъ изъяслялъ ему равную заботливость. Кажется, что вторичное употребленіе Карлсбадскихъ водъ, совершенно его изнурило; его перевезли въ великомъ изнеможеніи изъ Богеміи въ его помѣстье Миньковски; онъ не могъ болѣе выходить изъ комнаты и скоро потомъ не оставлялъ постели. Когда полкъ его собрался лѣтомъ въ г. Олау для ученія, то онъ велѣлъ себя вынести, чтобъ освѣжить утомленные глаза видомъ своихъ всадниковъ. Король объѣзжая Силезію, прибылъ въ Олау въ Августъ мѣсяцъ того года, онъ посѣтилъ дорогаго больного и прислалъ къ его постелѣ. Зейдлицъ представлялъ уже видъ достойный сожалѣнія.

Король пробылъ у него болѣе часа; съ умиленіемъ старался его утѣшить и внушить ему надежду, неоднократно прибавляя слѣдующія слова: «онъ для меня необходимъ; я не могу быть безъ него!» и уговаривалъ его ласково принимать предписываемыя лекарства. «Любезный мой Зейдлицъ, говорилъ онъ, не будь столь упрямъ, тебѣ надобно слѣдовать совѣту докторовъ.» Послѣ чего обращаясь къ доктору прибавилъ: «но и вамъ докторамъ не должно упрямиться, и мучить больнаго порошками, когда они ему противны и онъ желаетъ брать лекарство въ капляхъ, разумѣется, если одно столь же полезно, какъ и другое.» Зейдлицъ былъ тронутъ до слезъ, и ободренный милостію Короля, почувствовалъ новое желаніе къ жизни. Король оставивъ больнаго, имѣлъ еще разговоръ съ врачомъ; на жалобу о прихотяхъ и своеволіи больнаго, Король отвѣчалъ: «не такъ громко говори! не такъ громко! ибо если Зейдлицъ услышитъ изъ своей комнаты, то ч. возметъ тебя и меня!» Зейдлицъ поручилъ Королевской милости многихъ офицеровъ, которыхъ отличныя способности и ревность къ службѣ онъ высоко цѣнилъ, между ими и вѣрнаго своего адъютанта; когда этотъ, по отъѣздѣ Короля, съ печальнымъ видомъ стоялъ при одрѣ боль-

наго, то онъ въ утѣшеніе ему сказалъ: «Рейбницъ будьте покойны; если Богъ мнѣ на этотъ разъ поможетъ, то и вамъ будетъ хорошо; если же мнѣ суждено кончить, то Король возьметъ васъ подъ милостивое свое покровительство.» Король принялъ эту послѣднюю просьбу въ особое уваженіе, исполнивъ съ точностію все обѣщанное генералу. Говорятъ, что по возвращеніи Короля въ Потсдамъ, онъ еще писалъ къ Зейдлицу, что онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ допустить къ себѣ мысль лишиться его; если же когда нибудь это несчастіе воспослѣдуетъ, то онъ желалъ бы знать, кого Зейдлицъ считаетъ достойнѣйшимъ командовать послѣ него всею кавалеріею, что этого послѣдняго доказательства дружбы вправѣ ожидать отъ него Король, эту послѣднюю заслугу ожидаетъ отечество. Утверждаютъ, что на это Зейдлицъ отвѣчалъ по внутреннему убѣжденію, что не знаетъ никого способнѣе полковника Ваксница, того самаго, котораго уже онъ столько выхвалялъ на полѣ сраженія при Цорндорфѣ, и который послѣ того, оставя Прусскую службу, вступилъ въ Гессенскую, и потому не могъ быть приятель Королю. Фридрихъ дурно принялъ это предложеніе какъ совершенно несбыточное и означающее упорство Зейдлица,

прибавя съ насмѣшкою: *«cela prouve, que les plus grands hommes rudoient quand ils sont aux abois.»* Бланкенбургъ не вѣритъ этому разсказу, хотя и не имѣетъ достаточныхъ причинъ сомнѣваться; ибо маіоръ Кальтенборнъ, заслуживающій довѣріе, сообщаетъ сіе обстоятельство опредѣлительно, въ письмахъ стараго Прусскаго офицера. Согласно съ нимъ и Резовъ признаетъ это происшествіе за истинное, но утверждаетъ, что это все происходило при постели больного Зейдлица; присовокупляя, что когда Король возразилъ: «какъ можетъ онъ предлагать мнѣ для такого мѣста офицера, оставившаго мою службу?» Зейдлицъ повторилъ: «я никого не знаю способнѣйшаго.» Послѣ чего Король, разсердись, удалился.

Наслѣдный Принцъ, вступившій впоследствии на престолъ подъ именемъ Фридриха Вильгельма II, также посетилъ въ то время больного генерала. Зейдлицъ просилъ его принять отъ него отличную лошадь. Принцъ, принявъ съ благосклонностью, благодарилъ его слѣдующимъ письмомъ изъ Бреслава, отъ 23 Августа 1773: «Любезный мой генераль Зейдлицъ! «Поручикъ Клейстъ доставилъ мнѣ сей часъ лошадь, которую вы изволили мнѣ прислать въ

«подарокъ. Она мнѣ очень нравится, и я не
«могу васъ достаточно за то возблагодарить. Я
«надѣюсь, что вы слишкомъ увѣрены въ распо-
«ложеніи моемъ, чтобъ когда либо пришло вамъ
«на мысль, что я могу позабыть столь заслу-
«женнаго мужа и друга моего. Я принимаю ло-
«шадь съ радостью, въ знакъ вашей дружбы,
«но не въ знакъ памяти; прошу васъ убѣдительно
«слѣдовать во всемъ совѣту врачей, я не
«сомнѣваюсь, что вы будете здоровы. Вы такъ
«часто подвергали жизнь свою величайшимъ о-
«пасностямъ для славы и для блага отечества,
«что теперь становится уже обязанностию сохра-
«нить ее для пользы отечества, и для друзей
«вашихъ, въ числѣ коихъ по полному праву се-
«бя считаетъ пребывающій весьма благосклонно
«вашимъ другомъ, Фридрихъ Вильгельмъ.» Увѣ-
щанія и надежда остались тщетными; больной,
проживъ еще нѣсколько недѣль въ великомъ
разслабленіи, скончался тихо и спокойно 7-го
Ноября 1773, на пятьдесятъ третьемъ году своей
жизни.

Получивъ извѣстіе о смерти героя, Король
написалъ генералу Редеру, послѣдовавшему ему
въ должности инспектора конницы Нижней Си-
лезіи, равно какъ генералъ Паниевицъ послѣ-

довалъ ему въ начальствѣ въ Верхней Силезіи, что онъ въ немъ лишился одного изъ своихъ достойнѣйшихъ генераловъ. Дабы явить предъ арміею ясное доказательство, сколь высоко онъ цѣнитъ и послѣ смерти заслуги его, Король приказалъ, чтобы всѣ штабъ-офицеры Силезской инспекціи носили двѣ недѣли въ знакъ траура флеръ на лѣвомъ рукавѣ. Трупъ его, скоро пришедшій въ гніеніе, перевезенъ былъ по распоряженію покойника въ его деревню Мицьковски, гдѣ и похороненъ въ саду, тихо и безъ пышности. На пути туда, по ту сторону моста, оказали усопшему военныя почести. Въ Мицьковскомъ, деревнѣ мрачнаго вида и окруженной лѣсами, Зейдлицъ выстроилъ по вкусу своему домъ и соорудилъ самъ гробницу свою. Домъ былъ пышенъ, но не съ большимъ вкусомъ; главную часть строеній занимали пространныя конюшни; надъ воротами дома изображены были Римляне: Курій съ рѣпами и Циципинать съ плугомъ и волами. Въ небольшомъ эрмитажѣ, подъ старыми дубами находится гробница его; памятникъ изъ песчанаго камня украшенъ вверху урною изъ чернаго мрамора и спящимъ львомъ. Доска изъ чернаго мрамора, находящаяся на передней сторонѣ, содержитъ въ золотыхъ буквахъ слѣдующую над-

пись: *Herois Fried. Wilh. L. B. de Seydlitz nat. a. 1721, demt. a. 1773, cineres.*

Потомство его не было счастливо. Онъ не оставилъ наследниковъ мужескаго пола. Старшая его дочь вышла за военнаго совѣтника Массова въ Бреславъ, развелась съ нимъ, потомъ вторично вышла за Польскаго графа Мончинскаго, лишившаго ее всего имѣнія; приняла католическую вѣру и умерла, послѣ различныхъ печальныхъ приключеній, въ домѣ сумасшедшихъ въ г. Брисъ; меньшая, доживъ до глубокой старости, умерла наконецъ въ великой бѣдности въ деревнѣ Нижней Лузаци.

Въ нашемъ повѣствованіи уже сообщены существенныя черты личности и характера Зейдлица. Присовокупляемъ еще нѣкоторыя: росту онъ былъ средняго, но чрезвычайно стройнаго, все выражало въ немъ силу и ловкость. Онъ сохранилъ до послѣдняго времени осанку прямую и важную; на конѣ, по всѣмъ свидѣтельствамъ, она была несравненна. — Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Бланкенбургъ, что одна наружность его, и безъ оживляющей огненной души, увлекла бы вслѣдъ за собою конный строй въ ряды непріятели. Лице его ничего не пред-

ставляло необыкновеннаго; но въ живыхъ его глазахъ сіяла пронизательность, обнаруживалось мужество, пылкость, огонь, отличавшіе его въ опасностяхъ войны и въ отважныхъ приключеніяхъ.

Благородство и великодушіе безспорно были основаніемъ его характера; между воинами своего времени онъ былъ одинъ изъ великодушнѣйшихъ. Онъ ненавидѣлъ жестокія наказанія, и прекратилъ почти совершенно въ своемъ полку употребленіе побоевъ. Къ земледѣльцамъ онъ особенно благоволилъ, и хотя унижалъ званіе крестьянина въ сравненіи съ солдатомъ, не менѣе того наблюдалъ, чтобы почитали и берегли его. Однажды молодой офицеръ, исполняя приказаніе, нетребовавшее особенной поспѣшности, проскакалъ прямо по обработанному полю; Зейдлицъ спросилъ у возвратившагося: «у васъ вѣрно нѣтъ деревни?» Онъ оказывался покровителемъ тѣхъ офицеровъ, которые, не отличаясь блестящими свойствами, были дѣятельны и усердны по службѣ. Одному изъ своихъ офицеровъ, пожимавшему плечами, оттого, что другой офицеръ, пожилой ротмистръ, не понималъ нѣкоторыхъ предписаній, сказалъ онъ упрекая: «не мѣшайте ему; онъ болѣе, чѣмъ мы оба

съ вами, подобныхъ дѣлъ исполнилъ въ виду не-
 приятеля.» Но съ другой стороны мы уже ви-
 дѣли, что онъ, согласно съ духомъ своего вре-
 мени и званія, равно позволялъ себѣ всякое на-
 силіе и свосвоіе, увлекаемый минутною за-
 нальчивостію; это въ особенности изъяснялось
 въ каждомъ спорномъ дѣлѣ между военнымъ и
 гражданскимъ вѣдомствомъ. Изуетное сообще-
 ніе Князя Фридриха Людовика Гогенлос-Ингель-
 фингена ⁽¹⁾, заключаетъ тому достопримѣчатель-
 ный примѣръ. Князь служилъ въ своей моло-
 дости въ Тауенцинскомъ полку въ Бреславѣ.
 Онъ часто бывалъ въ Олау, чтобъ видѣть Зейд-
 лица, который обыкновенно послѣ утомитель-
 ной верховой ѣзды, проводилъ остальную часть
 дня у окна своего, куря трубку. Бургомистръ го-
 рода Олау, занимая домъ супротивъ Зейдлица, рав-
 нолюбилъ курить, глядя по утрамъ въ окно, съ кол-
 пакомъ на головѣ. Полагая въ этомъ знакъ не-
 уваженія къ себѣ, Зейдлицъ приказалъ ему снять
 колпакъ. Бургомистръ, съ своей стороны, почи-

(1) Бывшій Прусской службы генераль-отъ-инфантеріи,
 извѣстный одержанною побѣдою надъ Французами при
 Кайзерслаутернѣ въ 1794 году; послѣ того пораженіемъ
 подъ Іеною и заключенною имъ капитуляціею близъ
 Пренцавы въ 1806 году. Провелъ остальную жизнь въ
 помѣстьяхъ своихъ въ Силезіи; скончался въ 1818 году.

тая такое приказаніе оскорбительнымъ, не снялъ колпака, пока Зейдлицъ не сходилъ за пистолетомъ и не выстрѣлилъ по немъ. Тогда испуганный бургомистръ отскочилъ отъ окна, но немедленно донесъ о томъ Королю, по эстафетѣ. Король оставилъ эту жалобу безъ всякаго отвѣта, избѣгая тѣмъ затрудненія сдѣлать взысканіе съ достойнаго сановника, каковъ былъ Зейдлицъ, за своеволие и безчиніе, приличныя молодому проказнику.—Его прямодушіе и кротость предохраняли его отъ частыхъ повтореній подобныхъ выскочекъ; вообще жилъ онъ въ согласіи съ большимъ числомъ своихъ товарищей; особенно въ короткой связи и братствѣ съ генераломъ Варнери, бывшемъ уже въ Нацмерскомъ гусарскомъ полку вѣрнымъ его товарищемъ. Блестящее поприще Зейдлица, его производство въ молодыхъ лѣтахъ на высшія степени военныхъ почестей, были безъ сомнѣнія необыкновенны; но съ другой стороны достоинство его подвиговъ и заслуги его сіяли въ такомъ возвышенномъ и ясномъ видѣ, что едва ли кто смѣлъ завидовать ему. Настоящихъ недоброжелателей имѣлъ онъ мало; генераль Редеръ, послѣдовавшій ему въ командѣ, былъ его неприятелемъ, и впоследствии старался изменить все, что заводилъ Зейдлицъ. Только слу-

чайно и по обстоятельствамъ генералъ Клейстъ явился его соперникомъ на войнѣ и казался онымъ и въ мирное время, совершенно безъ намѣренія, но потому только, что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до кавалеріи, Король наравнѣ съ мнѣніемъ Зейдлица спрашивалъ и Клейста, отступавшаго нерѣдко отъ сужденія Зейдлица, который однакоже съ справедливостію призналъ достоинства сего генерала, объявля по инспекціи, къ общему удивленію, въ слѣдующихъ трогательныхъ выраженіяхъ о смерти мнимаго ненавистнаго врага, вослѣдовавшей въ Августъ 1767 года: «исполняю прискорбный долгъ, объявляя о смерти генералъ-лейтенанта Клейста. Она похитила у арміи одного изъ отличнѣйшихъ кавалерійскихъ генераловъ и лишила Его Королевское Величество одного изъ върнѣйшихъ его слугъ.»

При исчисленіи качествъ нашего героя, мы до сихъ поръ почти вовсе не упоминали о принадлежности, совершенно ему свойственной, объ уваженіи постоянно оказываемомъ имъ церкви и ея обрядамъ; эту добродѣтель онъ сохранилъ съ самаго младенчества, во все время бурной юности, и до позднихъ лѣтъ. Хотя эти чувства никогда не могли обуздать его страстей

и едвали онъ когда помышлялъ укротить ихъ этою благодѣтельнойю властью, по не менѣе того онъ любилъ благоговѣнное Богослуженіе, и въ продолженіи Семилѣтней войны предъ каждымъ предвидимымъ сраженіемъ приказывалъ полковому священнику воспламенять воиновъ своихъ къ храбрости и твердости, равно внушать въ раненныхъ и умирающихъ утѣшительныя истяны вѣры, и причащать ихъ святыхъ таинъ. Однажды во время войны Король, сопровождаемый Зейдлицомъ, опередилъ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, пѣвшій во время марша духовную пѣснь. «Эти кавалеристы трусы, воскликнулъ Король, они поютъ изъ псалтири.» Зейдлиецъ, который самъ никогда не пѣлъ, взялъ сторону солдатъ, напоминая Королю, что генералъ Цитенъ также любилъ пѣть духовныя пѣсни. Съ полковымъ священникомъ, умершимъ въ 1791 году въ Олау, гдѣ онъ былъ пасторомъ, Зейдлиецъ жилъ въ дружбѣ, отличая его публично при каждомъ случаѣ. Онъ не позволялъ молодымъ офицерамъ легкомысленныхъ шутокъ на счетъ религіи и ея служителей.

Степень умственнаго образованія Зейдлица должно только разсматривать въ отношеніи къ его вѣку: она достаточна была для его обяза-

ностей; но тщетно было бы воздать особую похвалу его образованности. Природныя способности ума его были необширны, и въ этомъ направленіи едва развиты; но если умъ его не былъ гениальный, то въ предметахъ своихъ всегда оказывался вѣрнымъ и даже отличнымъ, какъ свидѣтельствуя его дѣянiя, отвѣты его и даже краткія письменныя объясненiя. Онъ довольно свободно изъяснялся на Французскомъ языкѣ, хотя нельзя полагать, чтобъ онъ знакомъ былъ съ Французскою литературою; столь же мало зналъ онъ и Нѣмецкую. Не менѣе того признавалъ онъ всю цѣну ученаго образованiя, и поощрялъ его по военному вѣдомству. Онъ учредилъ библіотеку для офицеровъ своего полка, изъ которой были исключены одни сочиненiя, служащiя для забавъ. Варнери повѣствуетъ объ обширномъ предположеніи по предмету образованiя молодыхъ офицеровъ: «Зейдлицъ имѣлъ въ своей инспекціи близъ ста молодыхъ штандартъ-юнкеровъ. Онъ намѣренъ былъ собрать всѣхъ въ Олау, гдѣ хотѣлъ ихъ по своимъ мыслямъ образовать какъ въ наукахъ, такъ и по службѣ. Онъ хотѣлъ, чтобъ обучались иностраннымъ языкамъ, математикѣ и упражнялись во всѣхъ гимнастическихъ искусствахъ; два мѣсяца передъ смотромъ ихъ отослали бы въ полки,

которые тогда собирались для производства учений. Такимъ образомъ они безъ сомнѣнїя могли бы приобрести большіе успѣхи; происки недоброжелателей помѣшали этому учрежденію.»

Касательно военныхъ его заслугъ свидѣтельства всѣхъ способныхъ судить о немъ, начиная отъ самого Фридриха Великаго до новѣйшихъ временъ, соединяются къ славѣ его. Капицъ въ своихъ разсужденїяхъ о судьбѣ и дѣяніяхъ кавалерїи, произнесъ съ остроумїемъ замѣчательнѣйшее сужденіе. Между всадниками онъ не имѣлъ себѣ подобнаго; не было и полководца подобнаго когда шло дѣло о томъ чтобъ вырвать побѣду явленїемъ силы сокрушительной; герой великій среди боя, искуснѣйшїй наставникъ, вознесшїй Прусскую конницу на верхнюю степень отличїя. Между соратниками Фридриха, Винтерфельдъ и Зейдлицъ занимаютъ первое мѣсто; обоихъ принадлежности, дѣянія ихъ, успѣхи, склонности, приключенїя и самая смерть, представляютъ изобильное поле для наблюдательнаго сравненїя.

На Вильгельмской площади, въ столицѣ Пруссїи, Король воздвигнулъ 2-го Мая 1784 года памятникъ Зейдлицу изъ чернаго мрамора. Вая-

тель Тассертъ представилъ героя въ обыкновенной его воинской одеждѣ; черты лица изображены по особому приказанію Короля сходно съ портретомъ, принадлежавшимъ Лорду Маршалу. Памятникъ, посвященный Принцомъ Генрихомъ въ Рейнсбергѣ героямъ Пруссіи, упоминаетъ о Зейдлицѣ съ величайшею похвалою. Въ Прусской арміи память о немъ неизгладима.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ .

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
66	3	самого	самаго.
74	4	покоторому	ко которому
89	13	при 17 ору- діяхъ ,	при 170 ору- діяхъ ,
115	9	при Пай ,	при Кай ,
—	26	при Шмоп- рейфенъ	при Шмоп- зейфенъ
143	1	при Ъхали	приѢхали
159	13	флангъ	флангъ
174	8	Михгала ,	Михаила ,
182	20	распоряже- ніемъ	распоряже- ніямъ
223	въ примѣч.	Николнъ ,	Николай ,